

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

13-й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

СЕНТЯБРЬ

9

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	Стр.
Г. Бешкин. Борьба с ликвидаторством на международной арене в довоенные годы	3
П. Прагер. Легальный марксизм (окончание)	35
А. Дубнер. Бакинский пролетариат в борьбе за власть (1918—1920 гг.)	75

ВОСПОМИНАНИЯ

А. Авдеев. Из истории борьбы за Советы	94
--	----

МАТЕРИАЛЫ

Из переписки заграничного большевистского центра с М. М. Литвиновым (1904—1905 гг.). Подготовлено к печати М. Левиной.	128
--	-----

ПАМЯТИ ТОВАРИЩЕЙ

М. Эссен. Памяти т. А. М. Эссена (Бура)	144
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и заметки: А. Ангаров. Ленинский сборник XIV.—Э. Генкина. Тов. Теодорович в плену у народнической методологии. (По поводу книги т. Теодоровича «Историческое значение партии «Народной воли».)	148
По журналам: А. Бур. «Каторга и ссылка» №№ 8—9, 10, 11 и 12 за 1929 г. и №№ 1, 2, 3, 4 и 5 за 1930 г.	168
Рецензии: С. Такоев. Н. Н. Попов. Национальная политика советской власти.—Н. Нелидов. Макс Гельц. От белого креста к красному знамени.—М. Острогорский. И. А. Худяков. Записки караковца	173
Новые книги.	179

ХРОНИКА

Работа местных истпартов и отделений единого партархива: А. Преображенский. Работа Нижегородского краевого истпарта. В. Троцкий. О работе истпарта Средне-волжского крайкома ВКП(б)	181
---	-----

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (Б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

13-Й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

СЕНТЯБРЬ

9 (104)

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Отпечатано в типографии Госиздата
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“.
Москва, Краснопролетарская, 16,
в количестве 3250 экзempl.

Главлит № А—78433

Гиз А—10 № 42976

Заказ № 1549

11½ п. л.

☆

БОРЬБА С ЛИКВИДАТОРСТВОМ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ В ДОВОЕННЫЕ ГОДЫ

Годы реакции и подъема в России были периодами классового размежевания и оформления оппортунистического и революционно-марксистского крыла международного рабочего движения в решающих странах. Различные исторические условия, в которых протекала борьба этих двух решающих направлений в отдельных странах, несколько не устраняла мирового характера этих явлений. Недостаточно выявленные в период мирного, «органического» развития рабочего движения, эти направления начинают более отчетливо проявляться в Западной Европе после революции 1905 года.

Ленин указывал, что ревизионизм прошел ряд ступеней своего развития. Были периоды, когда это было настроением, которое, казалось, имело эпизодический характер и которое крупнейшие деятели II Интернационала расценивали как «детскую болезнь» правизны, не имеющую прочных корней в бурно развивавшемся рабочем движении годов становления II Интернационала. Ревизионисты осуждались на партийтагах в Германии, вожди писали опровержения на теоретические этюды слишком зарывавшихся «критически-мыслящих личностей» à la Бернштейн. Последний же вместе с своими соратниками оформлял настроения не только в сторону теоретической ревизии марксизма, но и в области программы и тактики социал-демократии. Но годы, когда оппортунизм был якобы преходящим явлением, быстро убегали в историю, и уже на грани текущего столетия контуры мирового оппортунизма рельефно обозначились в среде германской социал-демократии. В 1899 г. француз Мильеран показал практику немецкой теории, вступив в буржуазное министерство Вальдека-Руссо. Российские «экономисты» в своеобразной форме с большей непосредственностью проповедывали отказ не только от гегемонии, но и вообще от какой бы то ни было политической самостоятельности рабочего класса, предлагая ему «самоустраниться» с арены политической борьбы, т. е. на деле превращая пролетариат в жалкий придаток либеральной буржуазии.

Но наряду с этим годы мирного органического развития были периодом роста, организованности и самоопределения широчайших слоев рабочего класса во всем мире. Создавались партии, профессиональные организации; Интернационал становился массовой, опирающейся на широкие

слои рабочего класса, организацией. Германская же социал-демократическая партия, игравшая решающую роль, несмотря на ряд грубейших оппортунистических промахов, в общем вела политику, накопившую много ценного опыта. Ленин, в эпоху реакции, неоднократно обращал внимание партии на необходимость изучения богатого практического и политического опыта германской социал-демократии, накопленного ею в эпоху «исключительных законов»,—ее умения по-революционному сочетать легальные и нелегальные формы партийной работы, ее умения организовать пролетарские массы вокруг социал-демократических лозунгов и ее громадного опыта в деле организационно-практической постановки различных видов партийной работы при разнообразных политических ситуациях.

Революция 1905 г. нашла в рядах германской социал-демократии широчайший отклик. Еще в 1902 г. Каутский приветствовал грядущую русскую революцию, которая, по его словам, «взломает лед реакции и неудержимо принесет с собою новую, счастливую весну для народов»¹... Однако еще в «Двух тактиках» Ленин отмечал непонимание Каутским вопросов тяжбы русского крестьянства с помещиками и необходимости для русского пролетариата вмешаться в этот исторический «спор». Вообще, следует иметь в виду, что даже в лучшую пору своей деятельности Каутский полностью никогда не примыкал к большевикам. Он был вождем немецкого примиренчества, которое в 1905 г. в лице Бебеля предлагало свое посредничество для примирения враждующих фракций РСДРП. Ленин ответил на это предложение отказом, ибо для него очевидно было, что никакое объединение не разрешает споров о «двух тактиках», отражающих различные классовые тенденции. Вмешательство немцев было, по сути дела, попыткой перенести худшие организационные традиции социал-демократических партий II Интернационала в РСДРП. Меньшевистский «оппортунизм в организационных вопросах» был попыткой того пресловутого «европеизирования» русской социал-демократии, о котором Аксельрод мечтал еще задолго до II съезда партии. Организационные основы партий II Интернационала ярче всего обнаруживали свой отрицательный характер на русской почве. В обстановке бурного развития пролетариата, в обстановке развития противоречий между растущим капитализмом и крепостническими пережитками, в стране, жившей под знаком запоздавшей буржуазно-демократической революции, победа которой упиралась в гегемонию пролетариата,—в такой обстановке организационные традиции германской социал-демократии не выдерживали революционной проверки. Оппортунистический характер русского «центра» обнаружился в России ярче и, пожалуй, раньше, чем в какой-либо другой стране. Для рабочего класса Европы роль централизма, его оппортунистический характер стали выясняться лишь в период империалистической войны, ликвидаторская же сущность «европейца» Троцкого стала очевидной и окончательно была разоблачена за два года до мировой войны («августовский блок»).

В условиях Германии Бебель мог еще сдерживать центробежные силы оппортунизма и революционного крыла партии и вести борьбу с оппортунизмом, но чем сильнее накалялась почва классовых противоречий в стране, чем скорее проходила полоса роста вширь, чем настоятельнее выдвигались на очередь задачи революционного разрешения вопросов, тем осязательнее обнаруживался оппортунистический характер самого центризма. В условиях Германии этот путь «центра» не был столь прямолинейным, как в России, и Бебель не раз наносил удары «баденцам» различных мастей. В период 1905 г. германская социал-демократическая партия оставалась все же партией революционного пролетариата в... неревolutionной обстановке Германии; революционная и оппортунистическая тенденции находились в состоянии «неустойчивого равновесия», часто с значительным перевесом в сторону революционно-марксистских традиций.

Уже в эпоху мировой войны, когда оппортунизм «съел» германскую социал-демократическую партию, Ленин, отмечая лучшие годы ее развития, говорил, что у немцев было много данных, позволявших надеяться, что они станут партией, заслуживающей глубокого уважения мирового революционного пролетариата. Внутренние противоречия II Интернационала, сочетавшего в себе словесную революционность с практическим оппортунизмом, особенно рельефно обнаруживаются в германской социал-демократии. Ко времени окончательного укрепления финансового капитала германская социал-демократия не очистилась от попутчиков, не выделила достаточно сильное левое крыло, которое, подобно русским большевикам, встретило бы империалистическую войну, объединивши значительную часть рабочего класса под знаменем ортодоксального марксизма. В то время, как годы укрепления империализма были для большевиков годами упорнейшей и ожесточенной борьбы с ликвидаторством (правым и левым), из которой партия вышла победительницей, для германской социал-демократии это были годы, когда совершалась некоторая социальная передвижка в классовой базе реформизма: на смену и отчасти в дополнение к мелкобуржуазным слоям приходили развивавшиеся кадры рабочей аристократии, окопавшейся прежде всего в профессиональных организациях Германии. Подталкивание социал-демократии в сторону демократии облегчалось тем, что «деловая» политика прикрывалась ортодоксальной марксистской фразой и окриками по адресу чересчур зарывавшихся оппортунистов.

Все эти процессы обнаруживались не только на фоне внутренней деятельности германской социал-демократической партии, но и на международной арене: в братских партиях немцы все чаще помогали реформистским течениям, выявляя при этом такие черты, которые были почти незаметны у них на почве «домашних» классовых отношений. В то же время специфические черты, напр., российского оппортунизма ярче обнаруживали свою «общеευропейскую» сущность, выступая на международной арене с более или менее явной или скрытой поддержкой оппортунистического крыла международного рабочего движения. Годы реакции и

подъема были для русского реформизма периодами его поддержки со стороны реформистского крыла II Интернационала; этот процесс находил себе почву в растущем в довоенные годы мировом лагере ревизионизма. Борьба ленинизма с меньшевистским ликвидаторством и всеми его политическими агентами была вместе с тем борьбой революционного и оппортунистического крыла II Интернационала. Если в годы войны большевизм открыто, идейно и организационно оформляется на международной арене, то уже в эпоху кануна мировой войны он пытается создать левое крыло, скрестить мечи со своим домашним оппортунизмом на арене международного рабочего движения. Он все более и более обнаруживает тенденцию возглавить революционное крыло международной социал-демократии.

Рост ревизионизма, нарастание мировых конфликтов и классовых боев придавали этой борьбе все большее и большее международное значение. Ликвидаторство имело почву не только в чисто-русских условиях,—его рост был частью тех процессов реформистского оформления, которые совершались в западно-европейских странах. В Германии это ознаменовалось укреплением «баденских» тенденций, переходом Каутского из левого крыла в «центр» и поправлением самого «центра»; в Бельгии Вандервельде из бывших «примиренцев» переходит к правым, между тем как еще в 1906 г. он выступал против Луи Бертрана (бельгийского министралиста) и доказывал, что последний вместе с Мильтераном нарушают решения Парижского и Амстердамского международных конгрессов. Укрепляется реформизм и в Италии, где Биссолати вместе с парламентской фракцией выражает доверие консервативному министерству Луццати; во Франции Вальян и Жорес образуют прочное реформистское ядро, гедисты же— в меньшинстве; в Голландии, оформляется и укрепляется оппортунистическое крыло, которое исключает из партии марксистов; в Австрии оппортунисты блаженствуют под руководством Адлера.

Еще в апреле 1908 г., когда ревизионизм на Западе стал все более и более усиливаться, Ленин сопоставил меньшевизм с его собратьями на международной арене: «Для всякого сколько-нибудь сведущего и думающего социалиста не может быть ни малейших сомнений в том, что отношение ортодоксов и бернштейнцев в Германии, гедистов и жоресистов (теперь в особенности бруссистов) во Франции, социал-демократической федерации и Независимой рабочей партии в Англии, Брукэра и Вандервельде в Бельгии, интегралистов и реформистов в Италии, большевиков и меньшевиков в России повсюду в существе своем однородно, несмотря на гигантское разнообразие национальных условий и исторических моментов в современном состоянии всех этих стран»¹. Таким образом Ленин констатирует международную значимость внутрипартийной борьбы в русской социал-демократии. Однако, указывая на то, что есть общее во всяком ревизионизме, Ленин подчеркивает, что не следует забывать и «гигантское разнообразие национальных условий и исторических

¹ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 188.

моментов», которые накладывают свой национальный отпечаток на ревизионизм каждой страны.

Нам думается, что, при изучении взаимодействия социалистических тенденций в различных странах, задача заключается в следующем: 1) необходимо проанализировать общеевропейские черты указанных тенденций; 2) за этим «единством различия» нельзя забывать «различия единства», т. е. специфических особенностей, присущих данному течению в данной стране при определенных исторических условиях. В вышеприведенной цитате Ленина дело идет о констатировании тенденций, о факте; при изучении же процессов развития тех или иных направлений вытекает дополнительный ряд методологических соображений: 3) изучать эти направления следует не только по линии нахождения общего и различного, но и по линии выявления особенностей исторического формирования этого общего и различного; 4) отсюда вытекает необходимость конкретного выявления не только мировой исторической почвы, но и особенностей исторических условий данной страны; в первом случае обнаруживается «всеобщее», во втором—«частное»,— и, наконец, 5) изучение взаимодействия указанных направлений должно идти по ряду разрезов: а) взаимодействия в пределах национальных границ, выясняющее темп самоопределения и характер межжения тенденций, б) отношения каждого из двух направлений данной национальной формы к родственному течению другой страны и в) их же отношения к враждебным течениями другой страны; при последнем, перекрестном анализе ярко обнаруживаются те основные тенденции мирового рабочего движения, на которые указывал Ленин в вышеприведенном отрывке.

В своих статьях, посвященных проблемам западно-европейского рабочего движения, Ленин прежде всего останавливается на основных фактах, являющихся характерными для каждой из данных тенденций,—при этом его интересует то «звено», ухватившись за которое можно активно воздействовать на каждую из них с точки зрения интересов революционного развития партий рабочего класса. Поэтому его оценка, основанная на строжайших научных данных объективного исторического развития, есть вместе с тем оценка бойца, указывающая направление удара по врагам революционного марксизма.

«В Европе,—говорил Ленин в декабре 1911 г. в своей речи на похоронах Поля и Лауры Лафарг,—все больше множатся признаки, что близится к концу эпоха господства так называемого мирного буржуазного парламентаризма, чтобы уступить место эпохе революционных битв организованного и воспитанного в духе идей марксизма пролетариата, который свергнет господство буржуазии и установит коммунистический строй»¹. Отсюда неизбежно вытекает обострение борьбы с оппортунизмом и все более растущее международное значение внутривнутрипартийной борьбы в России. В 1911 же году в статье, посвященной избирательной кампании в

¹ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 265.

России, Ленин снова обращает внимание на положение: «Когда реформизм во многих странах, и у нас в том числе, поднимает голову,— и когда, с другой стороны, множатся признаки, указывающие, что в самых передовых странах подходит к концу период так называемого «мирного парламентаризма», *начинается период революционного брожения масс*,— в такую эпоху наша старая программа приобретает еще большее (если возможна тут сравнительная степень) значение»¹ (курсив мой. Г. Б.). Несмотря на то, что эта борьба за революционную программу и тактику разыгралась на русской почве, она и здесь объективно велась за международную революционную программу, но, поскольку большевики выступали на международной арене, их борьба с ревизионизмом становилась все более открытой и непосредственной.

Чтобы выяснить позиции русских течений на международной арене, необходимо остановиться на особенности соотношений сил, сложившихся на русской почве. Эпоха реакции, наступившая после 1905 г., требовала перестройки партийных рядов, для перехода от наступательной борьбы к оборонительной, от тактики прямого штурма самодержавия к собиранию и накоплению сил; период разрешения коренных вопросов русской революции массовым движением, затем вооруженным восстанием,—сменился отступлением, реорганизацией своих рядов и собиранием сил для следующего боя. Этот исторический перелом, поворот к иным методам действия вызвал в рядах почти всех партий ряд кризисных явлений. Процессы, происходившие в рядах большевистской партии в эти годы, имеют, между прочим, много сходного с тем, что происходило в период Бреста в 1918 году. «Детская болезнь левизны» обнаружилась и здесь, и там. В годы реакции мы имели массовое бегство интеллигентов, мелкобуржуазных попутчиков, для которых большевистское крыло было прежде всего самым радикальным направлением в борьбе за максимально-демократический размах революции. Несмотря на тяжелые удары, которые сыпались на партию от третьеиюньского режима, ей все же удалось отступить и сорганизоваться с наименьшими по сравнению с другими партиями потерями. Таким образом, годы реакции и подъема были одновременно годами укрепления большевизма. Если германская социал-демократия после «исключительных законов» вышла из подполья массовой организацией, то большевизм вышел из эпохи реакции и затем подъема революционным авангардом бурно развивавшегося рабочего движения, использовавшего громадный опыт немецких собратьев, также загнанных когда-то Бисмарком в подполье.

Две основных точки зрения боролись в рядах русских социал-демократов в отношении использования германского опыта эпохи исключительных законов: ликвидаторы и троцкисты старались прежде всего перенести на русскую почву чисто-«европейские черты», т. е. те оппортунистические изъяды, которые имели место в эту эпоху в Германии; боль-

¹ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 249.

шевизм же, критически подошедший к этому громадному опыту германской социал-демократии, отбрасывал и критиковал ее оппортунистические вывихи как по линии организационной, так и в области политики партии. Такое критическое отношение к германскому опыту было возможно прежде всего потому, что большевизм раньше всех групп и группочек (фракционных и «внефракционных») дал строго марксистскую оценку наступившего после революции 1905 г. периода. Вся большевистская тактика в период реакции опиралась на оценку «текущего момента», принятую, по инициативе большевиков, на Парижской «декабрьской» конференции 1908 года. Эта оценка позволяла большевизму выяснить различие исторической обстановки Германии 1878—1890 гг. от России «третьеиюньского режима», — а без этого невозможно было и критическое использование германского опыта. Ленин устанавливает ряд важных, в этом отношении, моментов: 1) национальным содержанием германской буржуазной революции была задача объединения страны; 2) эта задача была разрешена Бисмарком «сверху»; 3) в России национальным содержанием буржуазной революции является аграрный, крестьянский вопрос; 4) в революции 1905 г. речь шла о борьбе за ближайший тип капиталистического развития: американский или «пруссский» — соответственно «снизу» или «сверху», 5) аграрный бонапартизм Столыпина есть попытка крепостнического самодержавия взять на себя разрешение сверху вопросов буржуазной революции и 6) на этом бонапартистском пути насаждения прусского капитализма столыпинщина наталкивается на противоречия, еще более обостряет борьбу и без «потасовок» и ряда потрясений не умеет пруссизировать Россию, ибо дальше отступить царизму некуда.

Глубочайшее противоречие русской революции заключается в наличии «самого отсталого землевладения самой дикой деревни — самого передового промышленного и финансового капитализма»¹. Самодержавие делает еще один шаг на пути к превращению в буржуазную монархию, ибо оно поняло, что без ломки старых земельных порядков нет выхода из коренных противоречий русской революции. Ленин указывал, что, несмотря на возможность разрешения вопросов по-«пруссски», у Струве, Гучкова и Столыпина «не выходит», и перед рабочим классом остаются старые задачи 1905 г.; эта установка нашла свое завершение в резолюциях Пражской конференции 1912 года. Анализируя формы приспособления монархий к различным историческим условиям и в некоторых случаях — их способность уживаться с серьезными демократическими реформами, Ленин приходит к выводу, что делать отсюда «выводы относительно конкретной русской монархии XX века значит издеваться над требованиями исторической критики и изменять делу демократии»². Можно, конечно, сравнивать буржуазность прусского юнкера с «буржуазностью» Маркова II и

¹ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 124.

² Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 247.

Пуришкевича, но не следует забывать, что «по сравнению с этими последними прусский юнкер прямо-таки «европеец»¹.

Вся меньшевистская тактика эпохи реакции базировалась на забвении этого указанного Лениным различия. Механическое перенесение германской тактики на русскую почву и отождествление различных исторических условий, в которых эта тактика может быть применена, создавали некоторые специфические черты российского оппортунизма. В ликвидаторстве Ленин видел две стороны: 1) подобно европейским оппортунистам они во имя реформ отрекаются от конечной «цели», т. е. отказываются от революции, гегемонии и диктатуры пролетариата; в России ликвидаторы приносят в жертву конечные цели «ради реформ, о которых только попусту болтают бессильные, несерьезные, мечтательные либералы», 2) в отличие от западно-европейских бернштейнцев, русские ликвидаторы строят свою особую партию.

Такое отличие ликвидаторства от западно-европейского оппортунизма коренится, по мнению Ленина, в специфически контрреволюционных настроениях русской либеральной буржуазии, легально приспособлявшейся к третьеиюньскому режиму, а также распадом и развалом среди демократической мелкой буржуазии. Все они стараются «разложить революционную социал-демократическую партию... расчистить почву для таких легальных рабочих обществ, в которых они могли бы иметь успех»². В России реформисты не завоевали себе права на легальное существование и поэтому вынуждены были прикрываться перед рабочими массами партийным знаменем. Отчасти благодаря этому же обстоятельству они на международной арене вынуждены были хотя бы на словах отгораживаться от ревизионистов, стараясь опереться на центр. «Перед Европой они хвастают стачками, а в России... пишут... против стачек; перед Европой они — за подполье, а на деле в подполье их нет»³. Прикрываясь в России «внефракционным» Троцким, ликвидаторы обосновываются на страницах «Neue Zeit» и центрального органа «Vorwärts». Выпуская Троцкого и других не чересчур откровенных ликвидаторов на страницы своей печати, немецкие центристы старались лишний раз продемонстрировать свою «беспристрастность» на почве отношений внутри РСДРП. Что же касается Троцкого и ликвидаторов, то для них выступления в немецкой печати были демонстрацией того, что они получают поддержку против большевиков в лице сильнейшей партии II Интернационала. В такой обстановке борьба большевизма с ликвидаторами и троцкизмом не могла не вылиться в открытую борьбу с немецким, а в конечном счете и со всем международным оппортунизмом и его центристским прикрытием. Беспощадная борьба большевизма с этими течениями уже в довоенные годы была предтечей будущего генерального размежевания II и III Интернационалов.

¹ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 309.

² Ленин, Сочинения, т. XIV, стр. 207.

³ Ленин, Сочинения, т. XVI, стр. 494.

Как на основе русского, так и на основе германского опыта можно сделать заключение, что большевизму удалось создать в России сильную революционную партию не только потому, что он вышел победителем из своей беспощадной борьбы на два фронта, но в значительной степени и потому, что не менее беспощадная борьба была им проведена со всякого рода примиренчеством, всегда, в конце концов, оказывавшимся пособником и прикрытием откровенного оппортунизма. Сравнительно быстрое разоблачение русского центризма объясняется тем, что в условиях более острой классовой борьбы в России и политического самоопределения различных классов, процессы партийного самоопределения шли у нас более быстрым темпом, чем в Западной Европе, хотя последняя и начала вскоре нагонять в этом отношении Россию. Однако до первой крупной вылазки ликвидаторов на международную арену в 1910 г. они часто говорили и писали столь высоким и революционным «штилем», что показали себя недурными учениками «Европы», научившимися сочетать революционную фразу на международной арене с оппортунистической позицией у себя «дома», в России.

В апреле 1908 г. Дан выступил в «Neue Zeit» со статьей, трактующей об условиях нового подъема русской революции ¹, в которой он поведал всему миру о том, что «революционная энергия русского пролетариата не только не исчерпана (ist nur nicht erschöpft), но еще больше укрепляется настоящим положением в России, и что это относится также к деревне» ². Классовые отношения в России—развивал дальше свою мысль Дан—ставят страну с железной необходимостью (mit eisener Notwendigkeit) перед дилеммой: реакция или революция; буржуазия ушла в лагерь реакции, и вместо того, чтобы требовать конституцию, которая является жизненным условием для развития промышленности, буржуазия вынуждена собственными руками «направлять» государственный корабль к берегам абсолютизма, значительно более худшей юнкерской формы ³.

В таком же стиле почти одновременно с Даном выступил другой, будущий «активист» ликвидаторского журнала «Нашей зари» В. Коссовский. В своей статье «Перспективы русской революции» ⁴ он в патетической форме и напыщенно-торжественном стиле пишет, что буржуазия повернула назад еще в 1905 г., когда рабочий класс пытался улучшить свое экономическое положение во время дней свободы. Но «русская революция,—провозглашал Коссовский,—побеждена, но не закончена» (ist besiegt, aber nicht beendet), и, «может быть, близко время, когда полузабытые лозунги снова зазвучат и найдут отклик в сердцах народных масс»...

Эту тактику «двойной итальянской бухгалтерии», которую вели лик-

¹ Th. Dahn, «Die Bedingungen des erneuten Aufschwungs der russischen Revolution», «Neue Zeit», 3 April 1908, № 27.

² Ibid., S. 50.

³ Ibid., S. 55.

⁴ Wl. Kossowski, «Die Aussichten der russischen Revolution», «Neue Zeit», 27 März 1908, № 26.

видаторы, Ленин подчеркивал неоднократно. Революционные фразы в устах столпов нарождающегося ликвидаторства были тактическими приемами, при помощи которых меньшевизм прокладывал себе путь на международную арену. Революционная фраза, во-первых, облегчала сближение с центром, с Каутским, во-вторых, такая оценка должна была поднять внимание к «россиянам», первая революция которых была встречена восторженно во всех партиях Интернационала.

Но не успели еще Дан и Коссовский пропеть гимны грядущей русской революции, как вдруг оппортунистическое шило выскочило из мешка ликвидаторских революционных фраз; «неосторожный» Череванин опубликовал в этом же году в штутгартском издании книгу под заглавием «Пролетариат и русская революция»¹ и так в ней ликвидаторски распоясался перед европейскими зрителями, как до этого не позволял себе делать никто из ликвидаторов.

Почти в то же самое время, как печатались в «Neue Zeit» торжественные статьи его коллег, Череванин каялся в революционных грехах меньшевиков, которые позволили себя захлестнуть революционной стихией 1905 г., и говорил, что «все поведение революционного пролетариата в первой русской революции было цепью сплошных ошибок. Ликвидаторскую тенденцию книжки отметила в предисловии к ней Генриетта Роланд-Гольст. Редакции «Голоса социал-демократа» пришлось отмежеваться от чересчур разболтавшегося перед европейской аудиторией сотрудника, нечаянно поведавшего тайну политического направления «Голоса социал-демократа». В центральном органе немцев «Vorwärts» (от 1 июля 1908 г.), в партийном отделе, за подписью Дана появилась заметка от имени редакции «Голоса социал-демократа», в которой говорится, что, «поскольку редакции «Голоса социал-демократа» известно, выводы Череванина не разделяются большинством меньшевиков, но... и сам Череванин в своей новой работе, якобы, прозрел и понял, что «невозможно объяснять поражение русской революции только ошибками пролетариата (nur durch die Fehler des Proletariats), ибо были более глубокие причины поражения».

В этом же году меньшевизм наводит новый мост в Европу, из Вены, где троцкистская «Правда» начинает усиленно пропагандировать «немецкий опыт», приглашая русских пролетариев учиться борьбе «на почве текущих интересов государственной жизни»². В следующем номере газеты в качестве образца, которому следует подражать, преподносится лейпцигское решение немцев не пить водки, и русские рабочие вразумительно наставляют, что «Массовое воздержание от спиртных напитков на русских финансах, несомненно, отразилось бы еще гораздо сильнее, чем на германском бюджете...»³.

Пытаясь привить русскому рабочему движению все то, что являлось

¹ Th. Tscherewanin, «Das Proletariat und die russische Revolution», Stuttgart 1908.

² Венская «Правда» № 6, от 5 (18) ноября 1909 г., «Письма к русским рабочим», за подписью П. (Парвус. Г. Б.).

³ Венская «Правда» № 7, 21 ноября 1909 г., ст. «Пьянство и социал-демократия».

в немецкой тактике оппортунистическим, ликвидаторы и троцкисты получили поддержку со стороны Каутского, который начинал все более и более отказываться от своей прежней точки зрения на революцию в России и становился на меньшевистские позиции. В 1909 г. Каутский говорил русским рабочим, что, после всех испытаний, он пришел к выводу, что «всякие ожидания содействия со стороны буржуазии должны быть отброшены. Но при нынешнем положении вещей не надо полагаться и на крестьян»¹. Такая оценка крестьянского движения была отходом Каутского от его позиции 1905 года. Большевики выступлением Каутского были все же недовольны, не соглашаясь с его оценкой буржуазии; об этом они писали в русских журналах. В вышедшем в 1909 г. сборнике «Вершины» Мартов печатает статью, посвященную «десятилетию бернштейниады», в которой полемизирует с Каутским, который утверждал, что развитие общественных отношений в Германии пойдет в сторону большей изоляции пролетариата, и указывает, что германская социал-демократия «получила известные основания рассчитывать на такое прогрессивное движение демократической буржуазии, которое позволяет ей пробить некоторые бреши в твердыне прусско-германского абсолютизма». Эта оценка и вытекающая отсюда тактическая установка была развернута ликвидаторами, когда в германской партии началась борьба вокруг вопросов прусского избирательного права. Это было подталкиванием Каутского вправо и зажитой меньшевистской позиции на немецкой почве.

Наряду с фактами сближения русских меньшевиков с германским «центром» имеет место тенденция к сближению между большевиками и левым крылом германской социал-демократии. В 1909 г. Ленин пытается еще более укрепить у него уже ранее наметившуюся связь с Розой Люксембург и ее товарищами. В «Пролетарии» (от 21 апреля 1909 г.) появляется статья Розы Люксембург под заглавием «Революционное похмелье», направленная против отзовистов. 18 мая этого же года Ленин пишет Розе Люксембург письмо с сочувственным отзывом о ее статье. «Жаль только—пишет он,—что *Вы так редко* выступаете по-русски, предпочитаете богатую социал-демократическую партию немцев бедной социал-демократической партии россиян»². В этом же письме он пытается выяснить отношение Розы к его дискуссии с Каутским, происходившей в октябре 1908 г. на заседании Социалистического бюро в Брюсселе, по вопросу о приеме в Интернационал английской Рабочей партии³.

На этом заседании Ленин в противовес Каутскому давал иную мотивировку приема Рабочей партии и подчеркивал, что она не является независимой и не ведет вполне самостоятельной политики в духе интересов пролетариата. Он указывал при этом, что англичане должны быть приняты в Интернационал на основе того, что Рабочая партия является

¹ Приложение к венской «Правде» № 5, письмо Каутского о партийной школе. 1

² Ленин, Сочинения, т. XIV, стр. 67.

³ См. статью Ленина «Заседание Международного социалистического бюро», Сочинения, т. XII, стр. 342.

парламентским представителем тред-юнионов и что это соответствует уставу Интернационала. Поправка Ленина была отвергнута. Центральный орган «Независимой рабочей партии» сразу же воспользовался мотивировкой Каутского и объявил, что Международное социалистическое бюро «признало также политику» этой партии¹. Дело заключалось не в том, чтобы объявить англичан оппортунистами. Ленин считал, что, признавая некоторые шаги англичан в сторону высвобождения от либерализма, надо давать такую формулировку, которая подталкивала бы их в этом направлении,—поэтому весьма важной была критика оппортунистических ошибок. Ленин сразу увидел, что Каутский, отгораживаясь *на словах* от оппортунистической речи Бруса Глейзнера, не отгородился от него в своей резолюции, «написанной для миллионов». Историческое значение имевшей место на этом заседании полемики Ленина с противниками заключается прежде всего в том, что разоблачался словесный характер центристской борьбы с ревизионистами в английской партии, боязнь открытой массовой критики оппортунистических ошибок, желание смазать их значение, а борьбу с ними сделать закулисным, семейным делом. Ленин сразу подметил эту черточку, когда обратил внимание на то, что Каутский не внес в свой проект резолюции критику оппортунистических ошибок англичан, ограничившись устными возражениями.

В 1910 г. борьба Ленина с международным оппортунизмом вступила в новую фазу; в России ликвидаторство захватывало все большие и большие слои меньшевиков, усиливался оппортунизм в западно-европейских странах, укреплялось и левое крыло. Разгоравшаяся борьба вокруг вопросов всеобщего избирательного права в Пруссии, «массовой стачки», «стратегии измора» (*Ermattungsstrategie*) и «стратегии ниспровержения» (*Niederwerfungsstrategie*) приобретала громадное международное значение. К этому времени распался в Германии либерально-консервативный блок, под знаменем которого «партия порядка» одержала победу в 1907 г., нарождалась группа радикальных демократов; 20 октября 1908 г. в тронной речи была обещана реформа избирательного права соответственно хозяйственному и политическому развитию на основе «чувства государственной ответственности». Так называемая «трехклассная избирательная система» приводила к тому, что 8 000 избирателей восточно-пруссских провинций имели столько же избирательных прав, сколько 78 000 избирателей городских округов². В январе 1910 г. на прусском партийтаге было решено, совместно с представителями Гамбурга, Бадена, Вюртемберга поддержать борьбу прусских товарищей во всех союзных государствах. 4 февраля появился в печати проект Бетмана-Гольвега, где ничего не осталось от жалких обещаний «тронной речи». Через два дня начинаются массовые демонстрации в Галле, Бреслау, Золингене. 13 фе-

¹ Там же, стр. 349.

² Protokoll über die Verhandlungen des Parteitagés der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands» (Magdeburg 1910), Buchhandlung «Vorwärts», Berlin 1910.

врадя на массовках во Франкфурте-на-Майне, Галле, Риксдорфе полиция пускает в ход оружие, и, наконец, 6 марта, несмотря на запрещение полицейпрезидента, 150 000 демонстрантов заполнили улицы столицы. Наступал период классовых стычек, в порядок дня поставлены были вопросы новых методов борьбы, методов руководства массовым движением, старая тактика не выдерживала проверки. В этом и заключался основной исторический смысл той полемики, которая разыгралась между Розой Люксембург и Каутским.

Мы не можем здесь детально останавливаться на ходе этой дискуссии,—нам важно выяснить сейчас то место, которое занимал в разыгравшейся борьбе опыт русской революции 1905 года. Основные соображения Каутского, развернутые им в процессе дискуссии на страницах «*Neue Zeit*», исходили из тактики оборонительных стачек. «*Ermattungsstrategie*» заключалась в постепенной осаде неприятеля, отвоевании у него ряда позиций на «законной почве», пока, наконец, изнуренный противник не начинает открытую борьбу, тогда борьба масс принимает оборонительный характер—широкие слои мелкой буржуазии и демократически настроенные элементы вообще присоединяются к рабочему классу, вынужденному перед глазами этой массы отвечать нападающему противнику. Чтобы не оттолкнуть демократов, Каутский высказывается против соединения политических и экономических требований в одно целое, говоря, что это требует различных условий. Каутский продолжал оставаться на позициях чисто-парламентской борьбы, в которой массовое движение должно было играть дополнительную роль. В противоположность Каутскому (сторонник Розы Люксембург) Паннекук писал: «Возможность завоевания власти на чисто-парламентском пути исключена. Необходимо пустить в ход внепарламентские средства, и ими будет решена борьба за власть»¹.

Роза Люксембург обосновывала свою позицию на русском опыте, указывая, что именно благодаря сочетанию политических и экономических форм борьбы сила массового движения пролетариата России была огромна; вместе с тем она учитывала и опыт диалектического перерастания всеобщей забастовки в декабрьское восстание.

Роза Люксембург превосходно понимала, что разговоры Каутского о необходимости оборонительной борьбы—это лишь словесное прикрытие все более выявлявшейся оппортунистической сущности его позиции; на Магдебургском партийном собрании она, от имени группы делегатов, вносит дополнение к резолюции Vorstand'a (ЦК), которое говорит, что если массы демонстрируют, а господствующие классы будут сопротивляться, то «перед массой демонстрирующих пролетариев естественно возникает вопрос: «есть ли у нас еще более действительное оружие (*weitere wirksamere Waffen*), когда оружие демонстрации оказывается недостаточным (*nicht ausreichend erweist*)»². Обосновывая всеобщую забастовку, Роза, однако,

¹ См. статью Паннекука в газете «Социал-демократ» № 14, 1910 года.

² Protokoll, S. 427.

отмежевалась от анархизма Домеллы Ньюенгуйса и указала, что во всеобщей забастовке она не видит панацеи от всех зол современного общества; этим отмежеванием она вышибала синдикалистские «kozyри» своих противников. Было вместе с тем еще одно обстоятельство, которое не позволило ее противникам сосредоточить на ней огонь: это вопрос о баденских ревизионистах. «Баденские и иные ревизионисты и оппортунисты страшно гадят нам,—пишет Аксельрод Мартову.—Они не только мешают полному обнаружению противоположности тактических тенденций Каутского..., с одной стороны, и Люксембург, с другой, но еще служат для большевиков живой иллюстрацией в их интернациональном походе против нас, которых Люксембург и Ш. Раппопорт стараются представить русской разновидностью международного оппортунизма»¹. В дальнейшем мы более детально остановимся на этом ценном документе, выясняющем сжато суть ликвидаторской позиции в германских спорах, ибо он объяснит нам многое в позиции Ленина.

«Баденская история» давала «центру» возможность демонстрировать видимость борьбы на два фронта и вырывать у левого крыла руководство борьбой с открытыми оппортунистами. Этим оружием не преминул воспользоваться Бебель, набросившийся всей силой своего ораторского таланта на баденское крыло партейтага, но когда поступило предложение, в котором говорилось, что следующее голосование за бюджет (баденцы поддержали правительственный бюджет в своем ландтаге) повлечет исключение, Бебель счел это предложение шагом на пути к расколу. Оппортунисты высоко поднимали головы, ибо понимали, что центр расстреливает патроны против Розы и ее сторонников,—это, между прочим, подметил наблюдательный корреспондент кадетской газеты «Речь» в корреспонденции под заглавием «Герои Магдебурга». «Социал-демократическая партия,—говорил он,—эволюционирует в направлении преобразования ее в партию социальных реформ и демократического процесса—этот факт стоит выше фракционных споров и раздоров, и никакими резолюциями его «отменить» нельзя»².

Аксельрод был недоволен баденцами, помешавшими расправиться с левым крылом и толкнуть затем партию в баденском направлении, а кадетский публицист утешает свою аудиторию ростом ревизионизма в крупнейшей партии II Интернационала. Ликвидаторы и либералы всех мастей толкали «центр» с Каутским и Бебелем к Бадену, Ленин же, видя тяготение Каутского вправо, всячески боролся против его поворотов к Бадену и елико возможно старался помочь Каутскому держаться вблизи Трира, чтобы он не был съеден открытыми ревизионистами, ибо Ленин помнил, что значительные партийные массы идут за «центром», который, несмотря на все грехи, имел немало данных для исправления.

Усиление ревизионистского крыла воодушевило ликвидаторское те-

¹ «Письма Аксельрода и Мартова», письмо от 3 октября 1910 г., стр. 205.

² «Речь» от 16 (29) сентября 1910 г., № 254.

чение меньшевиков, которое начинало себя чувствовать своего рода имением на германской арене. Они не без основания почуяли, что в германской социал-демократической партии совершаются повороты в близком им направлении,—поэтому ликвидаторы всячески стараются помочь передвижке центра вправо и использовать конфликты в германской партии для нанесения ударов большевизму с международной арены. Давая оппортунистическую оценку борющимся в германской социал-демократии течениям, ликвидаторство все более и более обнаруживает черты «чисто-европейского» оппортунизма. При этом ликвидаторы высказывают в русской печати подлинные взгляды своих западных собратьев, вынужденных прикрывать свои оппортунистические шаги марксистской фразеологией.

Ликвидаторский журнал «Дело жизни» пишет: «Как бы ни относиться к ревизионизму вообще, нельзя не признать, что в основе этого устремления в сторону реализации (непосредственных, материальных успехов) лежит здоровое психологическое чувство самой массы избирателей»¹. Иностраный же обозреватель «Нашей зари», рассказывая о дополнительной поправке (привлечь баденцев к партсуду) к предложенной против баденских ревизионистов резолюции, осторожно замечает, что съезд в Магдебурге поддался на «провокацию Франка», выступившего с открытым оппортунистическим забралом. Впрочем ликвидаторский писатель утешает своих читателей тем, что «при голосовании поправки многие отсутствовали, «между прочем и Бебель»². Мартов в этом же номере журнала также пишет: «Голоса, требующие применения к баденцам дисциплинарных мер, не встречают сочувствия». Если около года назад ликвидаторство старалось, как мы видели, скрыть свои оппортунистические устремления перед лицом германской социал-демократии, то в 1910 г., во время разгоревшейся дискуссии, они занимают более правую позицию в отношении к центру и откровеннее становятся на сторону «европейского» оппортунизма. Особенно ярко это обнаруживается на полемике ликвидаторов с немцами в связи с опытом массового движения пролетариата в первой русской революции.

Уже в апреле 1910 г. «Голос социал-демократа», отличавшийся способностью придать «европейский» вид философии своих коллег из петербургской «Нашей зари», полемизирует с Розой Люксембург и Паннекуком. «Путь аналогии с русской революцией,—пишет автор,—на который становится вслед за Розой Люксембург еще решительнее Паннекук, был бы прямой путь к великому поражению, если бы... германский пролетариат пошел по нему. «Уже и в России хроническое забастовочное движение 1905 г. и связанное с этим *осложнение политического движения такими формами экономической борьбы* (курсив мой. Г. Б.), попытка захватного завоевания 8-часового рабочего дня привели к крайнему истощению боевых сил пролетариата, раньше чем неприятель был на-голову

¹ Цитирую по книге Каменева «Две партии», Гиз, 1924 г., стр. 116.

² «Наша зоря» 1910 г.

разбит»¹. Это оплевывание опыта 1905 г., далеко превзошедшее прошлогодние упражнения Череванина (от которых отрекалась редакция «Голоса социал-демократа»), стало возможно потому, что ликвидаторы, говоря словами Левицкого, почуяли, что «Каутский и Меринг повернули вправо... и теперь не держатся большевистских взглядов на буржуазию... «Теперь,— продолжает Левицкий,— времена изменились, и к Каутскому вернулась его обычная способность к объективному теоретическому анализу и по отношению к России»².

Естественно, что в награду за раскрытие «большевистской сущности» Розы Люксембург от Каутского требовался «объективный анализ» русских дел, т. е. поддержка ликвидаторской позиции внутри России. Действительно, кое-чего ликвидаторы в этом отношении добились. «Русские «меньшевики» уже давно подозревали,— пишет Мартов³— что «географическое» положение марксизма именно таково и что путь «на Трир» не ведет через дебри люксембургские. Тем приятнее слышать... это от Каутского». Дальше, однако, Мартов критикует Каутского за его отношение к опыту 1905 г.: «Каутский... слишком легко «уступает» Розе России...», если бы даже все шло по-большевистски, то надо глядеть и на то, куда оно (движение) и пришло. Мартов возмущается тем, что Каутский признает уместным говорить в России 1905 г. «по-русски» (т. е. революционно), рекомендуя в то же время немцам говорить «по-бельгийски», ибо «...Наша страна (т. е. Россия), при всей отсталости, достаточно уже европеизировалась к 1905 г., чтобы и в ней этот русский разговор был неуместен»⁴ (курсив мой. Г. Б.). Русские уроки надо по Мартову использовать «для выяснения того, чего не надо делать ни при каких условиях»⁵. В издающемся в Париже «Голосе социал-демократа» статья под заглавием «Канун великих битв в Германии»⁶ отговаривает немецких пролетариев от всяких битв, запугивая их поражением русской революции. Оказывается, что в условиях колоссального развития капитализма в Германии, «при ее относительно высоком уровне жизни рабочих, хроническое забастовочное движение привело бы к такому быстрому водворению экономического хаоса в стране, связанному... с таким их обнищанием, что все это вместе взятое не только оттолкнуло бы от революции все непролетарские элементы населения, но вызвало бы неизбежно глубокий раскол в самом пролетариате». Здесь уже дана законченная бернштейннская формулировка; это было «предвосхищением» более поздней позиции Каутского; в то же время в этих строках чувствуются и социальные корни новейшего оппортунизма: заботы автора о том, как бы революция не ударила по «высокому уровню жизни» рабочей ари-

¹ «Голос социал-демократа» 1910 г., № 21, ст. Мартынова.

² В. Левицкий, «Большевизм и «меньшевизм» у немецких социал-демократов», «Наша заря» 1910 г., № 5—6.

³ «Конфликты в германской рабочей партии», «Наша заря» 1910 г., № 7, стр. 80.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ «Голос социал-демократа» № 21, 1910 г., ст. Мартынова.

стократии, не оттолкнула бы столь любезные оппортунизму, «непролетарские» слои и не вызвала бы «раскола» между подкупаемой буржуазной верхушкой рабочего класса и массой революционного пролетариата.

С такой установкой по отношению к немецкой дискуссии ликвидаторы перешли в атаку на «международный большевизм» со страниц немецких социал-демократических органов. Атака эта подготовлялась рядом предварительных шагов, разбор которых проливает дополнительный свет на ликвидаторскую тактику. 26 августа 1910 г. Аксельрод пишет Мартову о том, что «есть надежда взять реванш за эти три года Тышковой вакханалии (Л. Тышко поддерживал в это время большевиков. Г. Б.), и я не хочу пропустить случай закрепить эту маленькую победу личной беседой с Каутским (кстати, теперь, может быть, удастся и о ленинских «миллионах» с немцами столкнуться) и с редакторами «Vorwärts'a» выяснив им и смысл нынешней травли нас «партийцами» всех мастей. Жалко лишь, что на конгрессе не будет ни вас, ни Дана, чтобы вести это дело вернее»¹. Здесь уже развернут конкретный план наступления как по линии русских дел, так и на международной арене. Аксельрод желает воспользоваться обстановкой, чтобы воздействовать на «держателей» русских партийных денег², и объяснить немцам, что борьба ликвидаторов с большевиками идет по той же линии, что и борьба Каутского с Розой Люксембург. Здесь же мы, наконец, имеем план боя с большевиками на предстоящем Копенгагенском конгрессе. В этом же письме Аксельрод сообщает о предпринятых им шагах: он послал Каутскому статью, который ответил ему следующим письмом: «Я только что получил вашу статью. Она очень важна, и я постараюсь опубликовать ее еще до Магдебургского партийтага... Я сам многому научился из этой статьи. Много, что мне до сих пор у товарища Люксембург казалось лишь чрезмерным заострением вполне правильных взглядов, обусловленных ее темпераментом, теперь представилось мне в другом свете,—глубоким расхождением не только наших темпераментов, но и наших взглядов. Ваша статья будет иметь очень полезное действие»³.

Письмо Каутского еще ценно в том отношении, что оно ярко показывает международную роль ликвидаторов, всячески способствовавших поправлению «центра» тогда, когда последний переживал минуты колебания. Каутский пытается заручиться поддержкой и частично опереться на ликвидаторов в борьбе против левого крыла, противопоставив анализу русского опыта со стороны Розы Люксембург точку зрения «специалистов» по русским делам.

Статья Аксельрода не появилась, а вместо нее страницы «Neue

¹ «Письма Аксельрода и Мартова», «Русский революционный архив», Берлин, стр. 203.

² Согласно решению январского пленума ЦК 1910 г. хранение денег поручено 3 представителям немцев, в том числе и Каутскому. После нарушения меньшевиками постановлений пленума велась борьба за получение этих средств ЦК и ЦО.

³ «Письма», стр. 204.

Zeit» были предоставлены Мартову и Троцкому. Каутский в это время разделял позиции ликвидаторов не по всем вопросам и для того, чтобы показать читателям, что он якобы продолжает стоять между Баденом и Люксембург, счел более удобным выпустить на страницы «Neue Zeit» «левое» прикрытие ликвидаторов—Мартова и «внефракционного» Троцкого. Для последних это было доказательством того, что их позиция по вопросам РСДРП поддерживается германской партией.

Статья Мартова «Прусская дискуссия и русский опыт» появилась в «Neue Zeit» за два дня до открытия Магдебургского партийного съезда¹. Оговорившись предварительно, что «русские социалисты» давно предполагали, что Трир лежит «между Баденом и Люксембург», Мартов полемизирует с Каутским, разграничивающим условия применения массовой стачки в Германии и России. Мартов возмущен мыслью о том, что к России могут подойти те методы борьбы, которые негодны в условиях Германии.

«Мы,—говорит он,—русские марксисты, потратили много сил, чтобы переубедить западно-европейских товарищей, что в России, как и в любой другой стране, производственные отношения, капиталистические и политические движения могут быть успешными, опираясь на определенный класс». Далее автор жалуется, что остается еще много иллюзий насчет «своеобразных» (кавычки Мартова) задач русского пролетариата («eigenartige Aufgaben des russischen Proletariats»), и все это вырывает «пропасть в методе классовой борьбы на Западе и в России; в Западной Европе—крестьянство рассматривает как расщепленное (дифференцированное), по отношению России мечтают о едином (крестьянстве). Затем идет «разговор» о русских синдикалистах, бойкотировавших I Думу, и чтобы утешить немцев, что эти «синдикалисты» (сиречь большевики. Г. Б.) становятся полегоньку «европейскими» марксистами, Мартов ссылается на... Ленина. Последний, дескать, в начале 1909 г. сказал, что нужно от «французского» разговора перейти на «немецкий». В толковании же Мартова это значит перейти с революционного на реформистский путь рабочего движения.

Статья Мартова вызвала ответ Радека², который отозвался о меньшевиках, как о разновидности оппортунизма. Радек заявил, что он критиковал то направление, которое должно иметь своим результатом растворение социал-демократического рабочего движения России в «бесформенной мешанине» («zusammenhanglosen Brei») ³, благоприятной для оппортунизма, и выразил удивление, что редакция «Neue Zeit» допустила против него такие нападки. Редакция отвечала, что «выпад Мартова есть лишь короткий ответ на серию нападок Радека на течение Мартова» в

¹ Martoff, «Die preussische Discussion und die russische Erfahrung», «Neue Zeit», 16 September 1910, № 51, S. 907.

² В своей статье Мартов сделал против Радека ряд выпадов.

³ «Neue Zeit», 7 Oktober 1910, № 1, S. 27.

немецкой прессе. Вместе с тем она заявила, что не защищает статью Мартова, что она с этой статьей не согласна, что Мартов полемизирует не только с Розой Люксембург, но и против Каутского. Однако здесь встает вопрос, почему же редакция сразу не отмежевалась от Мартова; оказывается, что статья последнего была опубликована не потому, что с ним во всем согласны, а потому, что требовалось доказать, что взгляды, которые Роза Люксембург защищает по вопросу о русской массовой стачке, «не единственные, распространяемые в русской социал-демократии» (*nicht die einzigen in der russischen Sozialdemokratie verbreiteten sind*), и редакция оспаривает оценку Радеком выступления Мартова как «незначительной фракцийки» (*bedeutungslose Fraktionchen*). Таким образом в борьбе с Розой Люксембург центр, отгораживаясь от Мартовой на словах, выгораживал его на деле. Аксельродовская стратегия оказалась не совсем неудачной: взамен поддержки, оказанной ликвидаторами Каутскому, сами ликвидаторы получили защиту своей политической позиции редакцией «*Neue Zeit*». Однако и с точки зрения ликвидаторов, боявшихся давать козыри противникам, и с точки зрения Каутского, всячески старавшегося сохранить внешность беспристрастного центра, было целесообразней поручить дело защиты ликвидаторов прожужжавшему на весь мир о своей фракционной невинности Троцкому.

Если Мартов в цитированной выше статье старается всячески доказать, что борьба меньшевиков с ленинцами есть их борьба с русскими «люксембургинцами», то Троцкий дает в своей статье так сказать «философию» партийных отношений в России, чтобы немецкий читатель «глубже», дескать, уяснил себе «интеллигентское» (?) нутро российских сторонников «всеобщей стачки».

В начале сентября 1910 г. он помещает в «*Neue Zeit*» статью¹, в которой пытается разобрать основные линии развития русской социал-демократии. Со стороны содержания статья представляет собою перепев той «философии» истории РСДРП, которую Троцкий усердно пропагандировал в венской «Правде», развивая в основном взгляды своего «дорогого учителя Павла Борисовича Аксельрода».

История русского марксизма под пером Троцкого превращается в историю марксистской интеллигенции. Внутрипартийная борьба—это по его схеме борьба за «незрелый пролетариат». Есть, однако, в статье Троцкого, появившейся почти одновременно со статьей Мартова, одна любопытная сторона. Агитируя за «европейское равноправие» российских меньшевиков, Мартов вынужден смазывать различие исторических условий России и Западной Европы. Троцкий же, формулируя это различие, объясняет внутрипартийную борьбу как результат особенно отсталых исторических условий России. Вследствие этой отсталости в России согласно Троцкому не могла образоваться массовая партия, удовлетворяющая все

¹ N. Trotzky, «Die Entwicklungstendenzen der russischen Social-Demokratie», «*Neue Zeit*», 9 September 1910, S. 861.

потребности рабочего движения,—поэтому каждая новая задача вызывает к жизни какую-нибудь фракцию, которая стремится удовлетворить одну какую-нибудь потребность рабочего движения. Мораль этой философии в том, что спасение русского пролетариата заключается в работе Троцкого, стоящего «над фракциями» (?), ибо только он хочет создать «европейскую» партию, обслуживающую все стороны рабочего движения. Чтобы ярче показать немецкому читателю реальность своих перспектив, Троцкий заявляет, что основой раскола между большевиками и меньшевиками является вопрос об отношении «партийной организации к массовому движению» (die Frage des Verhältnisses der Parteiorganisation zu der Massenbewegung). Статья Троцкого заканчивалась открыто-ликвидаторским тезисом о том, что причиной разложения партии «является» общая дисгармония между старыми формами парторганизаций и изменившимися потребностями рабочего движения. При этом следует иметь в виду, что в эту, на первый взгляд невинную, формулировку вкладывалось ликвидаторское содержание о необходимости «открытой широкой рабочей партии»—*вместо* старой РСДРП.

Статья в «Neue Zeit» не поведала еще немецкому читателю о том, кто мешает Троцкому выполнить его историческую роль по воспитанию «российских азиатов» в «европейском» духе,—этот ответ он дал несколькими днями раньше, чтобы затем «научно-исторически» обосновать свою позицию на страницах центрального теоретического органа II Интернационала. В приложении к «Vorwärts» напечатана была статья: «Русская социал-демократия» с подзаголовком: «От нашего русского корреспондента»¹. Статья эта шла без подписи. Троцкий в ней яростно обрушивается на большевиков, делая реверанс по адресу Ленина, этого «теоретика партизанщины» (der Theoretiker des Partisantentums), который отказался от бойкотизма и проделал «быструю эволюцию в направлении признания парламентаризма»...

В том же месяце, когда печатались статьи Троцкого, предпринимается атака против большевизма со страниц «Socialistische Monatshefte». Стрельцов печатает статью «Текущая политика социалистических групп России»², в которой говорит о «блестящих» перспективах столыпинской реформы и о большевиках, которых он изображает синдикалистами.

Как же на все эти выступления реагировал Ленин? В начале октября этого же года он пишет Мархлевскому: «Обидно чрезвычайно, что даже Каутский и Вурм не видят пошлости и гнусности таких статей, как Мартова и Троцкого. Попробую написать Каутскому хоть частное письмо, чтобы выяснить дело. Ведь это прямо скандал, что Мартов и Троцкий безнаказанно лгут и пишут пасквили под видом «научных» статей!!»³.

¹ «Vorwärts» № 201, 28 August 1910, «Die russische Sozialdemokratie» (von unserem russischen Korrespondenten).

² Roman Strelzow, «Die gegenwärtige Politik der socialischen Gruppen in Russland», «Socialistische Monatshefte» 1910, 11 August.

³ Ленин, Сочинения, т. XIV, стр. 352.

Борясь против Каутского и ликвидаторов, Ленин пытается привлечь на свою сторону немецких левых. Еще в период прусской дискуссии сочувствие Ленина было на стороне Розы. В нашем ЦО печатались статьи Паннекука, Розы Люксембург и перепечатывались из «Leipziger Volkszeitung» статьи, направленные против русских ликвидаторов. В сентябре 1910 г. в «Социал-демократе»¹ воспроизводится статья из «Leipziger Volkszeitung» о «ликвидаторах», в которой говорится, что вожди русских оппортунистов группируются вокруг «Голоса социал-демократа», и разоблачается разрушительная работа ликвидаторов внутри России. Позиция Каутского особенно в начале дискуссии давала Ленину кое-какие козыри, чтобы вскрыть различные точки зрения Каутского и ликвидаторов на опыт русской революции, и как раз на этом вопросе он дает бой ликвидаторам,—что, конечно, усиливало и позицию Розы Люксембург.

Касаясь ссылки Розы Люксембург на русский опыт массовой стачки, Каутский заявил, что в России первая успешная массовая стачка произошла «при условиях, которых нет в Пруссии» (unter Bedingungen, wie sie heute in Preussen nicht bestehen)². Указав на неудачную войну, дезорганизацию армии, ненависть к правительству со стороны почти всех классов, Каутский пишет: «Здесь массовая стачка была последним толчком, который привел к падению неустойчивый режим». Основываясь на такого рода заявлениях Каутского, Ленин и старается перенести спор Розы с Каутским на конкретно-историческую почву, в плоскость вопросов об условиях применимости массовой стачки, ибо тогда, в 1910 г., это было для Ленина возможностью удержать Каутского хотя бы на общих революционно-теоретических позициях. В том же письме Мархлевскому, которое мы цитировали выше, Ленин говорит о том, что «все меньшевики (особенно в «Нашей заре», «Возрождении» и «Жизни») подхватили спор Розы Люксембург с Каутским, чтобы объявить К. Каутского «меньшевиком». И Мартов из кожи лезет, пуская в ход kleinliche und miserable Diplomatie, чтобы углубить пропасть между Розой Люксембург и К. Каутским»³. Спор между Розой и Каутским Ленин рассматривает, как спор «революционных социал-демократов... о времени наступления Niederwerfungsstrategie в Германии, но не об *уместности* Niederwerfungsstrategie в России 1905 года. Отрицать *ее* уместность для России 1905 г. и в голову не приходило Каутскому. Отрицать это могут только либералы да немецкие и русские Квессели!»⁴.

Чем более «немецкие и русские Квессели» старались углублять пропасть между Розой и Каутским, чтобы на почве борьбы с Люксембург усилить себя блоком с центром, тем более Ленин напирал на то, чтобы спор ее с Каутским остался спором в среде революционной социал-демократии. Ленин исходил из того, что приближается время, когда полуве-

¹ «Социал-демократ» № 15—16, 30 сентября 1910 года.

² Kautsky, «Was nun?», «Neue Zeit», № 28, 8 April 1910, S. 36.

³ Ленин, Сочинения, т. XIV, стр. 355.

⁴ Там же, стр. 356.

ковая полоса германской истории... должна смениться иной полосой— эпохой величайших битв, которые будут «разрушением *всей* буржуазной законности»¹. Этот исторический перелом вызывает кризис в германской социал-демократии, который состоит в нарастании неизбежной решительной разверстки с юппортунистами², а колебания в среде немецких социал-демократов иллюстрируют этот кризис. Для Ленина задача заключалась в том, чтобы помочь немцам менее болезненно пережить этот перелом, сохранив максимальную часть партии на позициях ортодоксального марксизма. Что на этом пути у Ленина был ряд возможностей, видно хотя бы из различия позиций Каутского по отношению к германским оппортунистам и—Троцкого по отношению к ликвидаторам. Стремясь не «сдавать» Каутского и его авторитет меньшевикам, Ленин, однако, отмечает в то же время и колебания центра вправо. В статье, посвященной Копенгагенскому конгрессу, он пишет: «В общем немцы неспособны вести выдержанной принципиальной линии на международных съездах, и гегемония в Интернационале подчас ускользает из их рук»³.

Ленину со страниц «Vorwärts'a» и «Neue Zeit» ответить на статьи Мартова и Троцкого не дали. Он на них ответил в русском «Дискуссионном листке» в статье «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России»⁴. В то же время он пишет письмо т. Мархлевскому, которому редакция «Neue Zeit» решила предоставить место для ответа, в котором сжато формулирует свою аргументацию против Мартова и Троцкого, давая так сказать конспект статьи для «Neue Zeit»⁵. Доводы Ленина против Мартова и Троцкого следующие: 1) Мартов фальшиво цитирует Ленина, приписывая ему слова: «мы до сих пор говорили по-французски», в то время как у него сказано: «мы *научились* говорить во время революции по-французски», т. е. что теперь надо научиться говорить и по-«немецки» или, иначе говоря, по-революционному использовать период реакции для подготовки нового «разговора по-французски». Мартов же пытается приписать Ленину мысль об отказе от революционной борьбы, чтобы прикрыть тот факт, что он, Мартов, «зовет рабочих *разучиться* приемам революционной борьбы». 2) В программе РСДРП стоит требование конфискации помещичьих земель, ибо в России не разрешены вопросы буржуазно-демократической революции, в то время как в Европе «уже нет *революционной* постановки вопросов *буржуазной* революции». Остальные доводы сводятся к разоблачению либеральной сущности Мартовской оценки первой русской революции.

В конце октября появился в «Neue Zeit» ответ Карского⁶, развивавший аргументацию Ленина. В начале статьи т. Карский указывает, что

¹ Ленин, Сочинения, т. XIV, стр. 381, «Два мира».

² Ленин, Сочинения, т. XIV, стр. 362.

³ Там же.

⁴ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 10.

⁵ Цитированное выше письмо Ленина, в Сочинениях, т. XIV, стр. 352—356.

⁶ «Neue Zeit», № 4, 28 Oktober 1910; S. 100, «Ein Missverständniss».

меньшевики систематически задавали тон в западно-европейской прессе» («in der westeuropäischen Presse systematisch Stimmung gemacht»). Затем он развивает взгляды Ленина на спор об опыте 1905 г. и говорит, что дорога Мартова ведет не к Триру, но к «песчаным берегам Бернштейна...!» (непереводимая игра слов: «an die sandige Bernsteinküste»).¹

На Копенгагенском конгрессе Ленин пытался в союзе с Плехановым опротестовать помещение цитированной выше статьи Троцкого в центральном органе «Vorwärts» и предлагал издать на немецком языке специальную брошюру о русской революции². К Копенгагенскому конгрессу ЦК РСДРП выпустило на французском языке подробный отчет о положении дел в России, разбивавший ликвидаторские выпады³. Разыгравшаяся на этом конгрессе борьба вокруг вопросов милитаризма и международного арбитража показала, что борьба с оппортунистическими тенденциями вступила в новую фазу, ибо речь шла об отношении социал-демократии к грядущим империалистическим конфликтам, первые ласточки которых вскоре появились на Мароккском горизонте. Ленин подчеркивал необходимость требования вооружения народа, а это было ударом по пацифистским тенденциям оппортунизма. Об отношении Ленина в разбираемый период к пацифизму видно из его письма, написанного весной 1915 г. к т. Коллонтай, где он рассказывает о своих спорах с Хеглундом в Копенгагене (1910 г.) по вопросу о вооружении народа (необходимость этого лозунга скандинавские социал-демократы отрицали). «Я... доказывал ему (Хеглунду. Г. Б.),—пишет Ленин,—что это (т. е. отрицание вооружения народа. Г. Б.) не левизна, не революционность, а просто филистерство захолустных мещан». И далее Ленин продолжает: «Как можно допустить, чтобы революционный класс накануне социальной революции был *против* вооружения народа? Это—не борьба с милитаризмом, а трусливое стремление уйти в сторонку от великих вопросов капиталистического мира. Как можно «признавать» классовую борьбу, не понимая неизбежность ее превращения в известные моменты в гражданскую войну»⁴. Поддерживая точку зрения Радека на необходимость сохранения в резолюции (Копенгагенского конгресса) требование вооружения народа, Ленин все же считал, что «сосредоточить атаку надо не на том, что *Abrüstung*⁵ стоит в резолюции, а на том, что *Volkswehr*⁶ не стоит в ней»⁷.

Конфликты из-за Марокко, обострившиеся к 1911 г., поставили перед германской социал-демократией задачу конкретной наметки шагов в деле

¹ «Янтарные берега».

² Об этом он писал в цитированном выше письме к Карскому-Мархлевскому.

³ См. Отчет РСДРП VIII социалистическому конгрессу в Копенгагене, перевод с французского под ред. Каменева, Гиз, 1923 г. ■

⁴ Ленинский сборник II, стр. 229.

⁵ Разоружение.

⁶ Народное вооружение.

⁷ Ленинский сборник XIII, стр. 185—186.

борьбы с надвигающейся империалистической войной. В ответ на французские шаги в Марокко германское правительство дало понять, что оно будет претендовать на Агадирскую гавань у Атлантического побережья в Марокко. Французы не согласились и затягивали переговоры. 1 июля 1911 г. немецкая канонерка «Пантера» стала на якоре в Агадирской гавани. В Европе запахло порохом. Международное социалистическое бюро запросило ряд партий о необходимости созыва экстренного заседания Бюро. Французы, испанцы и англичане согласились. От имени же германского Vorstand'a Молькенбург написал частное письмо секретарю Бюро Гюисмансу, в котором он отнесся несочувственно к экстренному созыву Бюро, а так как другого извещения не было, то очевидно Молькенбург выражал мнение Vorstand'a. 8 июля Молькенбург сообщил Розе Люксембург о своих переговорах с Бюро.

24 июля 1911 г. в «Leipziger Volkszeitung» появилась передовица под заглавием: «Вокруг Марокко»¹,—в которой точка зрения немецкого Vorstand'a (Правления партии) иллюстрировалась письмом одного из членов его². Автор письма считает, что история с «Пантерой» есть попытка правительства отвлечь всеобщее внимание от внутреннего положения и создать соответствующее настроение к моменту выборов в рейхстаг и что вряд ли правительство решится столкнуться с другими державами из-за железной руды. Основным смыслом письма заключается в требовании, не отодвигать из-за Марокко вопросов внутренней политики, чтобы не оттолкнуть от себя шовинистически настроенные слои мелкой и средней буржуазии. Если бы, полагает автор письма, социал-демократы решили дать бой на вопросах Марокко,—они были бы «изолированы» и уменьшили бы шансы социал-демократии на предстоящих выборах в рейхстаг. На Иенском партийном собрании Молькенбург осуждался, но Бебель заявил, что немецкие социал-демократы должны требовать, «чтобы германская торговля и промышленность развивались на основе равноправия держав», это заявление было крупной оппортунистической ошибкой, за которую не замедлили ухватиться ревизионисты и либералы³. В обстановке 1911 г. заявление Бебеля имело субъективно пацифистский характер, но объективно оно было поддержкой притязаний немецкого империализма на новое местечко под тропическим солнцем колониальной страны.

Бебель перед партийным собранием мотивы своего заявления не раскрыл, и это попыталась сделать... «Наша заря»⁴. Подводя итоги Иенскому партийному собранию Мартынов—автор статьи в «Нашей заре»—старается всячески углубить «межевание в левом лагере». Соглашаясь, что Vorstand не проявил «достаточной энергии» в связи с марокканским делом,—он обрушивается

¹ «Leipziger Volkszeitung», 24 März 1911, «Um Marokko».

² Фамилия Молькенбурга не была названа.

³ Кадетская «Речь» устами своего корреспондента подчеркнула это место речи Бебеля в доказательство того, что немецкие социал-демократы «умнеют».

⁴ «Иенский партийный съезд и межевание в левом лагере германской социал-демократии», «Наша заря» № 9—10, 1911 г., ст. Мартынова.

на левых и ставит при этом все точки над «i»: «Несвоевременное инсценирование боевых массовых выступлений пролетариата против всей колониальной системы вообще могло бы в худшем случае толкнуть значительную часть буржуазии и все правительство в объятия крайних шовинистов во имя ограждения национальных интересов, угрожаемых извне и изнутри, и подлить таким образом масла в огонь; в лучшем случае это могло бы изолировать пролетариат на предстоящих выборах в рейхстаг. А чтобы не запугать буржуазию, Мартынов рекомендует немцам «сосредоточить огонь на воинствующей клике буржуазии». Но ввиду того, что ЦК германской социал-демократической партии и этого даже не сделал, он спешит оговориться, что это объясняется не тем, что была неправильная позиция, а тем, что... Vorstand «был недостаточно работоспособен». Приведенная цитата особенно ярко обнаруживает международную сущность ликвидаторского оппортунизма, ибо речь идет о событиях, наступление которых в 1914 г. явно знаменовало крах II Интернационала.

Осенью 1911 г. на сессии Международного социалистического бюро судили Розу за «нетоварищеский поступок», выразившийся в опубликовании ею письма Молькенбурга. Ленин защищал Розу против нападок Бебеля, и, «возвращаясь после заседания, Ильич свирепо ругался, называл всех «сволочами» и особенно возмущался поведением немцев»¹.

В это время борьба с ликвидаторством в России принимала все более и более резкий характер: большевики отвоевывали у ликвидаторов позицию за позицией. Газеты «Звезда» и «Правда» были идейным и организационным центром, вокруг которых создавались новые кадры большевизма, формировавшиеся как в борьбе с ликвидаторами справа и слева, так и со всякого рода примиренчеством по отношению к ним. Завершением этих процессов явилась Пражская конференция. Ликвидаторство же, теряя свои позиции в России, тем сильнее пытается укрепиться на международной арене и заручиться прямой поддержкой прежде всего в германской социал-демократической партии.

На Иенском партейтаге германской социал-демократии с приветственной речью выступил Аксельрод², заявивший, что в предреволюционный период русские социал-демократы «примитивным образом применяли на практике идеи научного социализма» (*in primitiver Weise in unserer Praxis sie anwendeten*),—теперь же русская социал-демократия должна базироваться на «основных тактических принципах интернациональной социал-демократии», и на этом пути «европеизации» Аксельрод просит поддержки у германских социал-демократов.

В Вене Троцкий предпринимает ряд шагов к сколачиванию блока против большевиков. Свои примиренческие таланты он демонстрирует и в Болгарии, где он при сочувствии буржуазии выступил примирителем

¹ Г. Сафаров, «О товарище Ленине», Сборник воспоминаний о Ленине I, Институт Ленина, Гиз, 1925 г., стр. 75.

² «Protokoll etc.», Berlin 1911, S. 181.

революционного и оппортунистического крыльев социал-демократии. В октябре 1911 г. он от имени России приветствует Инсбрукский партейтаг немецкой части австрийской социал-демократии, где опять-таки проповедывал мир с оппортунистическими «сепаратистами». Приехавши в Вену, он рассылает крупнейшим социал-демократическим деятелям Европы анкету о «петиционной кампании», которую он пропагандировал вместе с ликвидаторами. В декабре 1911 г. венская «Правда» опубликовала ответы социал-демократических деятелей Европы о петиционной кампании¹. Смысл этих ответов заключался в том, что принципиально возражать против применений петиции нельзя, что же касается уместности ее в России в данный момент,—то это предоставляется решать русским социал-демократам, лучше знакомым с русской обстановкой. Мошеннический трюк «внефракционного» Троцкого заключался в том, что он поставил вопрос в плоскость признания принципиальной допустимости применения петиции,—хотя он превосходно знал, что расхождение заключается в способах и конкретных условиях применимости петиционной кампании в России.

Для усиления антибольшевистского фронта от «впередовцев» осторожно привлекается Алексинский, скатившийся к ликвидаторской оценке столыпинщины. В 1911 г. он помещает в «Neue Zeit» статью «Американские тенденции в русском капитализме»², в которой совершенно смазаны крепостнические пережитки страны, и читателю втолковывается мысль о том, что в России уже «европейская обстановка».

Мы не располагаем достаточным количеством материала, но уже на основе того, что проникло в печать, можно с уверенностью сказать, что ликвидаторы использовали разногласия внутри германской социал-демократии и вели переговоры с Каутским и Гаазе скрытно от Клары Цеткин³. Что касается позиции Розы,—то, как видно из ее писем к Луизе Каутской⁴, она видела ликвидаторскую роль подготовлявшего августовский блок Троцкого,—но сама заняла примиренческую позицию.

Между тем, закрепив свои позиции в рабочей среде, большевизм завершает свое организационное размежевание с оппортунизмом на Пражской конференции, которая явилась крупнейшей победой над ликвидаторством и примиренчеством. Ликвидаторы тотчас же стали готовиться к нападению на Пражскую конференцию с арены II Интернационала. Для пущей дискредитации решений конференции начали координировать

¹ Венская «Правда» № 23, декабрь 1911 г.

² Gr. Alexinsky, «Amerikanische Tendenzen im russischen Kapitalismus», «Neue Zeit», № 23, 10 März 1911, S. 805. См. также выпущенную им книгу: «La Russie moderne» («Современная Россия»), Paris 1912, ed. Ernest Flammarion. Столыпинщина изображается здесь как система раздела земли между частными людьми («La loi du 9 novembre a introduit le système du partage de la terre, entre des mains privées», p. 269).

³ См. письмо Аксельрода Дану и Мартову от 19 марта 1911 г. (в книге «Письма П. Б. Аксельрода, Ю. О. Мартова, Берлин»).

⁴ Р. Люксембург, «Письма к К. и Л. Каутским», «Красная новь» 1923 г., стр. 139.

«силы» всех групп и течений, которых объединяла вражда к ленинскому восстановлению партии. 27 февраля Аксельрод пишет Мартову письмо, в котором развивает план наступления на Пражскую конференцию. Аксельрод сообщает о своем разговоре с Луначарским «насчет обращения к Интернационалу, если и когда Ленин обнародует свой официальный и формальный *coup d'état*». Далее он жалуется Мартову, что присутствовавший при разговоре Мартынов отклонял разговор в плоскость общих вопросов и не дал довести разговор «о *конкретных*, практических мерах, о *совместных* шагах—против общего супостата»¹. В мае 1912 г. в «Vorwärts'e» появляется статья Троцкого, который, ссылаясь на сообщение Международного социалистического бюро о Пражской конференции, пишет, что ее ни в коем случае нельзя назвать партийной конференцией, ибо там, дескать, были одни ленинцы и несколько меньшевиков плехановского толка². В вышедшем в издании группы «Вперед» сборнике «На темы дня» эта статья рекламируется как «мнение германской социал-демократии о перевороте в РСДРП». Ленин дал резкий отпор выступлению Троцкого в изданной на немецком языке брошюре: «Аноним из «Vorwärts'a» положении дел в РСДРП», в которой шаг за шагом, основываясь на фактах и документах, разоблачает позицию Троцкого и ликвидаторов. Он изобличает Троцкого в двурушничестве, показывает, как, пользуясь незнакомством немцев с русскими внутрипартийными отношениями, Троцкий скрывает перед массой немецких социал-демократов, что в России партийные организации не признали возможным совместную работу с ликвидаторами, что это «основной вопрос, который обходит Троцкий»³.

В ответ на присланную секретарем Международного социалистического бюро Гюисмансом резолюцию парижских ликвидаторов, «голосовцев», кричавших «о двух ЦК», Ленин отвечает, что парижане не могут говорить о расколе, «о двух ЦК в России. Пока этого нет»⁴. Ликвидаторы, однако, усиленно «обрабатывали» Vorstand (немецкий ЦК). В июле, от имени редакции нашего ЦО «Социал-демократ», печатается сообщение, которое говорит, что «Если Правление хочет в настоящее время тем или иным путем помочь ликвидаторам, то оно заставит нас, при всем нашем уважении к братской немецкой партии, апеллировать к Интернационалу. Тогда мы докажем Венскому международному конгрессу документально, что Правление выразило свою готовность посредством денежной поддержки содействовать у нас расколу, вызвать к жизни двойные кандидатуры и гальванизировать этот труп—разбитых ликвидаторов»⁵. В конце года на заседании Международного социалистического бюро Гаазе—тогда председатель Правления германской социал-демокра-

¹ «Письма Аксельрода и Мартова», стр. 221.

² «Aus dem russischen Parteileben», «Vorwärts», 26 Mai 1912, Nr 172.

³ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 425.

⁴ Ленинский сборник XIII, стр. 204.

⁵ Ленин, Сочинения, т. XVI, стр. 68.

тической партии—поднял вопрос о необходимости давления Интернационала в целях объединения всех русских социал-демократов, вплоть до ликвидаторов. Перед большевиками стояла задача через голову вождей прорваться к самим массам членов немецкой партии и раскрыть перед ними истинное положение дел в РСДРП. В сентябре на Хемницком партийтаге—с приветствием от русских социал-демократов выступили Аксельрод и Каменев: первый сказал несколько слов о необходимости объединения; Каменев¹ же вкратце рассказал о той работе по восстановлению партии, которая успешно продвигается вперед на основе решений Пражской конференции.

Борьба с ликвидаторством на международной арене скоро вступила в новую фазу, в связи с крупнейшим событием 1912 г.,—войной на Балканах. 28—29 октября 1912 г. состоялось заседание Международного социалистического бюро. 8 ноября, т. е. за две с лишком недели до открытия Базельского конгресса, Каутский помещает в «Neue Zeit» статью, представляющую, так сказать, проект платформы Базельского конгресса по вопросу о войне. Ликвидаторы полностью перепечатывают ее в «Нашей заре»². Основные доводы Каутского сводятся к следующему: 1) не надо внушать массам, что война неизбежный продукт капитализма, что мы хотим уничтожить буржуазное общество, 2) мы должны опасаться изоляции пролетариата от других слоев общества, ибо задача состоит в «изоляции сторонников войны», 3) ссылаясь на 1871 г., Каутский говорит, что при защите собственной страны от вторжения внешнего врага, ввиду общей нужды, классовые противоречия отступают на задний план, 4) так как мы должны агитировать в пользу мира, то ни о какой массовой стачке речи быть не может. В этом же номере «Нашей зари» М. Панин «расшифровывает Каутского». «В отличие от ревизионизма справа и слева марксизм исходит из основного тактического принципа: делать надо не «реальную» политику и не революцию, а то, что развивает классовое сознание пролетариата» (курсив мой. Г. Б.).

В этих строках ликвидатора, в сущности говоря, уже вскрыт весь Каутский периода войны. Если по поводу выступлений Бебеля на происходившем 24—26 сентября 1912 г. конгрессе мира Ленин писал, что «Бебель дипломатничает с оппортунистами»³, то статья Каутского вызывает резкий отпор Ленина: «У Каутского выходит зарок именно от революционной массовой стачки. Это недопустимо и с русской точки зрения... и с общеевропейской»,—пишет он Плеханову⁴.

29 октября, на заседании Международного социалистического бюро, принята резолюция о балканской войне, в которой говорится, что «этот конфликт может в каждую минуту привести к ужасам мировой войны». Долг пролетариата—гласит она далее—приложить все силы к тому, чтобы

¹ Каменев говорил по-французски, его переводил Грумбах, см. «Protokolle», S. 203.

² «Наша зоря» № 11—12, 1912 г.

³ См. письмо Ленина Карпинскому, Ленинский сборник XIII, стр. 208.

⁴ Там же, стр. 209, письмо от 17 ноября 1912 г.

ускорить осуществление социализма» (alle Kraft daran zu setzsn, die Verwirklichung des Socialismus zu beschleunigen). Капиталистам всех стран она напоминает, что затевается игра с огнем, который в состоянии зажечь весь капиталистический мир. И, наконец, заканчивается она лозунгом: «война войне» (Krieg dem Kriege) ¹. Резолюция эта носит, однако, более резкий характер, чем принятый за две недели до этого на заседании Исполнительного бюро манифест, заканчивавшийся требованием борьбы за «разоружение и арбитраж». Подавляющее же большинство партийных манифестов характерно именно пацифистской интерпретацией резолюций Штутгартского и Копенгагенского конгрессов. Так, напр., французы пишут, что, «вспоминая» резолюции Штутгарта и Копенгагена, они «приложат все средства для сохранения во всем свете мира, этого существенного условия освобождения пролетариата». В таком же стиле опубликовал манифест и немецкий Vorstand ². Между тем «Leipziger Volkszeitung» 26 октября 1912 г. выходит под заголовком «Война войне» и пишет, что «призыв германских пролетариев направлен к социализму», что только с ним заканчивается предистория человечества. В этом же номере газета печатает манифест ЦК РСДРП, связывающий задачи пролетариата во время войны с низвержением самодержавия в России и капиталистического строя на Западе. Таким образом налицо было открытое расхождение большевиков, а также левого крыла германской социал-демократии с пацифистами.

✓ Такова была международная обстановка, в которой колебания Плеханова в сторону примиренчества дали ликвидаторам новые возможности для давления на большевиков под «внефракционным» посредничеством Троцкого. На октябрьской сессии (1912 г.) Международного социалистического бюро Гаазе поддерживает выраженное Плехановым желание обратиться с призывом к объединению социалистических партий России, и, как передает «Leipziger Volkszeitung», Плеханов прибавил, что так называемые ликвидаторы не должны быть отстранены от переговоров об объединении. Эта позиция была поддержкой ликвидаторов в России, которые вели агитацию против «двойных кандидатур» на выборах в Думу. Ликвидаторы выступали с требованием выставления одних кандидатов от РСДРП,—что давало им возможность, во-первых, прикрыться партийным флагом, чтобы выступить в рабочей курии, во-вторых, приводило к отказу от разоблачения их антипартийной, оппортунистической деятельности.

К этому же времени Троцкий запрашивает мнение Каутского о двойных кандидатурах, и открыто-ликвидаторский «Луч» помещает ответ Каутского. Последний оговаривается, что его задачей «не может быть разрешение вопроса, какое из современных течений российской социал-демократии проводит наиболее целесообразную политику». Далее он го-

¹ «Bulletin Periodique du Bureau Socialiste International» № 9.

² Ibid.

ворит, что «взгляды... Ленина и Потресова они не так далеко расходятся, как в Германии взгляды Паннекука и Гейне, с одной стороны, и Гейне и Прусса—с другой». Наконец, он указывает, что с точки зрения международного пролетариата важно не то, какие течения будут представлены в Думе, а сколько пройдет в нее социал-демократических депутатов¹. Такая установка была, конечно, полной поддержкой ликвидаторской позиции по вопросу о выборах в Думу.

Опираясь на Каутского, ликвидаторы и троцкисты выступили с открытым забралом против большевизма, пропагандируя ликвидаторство со страниц крупнейших теоретических органов II Интернационала. В австрийском журнале «Kampf» появляется статья Семковского об «оживлении русского пролетариата», в которой автор, говоря о возрождении РСДРП, внушает австрийцам, что речь идет не о простом восстановлении старых партийных организаций, но «о построении партии на более высокой ступени развития», ибо новая пролетарская гласность появилась, и партия не может уложиться в рамки организации профессиональных революционеров. После ряда выпадов по адресу большевизма Семковский говорит, что ликвидаторы—это те, «которые всю свою деятельность сосредоточивают в легальных организациях»². Семковский, конечно, знал, что споры большевиков с ликвидаторами вовсе не в плоскости признания необходимости работы в легальных организациях. Но без этой формальности ведь не выставишь большевиков анархо-синдикалистами, кроме которых почти все русские социал-демократы настоящие марксисты, тем более что, как уверяет Семковский, русские условия недостаточно созрели для появления оппортунизма.

Ответа Каменева на статью Семковского редакция не поместила, ввиду того что она «носит чисто-полемический характер». Взамен самой статьи появилось краткое содержание ее.

В такой обстановке Каутский открыл прения по русским делам на заседании Международного социалистического бюро 14 декабря 1913 года. Ссылаясь на решения Амстердамского конгресса, он призывал к объединению различных фракций РСДРП и, огласив декларацию, прибавил, что никогда ни в какой стране не было подобной борьбы, полной неприязни и недоверия. Чтобы осветить положение дел, он предложил пригласить всех тех, которые себя считают социал-демократами, устроив общий обмен мнений по вопросу о положении РСДРП. Тогда, по его мнению, собрание обнаружит, что разногласия между русскими незначительны. После того, как было предложено принять проект Каутского, с возражением выступила Роза Люксембург, заявившая, что она не может присоединиться к предложению Каутского, ибо последний делает попытку убедить тех, кто называет себя социал-демократом, в то время когда следует убеждать только тех, кто представлен в Интернациональ-

¹ «Луч» от 2 октября 1912 г., № 14.

² S. Semkowsky, «Die Wiederbelebung des russischen Proletariats», «Kampf» № 8 1 Mai 1913.

ном бюро и является членом партии; затем она предложила устроить «объединительную конференцию»¹. Ее позиция находилась в тесной связи с положением в польской партии, где против Главного правления стала в оппозицию варшавская организация, обвиненная после этого Л. Тышко и Р. Люксембург во всех смертных грехах, вплоть до того, что эта организация якобы находится в руках охранки.

Несмотря на выступление Каутского в защиту своего предложения с явно ликвидаторским заявлением, что русская партия умерла, несмотря на то, что против этого заявления справедливо выступила Роза Люксембург, резолюция Каутского по сравнению с предложением Розы Люксембург имела все же два основных преимущества: 1) Роза имела в виду «протащить тайком лишь «восстановление» печально-знаменитого «Тышкинского кружка»², что было бы усилением антибольшевистского фронта; 2) проект Каутского предполагал предварительный обмен мнений и изучение фактов, а это укрепило бы позицию большевизма, ибо дало бы возможность разоблачать все писания ликвидаторов в западноевропейской, особенно немецкой, социал-демократической печати и выяснить истинное положение дела.

Как только Литвинов объявил, что присоединяется к резолюции Каутского, — Чхеидзе, рассчитывая, что это является капитуляцией большевиков, выступил с заявлением от имени думской фракции и объявил, что меньшинство ее в лице большевиков послало фракции ультиматум и создает перед лицом реакционной Думы угрозу раскола. Выступление Чхеидзе было попыткой нападения на большевиков с точки зрения позиции Каутского. Тогда Литвинов вносит декларацию, основное содержание которой заключается в следующем: Чхеидзе представляет только часть думской фракции, и представительство должно быть разделено между обоими делегатами двух фракций. После оглашения декларации Литвинов выступил с разоблачениями деятельности ликвидаторов. Он указал, что ОК «не представляет принятой в Интернационал партии», что это лишь группа, которая, по ее собственному заявлению, хочет создать партию, что Бунд и латыши, которые почти одни образуют ОК, — имеют равное представительство своих делегаций и что «двойное представительство этих групп, т. е. и как националов и как «окистов», не может быть допустимо». В заключение Литвинов предложил принять *status quo*, который «должен быть сохранен для русской делегации».

Попытки к объединению не дали почти никаких результатов. В январском номере «Нашей зари» Мартов выдвинул нечто вроде платформы, на почве которой меньшевики согласны объединиться. Он говорит, что «не может быть соглашения на основе признания повторения 1905 г.», ибо это — «не марксизм». «Конечная цель» может быть достигнута не только *Zusammenbruch*'ом (т. е. революцией. Г. Б.), но и парламентским

¹ «Bulletin Périodique» etc. № 11.

² Ленин, Сочинения, т. XVII, стр. 110, ст. «Хорошая резолюция и плохая речь».

³ Пролетарская революция № 9 (104)

путем; при этом он ссылается на Каутского, который «на основе изучения Маркса» доказывает возможность «выкупа» у капиталистов средств производства. Он предлагает признать «пруссские» перспективы, «чтобы не отрываться от практики». Наконец, надо, по его мнению, выдвинуть «частичные требования вместо всей суммы требований»¹. Круг, таким образом, был завершен: русская разновидность оппортунизма приобрела те черты, которые свойственны оппортунизму в других странах.

В июне 1914 г. Мартов пишет Аксельроду, что Вандервельде (бывший в то время в Петербурге) заявил на «узком» совещании меньшевиков: «Вы, конечно, догадываетесь, что мои симпатии на стороне вашего течения, но я этого не могу выражать»². Положение действительно, было затруднительное, и меньшевистские собеседники быстро сообразили, почему Вандервельде не мог открыто выразить свои симпатии, когда они спросили гостя, в чем, с его точки зрения, причина громадного «успеха правдивостов». «Знатный иностранец» ответил, что причина кроется «в наплыве новых неокрепших слоев пролетариата», а затем он заявил, что побоялся предложить большевикам посредничество Международного социалистического бюро по вопросу о единстве, чтобы «не дать почувствовать им, что он хочет их прижать». Нужно отдать Вандервельде справедливость: осторожность его не обманула, ибо «неокрепшие слои» уже в следующем месяце строили в Питере баррикады, при помощи которых они били не только по самодержавию, но и по оппортунизму.

За полгода до приезда Вандервельде Ленин, разоблачая ликвидаторскую вылазку Каутского на заседании Международного социалистического бюро, подчеркнул, что эта вылазка не случайна и свидетельствует о том, «какого рода влияние оказывают на заграничных наших товарищей ликвидаторские заграничные шептуны»³. Большевизм был лишен возможности разоблачить шептунов в Интернационале, т. е. заодно дать бой и международному оппортунизму. Ленин отправил Гюисмансу, как секретарю Бюро, краткий отчет о положении дел в русской партии, и, изложив все пункты разногласий, говорит: «*Нас разделяют с ликвидаторами те же разногласия, которые разделяют реформистов и революционеров везде*»⁴ (курсив мой. Г. Б.). Но это уже означало разногласия с большинством Интернационала.

Г. Бешкин

¹ «Наша заря» 1914 г., № 1, ст. «Вмешательство Интернационала и социал-демократическое единство в России».

² «Письма Аксельрода и Мартова», Русский революционный архив, Берлин, стр. 290.

³ Ленин, Сочинения, т. XVII, стр. 123.

⁴ Там же, стр. 190.

ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ ¹

Окончание

IV. ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЛЕГАЛЬНЫХ МАРКСИСТОВ

Мы переходим к рассмотрению философских основ мировоззрения легальных марксистов. Не ставя себе опять-таки целью дать сколько-нибудь исчерпывающее изложение их философских взглядов, необходимо, тем не менее, осветить и эту область, поскольку легальные марксисты всю свою идеологию и социально-политические выводы пытались обосновать и фундаментально подкрепить соответствующими философскими положениями.

В этой области мы сталкиваемся с наибольшими извращениями и полной ревизией марксизма. Ни в какой другой области легальные марксисты так открыто и откровенно не высказывали своего несогласия с Марксом, как в философской. Нигде отрицание материализма легальными марксистами и поворот к идеализму не совершался в такой мере, как в отношении философских взглядов. Возможно, что объяснением этого факта может послужить и то обстоятельство, что к разработке философских воззрений легальные марксисты приступали большей частью тогда, когда счеты с народничеством были уже сведены и общественно-политическая обстановка выдвигала перед буржуазией другую проблему—«укрощение» рабочего класса, низведение его на положение придатка буржуазии, ее охвостья ².

Первой ласточкой, возвещавшей полосу ревизии философских основ марксизма, явился Струве, который еще в 1894 г. в «Критических заметках» щеголял критицизмом и выражал свое неудовольствие философской стороной учения Маркса. По его мнению, «чисто-философского обоснования этого учения еще не дано», и «пересмотр» фактов с точки зрения новой теории и «критика теории на фактах» приводят к тому, что «многие односторонности и слишком поспешные обобщения будут оставлены», хотя «зерно учения, на наш взгляд, является верным». В

¹ См. «Пролетарская революция» № 7—8.

² В самом деле, произведение, в которых излагались философские взгляды, как, напр., предисловие Струве к книге Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», самая эта книга Бердяева, статьи Струве, Булгакова и Бердяева в «Мире божьем» появились в 1900 году. И, наконец, квинтэссенция их философской мысли—сборник «Проблемы идеализма»—также появилась в 1900 г., т. е. в самом преддверии революционной бури 1905 года.

дальнейшем, из последующих работ Струве, Булгакова и Бердяева стало ясным, к чему клонилось это неудовольствие легальных марксистов философской стороной марксизма.

В основном оно сводилось к неприятию революционных черт этого учения. И это устремление легальных марксистов особенно рельефно обнажалось в следующих моментах: во-первых, в отрицании диалектики в общественном развитии, в отрицании революции, скачков при смене общественных форм и признании эволюционизма господствующим принципом общественного преобразования; во-вторых, в отрицании материализма в области гносеологии, при попытке соединения марксизма с критической философией; в-третьих, в открытом провозглашении поворота к идеализму и мистике; в-четвертых, в идеалистических воззрениях в области этики и в отрицании взглядов Маркса на свободу и необходимость.

Последуем за Струве, Бердяевым и Булгаковым, чтобы во всем их философском эклектическом хаосе распознать знакомые уже нам черты буржуазного либерализма. Философская одежда не укрывает у наших либералов их классовой сущности. Открыто они провозглашали лозунг: «Назад к Канту», «Назад к идеализму» Фихте и Шеллинга. Открыто Струве расточал свою философскую мудрость в доказательство ошибочности марксовой гносеологии, так же как и марксова учения о социальной революции.

В противовес теории социальной революции Струве выдвинул положение о том, что не только природа не делает скачков, но и интеллект не терпит, не знает их. Он утверждал, что развитие совершается лишь в форме непрерывного, эволюционного развития. «Формула» же Гегеля, по мнению Струве, не объясняет явлений, а лишь описывает их. В доказательство своей мысли Струве сослался на Зигварта и Канта¹.

У Канта Струве берет лишь то место, где он говорит об изменении вещей в пределах количественных изменений тех же самых вещей, между тем как основной свой удар он должен был бы направить на «доказательство» отсутствия скачков и наличие лишь постепенных изменений там, где возникают качественно различные вещи. Это тем более необходимо, что по данному вопросу мы встречаем у Канта указание на то, что «изменяются только те предметы, которые «остаются», т. е. продолжают существовать. Возникновение—равно как и исчезновение—вовсе не есть изменение того, что возникает или исчезает». Следовательно, непрерывное изменение само по себе еще не объясняет исчезновения тех или иных вещей или явлений. Целый ряд фактов из области природы и общества говорит о наличии скачков, причем последние предполагают предварительное непрерывное изменение в пределах данного качества, а непрерывное изме-

¹ Хотя пример, приводимый Зигвартом об изменении, происходящем со свечей в печке под действием огня, как раз свидетельствует о скачке при переходе воска из твердого состояния в жидкое, поскольку получается два различных качества на основе количественных изменений.

нение неизбежно приводит к скачку, к новому качеству. Это два необходимых момента одного и того же процесса.

Но Струве строит всю свою аргументацию для того, чтобы опровергнуть неизбежность социальной революции при смене капиталистического общества более высокой общественной формацией (весьма характерно, что Струве ее нигде не решается назвать социалистической). Струве упрекает марксистов, что они-де хотят найти пропасть между этими двумя формациями, что они устанавливают резкое разграничение между ними и утверждают неизбежность общественного переворота. Струве с этим не соглашается. Он считает, что смена общественных форм может совершиться лишь в виде ровного и незаметного перехода. Это в корне противоречит марксистскому положению, так как в отношении социально-политических явлений мы сталкиваемся с тем же принципом, что и в природе—«общественная эволюция совсем не исключает социальных революций». Струве же предпочитает жить иллюзией, что капиталистическому обществу не суждено умереть быстрой и насильственной смертью.

Поэтому Струве упрекает марксистов в том, что они «сосредоточивают свое внимание на специфических признаках противоположных понятий: *капитализм, социализм* и изменяют диалектике, забывая о постепенном и непрерывном развитии форм общественной жизни».

По поводу этого упрека Плеханов замечает, что легальным марксистам нужно «побороть или хотя бы только ослабить известную практическую тенденцию: *революционную тенденцию* передового пролетариата. Их «критика» служит им оружием в «духовной борьбе» с этой тенденцией, и их аргументы имеют в их глазах цену лишь постольку, поскольку они помогают выставлять в неблагоприятном освещении ненавистное им понятие: *социальная революция*. Эта практическая цель оправдывает все теоретические средства»¹.

Понятно, что социалистические взгляды социал-демократии, включающие признание неизбежности социальной революции, должны были подвергнуться критике со стороны легальных марксистов, причем и здесь не обошлось без ссылок на Маркса. Так, Струве извращает мысль Маркса о материальных предпосылках социалистического общества и критикует утопические, по его мнению, взгляды социал-демократов, поскольку последние придерживаются таких идеалов, материальные предпосылки которых отсутствуют. В вопросе о конечной цели исторического движения—социализме—Струве сходится с авторами «Кредо», отрицавшими возможность научного предвидения социализма.

Таким образом, произведенный Струве пересмотр теории Маркса свелся к доктрине, которая, *давая «положительное» объяснение капитализму, в то же время отказывается объяснить его «неизбежное падение», анализировать его с его «переходящей стороны?»*² Этим самым их

¹ Плеханов, Сочинения, т. XI, стр. 251—252.

² Там же, стр. 270.

идеология превращалась в оружие, удобное для русской буржуазии «в борьбе ее за политическое и иное господство»¹.

В области гносеологии легальные марксисты скатывались с материалистических основ на идеалистические рельсы. Вначале это проявлялось в робких попытках «сочетать идеи новейшей критической философии с жизнеспособными основными теоретическими и практическими идеями Маркса», а впоследствии они вовсе отказались от гносеологических идей Маркса, сведя всю свою философию к кантовскому идеализму, именно к идеалистической, а не материалистической стороне учения Канта. В статье, посвященной 75-летию со дня рождения Ф. Лассалья, провозгласив лозунг—«Назад к Лассалю!», Струве писал: «Это значит в известном смысле: назад к Гегелю... *Фихте*. Но назад не к их диалектике, которую можно ставить «вверх ногами», которая может быть сгибаема и на материалистический, и на идеалистический лад, а к их *строгому и несгибаемому идеалистическому существу*»² (курсив мой.—П. П.).

Гносеологические воззрения не были еще развиты Струве в статье «Моим критикам» в 1895 году. Там он говорил лишь о том, что «теория познания оставалась невыясненной у основателей теории экономического материализма» и что «пока экономическое понимание истории не будет обосновано на принципах критической философии..., до тех пор он не может считать экономический материализм философски вполне обоснованным». В 1900 г. он уже прямо заявляет себя сторонником критического направления, возглавляемого Штаммлером, Зомбартом и Конрадом Шмидтом.

Более подробную разработку вопросов критической философии легальными марксистами мы находим, главным образом, у Бердяева. В одной из своих основных работ—«Субъективизм и индивидуализм в общественной философии»—Бердяев, критикуя субъективную социологию Михайловского, главное свое внимание уделил пополнению существующих, по его мнению, пробелов марксизма, на которые «ортодоксальные» марксисты, вследствие их застывшего «догматизма», не обращали внимания.

При этом под пробелами автор понимает отсутствие в марксизме теоретико-познавательного базиса. А основой последнего, по мнению Бердяева, может быть лишь трансцендентальный идеализм. Не делая никаких открытий в этой области, Бердяев пытается соединить непонимаемого им Канта с Марксом. «Понятие объективности впервые получает глубокий смысл в философии Канта. Только трансцендентальная философия обосновывает познавательный объективизм»,—говорит Бердяев. В чем же заключается существо трансцендентального сознания и чем оно отличается от простого психологического? Из объяснений автора можно заключить, что первое дано познающему субъекту а priori, второе же получает свое содержание из опыта.

¹ Плеханов. Сочинения, т. XI, стр. 271.

² «Мир божий» № 11, 1900 г., стр. 299.

Бердяев оказывает предпочтение трансцендентальному сознанию, поскольку оно дает логическую форму для восприятия внешнего мира. «Все наше познание опытное, но познавательный опыт возможен только потому, что ему логически предшествуют такие необходимые условия, как, напр., закон тождества, как формы пространства и времени, как категория причинности и т. п.». Больше того, «кроме изменчивого и текущего психологического сознания, мы должны признать еще трансцендентальное, логическое сознание, как объективную точку опоры. Иначе мир обратился бы в какой-то ужасный хаос, не знающий закономерности, а познание—в субъективную игру, не знающую ничего объективного». Таким образом, критицисты, желая доказать абсолютную зависимость мирового порядка от априористических форм субъекта, вынуждены определять содержание опыта как бесформенную материю, являющуюся результатом действия внешних объектов; с другой стороны, априористические формы (категория субстанциональности и причинности) окончательно исключают как существование объекта, так и его действие на субъекта. «Трансцендентальный идеализм не касается генезиса опыта; оставляя определение материи опыта в стороне, он имеет дело только с субъективными формами его; субъективные же формы дают материи опыта закономерность, так как она представляет из себя ужасный хаос». Такая постановка вопросов не может не вести к идеализму, и, хотя Бердяев в данном случае следует Канту, все же он стоит ниже своего учителя, поскольку последний не хотел оставаться на идеалистической почве.

В чем же существо этого трансцендентального сознания? По Бердяеву, оно априорно, оно придает опытной материи форму, без которой материя только хаос, оно предшествует нашему опытному знанию; но Бердяев не ограничивается только этими свойствами. Он отрицает возможность развития для этого сознания. «Точка зрения развития, имеющая полную силу для психологического сознания (объективная психология), не имеет места в истории познания, которая ведает только логическое, исследует не происхождение и развитие познания, а его состав и общеприменимость». Больше того,—«если погибнет человечество, погибнет наша солнечная система, народятся новые миры... возникнут формы жизни и т. д... трансцендентальное сознание не изменится... его элементы одинаково вечны как в прошлом, так и в будущем... Трансцендентальное сознание создает мир»¹.

По существу, трансцендентальная апперцепция перевоплощала в другой форме старую, метафизическую «вечную истину», стоящую вне действительного реального мира и его непрерывного развития.

И с нашими критицистами история сыграла злую шутку. Вынужденные ополчиться против субъективного народнического идеализма в социологии, они сами впадали в него в области гносеологии. В самом деле, трансцендентальная апперцепция (кантовская терминология принимается

¹ Бердяев, «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», стр. 33—34.

Бердяевым), устраняющая объект, внешний мир, приписывающая всемогущее значение субъективным формам сознания, а priori предшествующего опытному знанию, не может логически не вести к субъективному идеализму. Последовательно проводя точку зрения принципов критической философии, нельзя не притти к солипсизму. Таким образом, теоретико-познавательный априоризм оказался несостоятельным как критерий истины в познании.

Для выяснения идеалистического естества легальных марксистов, которое привело последних к отрицанию закономерности, а следовательно и науки, остановимся на статье Струве «Свобода и историческая необходимость» (1897 г.), в которой он изложил вкратце свои гносеологические соображения для обоснования вопроса, озаглавленного в его статье. Подобно Бердяеву, Струве отрицает существование внешнего мира.

«Предполагать за индивидуальным или коллективным сознанием реальный мир внешних «вещей» есть метафизика»¹,—говорит он. Для него «мышление бытия равно бытию мыслимого». Отрицая существование внешнего мира, Струве устанавливает тождество между субъектом и объектом, причем субъект у него поглощает объект. Он пишет: «Объекты даны нам, как содержание сознания, а сознание находится в неразрывной связи со своим содержанием, это—основное положение гносеологического монизма или имманентной философии».

Критерием правильности субъективного сознания, по мнению Струве, служат: а) сходство воспринимающих функций всех людей, б) практика. Но совершенно ясно, что устранение внешнего мира устраняет и объективный критерий для сходства воспринимающих функций всех людей (нет возможности установить и выяснить сходство, если нет внешнего мира, объекта, при столкновении с которым выявляются черты субъективного сознания, общие другим людям). Точно так же и практика не может служить этим критерием. В самом деле, Струве принимает практику в самом обычном смысле, как столкновение субъекта с объектом. Но уничтожение внешнего мира уничтожает само понятие о практической проверке действительности субъективных представлений. Ссылка Струве на проверку действительности субъективных представлений в опыте совершенно лишена смысла и основания.

Отрицание внешнего мира, признание действительно существующим лишь сознание приводит Струве к отрицанию причинности и закономерности. Для него причинность—это последовательность восприятий во времени. Он говорит: «За восприятием *a* всегда следовало восприятие *b* которое составляло предмет хотения, а этот успех и представлял психологическое основание для признания данных восприятий и связи между ними реальными, объективными, сущими».

Эта последовательность восприятий во времени совершенно доста-

¹ Струве, сборник «На разные темы», стр. 492.

точно, по мнению Струве, для констатирования причинной связи явлений, их реальности, сущности. Но признание такой причинности, которое, кстати, принадлежит Юму, заставляет нас признать истинными всякие заблуждения, ибо и последние следуют последовательно во времени. «Не может быть критерия для различения ложных представлений от действительных, ибо все сумасбродные комбинации представлений следуют во времени одни за другими точно так же, как и те представления, которые Струве считает почему-то действительными»¹,—говорит Аксельрод. Практика, на которую ссылается Струве, не может служить проверкой действительной причинности, поскольку и она предполагает существование внешних объектов.

Ясно, что отрицание объективной причинности влечет за собой отрицание научного опыта, которое предполагает проверку своих выводов на практике. Научный опыт находится в противоречии с основными положениями имманентной философии. Положения субъективного идеализма, которых придерживается Струве, устраняют научный опыт, уничтожают по существу проблему гносеологии.

Если продолжить мысль Струве о причинности и научном опыте положением Булгакова о том, что всякое научное предсказание будущего есть «знахарство или шарлатанство»², то получится последовательная цепь эволюции этой мысли, высказанная разными авторами, принадлежащими к одному и тому же направлению.

Отрицание внешнего мира, признание тождества субъекта и объекта, отрицание объективной причинности,—все эти элементы субъективного идеализма, имманентной философии, логически вытекающие из априоризма Канта, которых придерживались почти все легальные марксисты, объясняют нам идеалистическое разрешение другой философской проблемы—свободы и необходимости. Именно идеалистическое, так как оно вытекало из общеполитических идеалистических основ. В этой проблеме тенденция всех легальных марксистов сводится к *устранению необходимости и провозглашению постулата свободной воли*, причем противоречие между свободой и необходимостью у Струве выступает как «противоречие не логическое, а гносеологически-психологический факт, который лишь раскрывается анализом человеческого познания, упирающимся в этот факт». По мнению Струве, «исход этого противоречия указан Кантом, Шеллингом и Шопенгауэром». «Канту мы обязаны его раскрытием, после которого *тщетны все попытки объединить свободу и необходимость в одном высшем начале*».

Что приводят легальные марксисты в доказательство своего постулата свободной воли? У того же Струве мы находим следующее обоснование: во-первых, его гносеологические взгляды, вывод из которых несовместим с признанием какой бы то ни было объективности, нахо-

¹ Аксельрод (Ортодокс), «Философские очерки», стр. 139.

² Булгаков, «Капитализм и земледелие», т. II, стр. 458.

дящейся вне сознания. Во-вторых, история-де делается людьми, которые руководятся целями, сознательно выставляемыми личностью; а это неотвратно ведет к отрицанию необходимости, так как люди свободны в определении своих целей и действий для их достижения.

Основное заблуждение легальных марксистов в этом вопросе заключается в том, что противоречие между свободой и необходимостью ими не разрешается, а просто устраняется один из пунктов противоречия и признается другой, причем они воображают, что в этом заключается монизм. Между свободой и необходимостью не устанавливаются общие моменты, а одно противостоит другому, как совершенно независимые явления. И в результате, поскольку свобода—это факт «гносеологически-психологический», а не факт действительности, факт целесообразного действия субъекта на объект, она лишена всяких гарантий реализации. Это неизбежно должно приводить к скептицизму. Поскольку же свобода берется без отношения к действительности, это приводит к фатализму. И поскольку отсутствует указание на сферу, где она осуществляется, это неизбежно приводит к оппортунизму.

Струве не совсем последователен, поскольку для прошлого он признает объективную закономерность и необходимость. Аксельрод совершенно права, когда в связи с этой непоследовательностью Струве замечает характерные черты буржуазного идеолога, в общепhilosophической части отрицающего возможность предвидения будущего, а в части конкретно-социологической в отношении социализма считающего возможным не только категорически отрицать эту перспективу, но и конкретно противопоставить другую форму будущих общественных отношений.

Эта двойственность являлась отражением интересов русской буржуазии, идеологами которой выступали Струве и К^о. Буржуазия защищала принадлежавшее ей настоящее, а для будущего отрицала закономерность развития, пытаясь представить это будущее ничем не различимым от настоящего. Когда надо оправдать законность и необходимость существующего строя, г. Струве «вполне последовательный детерминист» по отношению к прошедшему, а когда требуется опровергнуть научное обоснование социализма, он допускает абсолютную свободу действий, направленных на будущее. «Чтобы уничтожить научный базис социализма, он доказывает с гносеологической точки зрения невозможность предвидеть будущее. А чтобы доказать несостоятельность социалистического идеала, он предсказывает невозможность социальной революции. Такова логика и последовательность защитника буржуазии»¹.

Буржуазная сущность горе-марксистов особенно ярко сказывалась в вопросах этики, где они скатывались к теологической точке зрения и к позициям крайнего индивидуализма. Свое своеобразное понимание и фактическое отрицание детерминизма они переносили и в сферу действий и поступков отдельных личностей. Им казалось, что точка зрения

¹ Аксельрод, «Философские очерки», стр. 161.

детерминизма исключает возможность различать поступки людей с нравственной стороны, так как все они находят свое оправдание, объяснение и законность в объективных причинах, лежащих вне воли и сознания отдельных людей.

«Почему,—пишет Булгаков,—из ряда своих прошлых поступков, имеющих совершенно равное значение с точки зрения общего для них господства закона причинности, одни я квалифицирую как нравственные, согласные с законом долженствования, другие как безнравственные, с ним не согласные»¹. И Булгаков приходит к выводу, что это различие моральной оценки может объясняться лишь существованием высшей моральной воли, высших богом установленных нравственных целей.

Эти взгляды о высшей нравственной воле покоятся на кантовском учении о категорическом императиве, на учении о чистом беспричинном нравственном долженствовании, противопоставляемом действительному.

«Этика не есть социологическая и психологическая наука, отыскивающая законы сущего, это—философская дисциплина, устанавливающая нормы должного... Этика начинается противоположением *сущего* и *должного*, только вследствие этого противоположения она и возможна»²,—говорит Бердяев. Это установление высшего абсолюта, высших нравственных норм приводит с неизбежностью как к полному отрыву этики от действительного мира, так и к утверждению сознательной божественной силы, как источника этого бесконечного и высшего нравственного идеала и долженствования.

Если Струве, Бердяев, Булгаков с такой легкостью восприняли кантовский дуализм, мистику (веру в бога), то, с другой стороны, в своей борьбе против альтруизма и в защите эгоизма они стали обеими ногами на позицию ницшеанского крайнего индивидуализма. Они ополчаются против альтруизма, полагая, что последний является психологическим и этическим основанием научного социализма. И здесь руководящим мотивом является желание преодолеть социалистическую концепцию, разрушить классово-этический принцип, с неизбежностью вытекающий из материалистических основ научного социализма. Послушаем же их аргументы. Булгаков недоумевает, как можно реализовать счастье человечества, как можно уменьшить сумму страданий, когда нельзя «найти единицу для измерения радостей и горя, ибо мы в каждом из этих состояний имеем нечто индивидуальное, определенное не количественно, а качественно, так что масштаб измерения временем или числом здесь не применим».

С другой стороны, по мнению Булгакова, альтруизм даже безнравственен, «ибо с этой точки зрения страдание одних... является мостом к счастью для других. Наши потомки представляются вампирами, питающимися нашей кровью. Строить свое счастье на несчастьи других, во

¹ Сборник «Проблемы идеализма», стр. 30.

² «Проблемы идеализма», стр. 92.

всяком случае, безнравственно, и возрание, оправдывающее такой образ действия, хотя бы и касательно будущего поколения, также безнравственно»¹. Нельзя ставить общество или часть его,—поучает Булгаков,— в безнравственное положение, принося свою личность в жертву целого или части общества. Отсюда становится понятным скатывание его на позиции крайнего, ничем не ограниченного эгоизма: «Эвдемонисты часто защищают альтруизм и говорят, что счастье другого человека нужно ставить выше своего собственного, даже жертвовать своим счастьем во имя чужого. Все это рассуждение лишено какого бы то ни было этического смысла. Всякое «я» имеет такое же право на счастье, как и «ты»»².

Всю эту философию, сводящуюся к поговорке «каждый для себя, а бог для всех», теоретически углублял Франк, который, в свою очередь, пришел к выводу, что нельзя отказываться от своего «я» в пользу материального благополучия многоголового «ты». «Исполнение нравственного закона и общественное благо, думается нам, получили бы более верное обеспечение, если бы морально-сознательные люди думали не только об интересах *ты*, но и о том, что есть святого и неприкосновенного в интересах их собственного «я»»³.

Наконец, чтобы покончить с этими своеобразными представлениями о нравственности и этике струвистской плеяды, мы приведем еще следующие слова Бердяева, лучше всего вскрывающие их позицию в этом вопросе. «Человеческое «я» развивается путем повышения жизни, и потому старый призыв «жить во-всю» никогда не теряет своего значения. В человеке есть безумная жажда жизни, интенсивной и яркой, жизни сильной и могучей, *хотя бы своим злом, если не добром*. Это необычайно ценная жажда, и пусть она лучше опьяняет человека, чем отсутствует совсем»⁴.

Итак, мы видим, что легальные марксисты, начиная с заявлений о безнравственности жертвовать счастьем одной личности в угоду другой, кончают призывом «жить во-всю», «хотя бы своим злом, если не добром». На первый взгляд кажется, что они заблудились в трех соснах. На самом деле все бросающиеся в глаза противоречия их этических воззрений без особого труда распутываются и становятся понятными, если принять во внимание их классовую природу и всю социальную подоплеку их буржуазного, идеалистического и индивидуалистического учения. Правильный вывод из сборника «Проблемы идеализма» делает Аксельрод, указывая, что, с точки зрения авторов этого сборника, «земное благо нравственно, когда им пользуются привилегированные, праздные классы; земное благо безнравственно, когда к нему стремятся неимущие, трудящиеся массы»⁵.

¹ «Проблемы идеализма», стр. 26.

² Там же, стр. 30.

³ Там же, стр. 183—184.

⁴ Там же, стр. 130.

⁵ Аксельрод, «Против идеализма», стр. 43.

Наш обзор философско-этических воззрений идеологов передовой буржуазии был бы неполон, если бы мы не дали слово самому Струве, откровенно выразившему в этических взглядах интересы экономически господствующего класса. Идее материального равенства людей на земле Струве противопоставляет равенство бытия духа и превозносит христианскую мораль, обещающую, как известно, равенство душ «на небе».

«Я глубочайшим образом уверен..., что идея равноценности людей, как продуманное до конца философское убеждение, опирается на идею субстанционального бытия духа, и что в этом смысле наименование «христиански-демократическая мораль» совершенно верно. Люди равноценны не как эмпирические и случайные «пучки восприятий», не как животные организмы, а как душевные субстанции, как формальные единицы рода «человек»»¹.

Под безжалостный обстрел берет Аксельрод это учение о субстанциональном равенстве людей, иронически поучая Струве, что «в нем убежден, между прочим, и капиталист, который, признавая *«абстрактную разноценность»* людей, высасывает из *«эмпирических»* рабочих их грешные соки, оставляя в полной неприкосновенности их бессмертные души. В субстанциональном равенстве людей убеждено не менее г. П. Струве русское правительство, по повелению которого гуляют казацкие нагайки по *«эмпирическим»* спинам российских подданных. В субстанциональном равенстве людей убеждена не менее г. П. Струве вся христианская английская буржуазия, истребившая целый *«эмпирический»* народ. Словом, в субстанциональном равенстве людей убеждены не менее г. П. Струве все современные угнетатели народов и все представители позорной реакции»².

Итак, дело не в достижении материального и общественного равенства: к чему оно, раз люди и без того *«субстанционально»* (!) равны?.. Перед нами, как ясно всякому, прямая попытка оправдать классовое неравенство, подменить земное неравенство небесным равенством людей. Эти этические взгляды легальных марксистов были лишь венцом всей их философской системы, которая ничего общего с марксизмом не имела и покоилась на идеалистических принципах.

V. ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕГАЛЬНЫХ МАРКСИСТОВ

Легальный марксизм включал в себя самые противоположные элементы, начиная от некоторых основ материалистического понимания истории и кончая идеалистическими положениями и мистикой. Эта несуразная разношерстность во взглядах легальных марксистов не сохранялась все время в одних и тех же пропорциях. С течением времени клубок их марксистских представлений уменьшался в своем размере и их идейные

¹ Предисловие к книге Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», стр. LXVIII.

² Аксельрод, «Философские очерки», стр. 166.

нити все больше перематывались на клубок воззрений идеалистических и реакционных. С ходом экономического и политического развития России легальные марксисты все с большей решительностью отрекались от своих марксистских «увлечений», от всяких признаков демократизма и революционности.

Наше представление о легальном марксизме было бы неполным, если бы мы не разобрали эволюции их взглядов, находившейся в тесной связи с эволюцией буржуазного либерализма в России. Этот буржуазный либерализм выступал то как более прогрессивная сила, то как сила более реакционная, то облекаясь в марксистскую одежду, то меняя «вехи» и обнажая свою буржуазность и контрреволюционность. Все эти изменения идеологической оболочки буржуазного либерализма определялись характером переживаемого этапа истории, характером тех задач, которые стояли перед буржуазией и капиталистическим развитием России в тот или иной период. Но в основе либерализм был и оставался идеологией буржуазии, которая не хотела мириться с крепостничеством, но еще больше боялась революции, боялась движения масс, способного свергнуть не только монархию и власть помещиков, но и буржуазию.

Бурное развитие промышленного капитализма, характеризовавшее 90-е годы, выдвигает буржуазный либерализм еще на сравнительно прогрессивные позиции. Этот период именно оригинален тем, что буржуазный либерализм, хотя и кратковременно, выступает в марксистском одеянии и даже, частью, пытается сомкнуться с социалистическим движением¹. Легальный марксизм, изгонявший с помощью марксистской критики народничество из последних убежищ, был не чем иным, как новой формой буржуазного либерализма периода предреволюционного подъема промышленного капитализма. Но в этой классовой сущности либерализма 90-х годов дана была и его последующая эволюция.

Как только несколько лет подъема сменились промышленной депрессией и капиталисты стали ощущать результаты этой депрессии; как только выступление на политическую арену пролетариата, властно заявлявшего о своей исторической роли широким стачечным движением 2-й половины 90-х годов и демонстрациями начала 900-х годов, обнаружило перед буржуазией, какую сокрушительную силу представляет ее антипод,—началась все ускоряющаяся эволюция либеральствующей буржуазии в сторону монархии. Известная оппозиционность, проявлявшаяся буржуазией вплоть до революции 1905 г., не должна заслонять этой тенденции, этой эволюции буржуазного либерализма к буржуазно-помещичьему монархизму. Легальный марксизм, бывший на аванпосте буржуазно-идеологического фронта, с конца 90-х годов эволюционировал все больше и больше, сбрасывая с себя марксистские облачения, а в революции 1905 г. окончательно меняя вехи, окончательно и бесповоротно устанав-

¹ Струве, один из наиболее типичных и последовательных легальных марксистов 90-х годов, был автором манифеста РСДРП, выпущенного по постановлению I съезда партии. В 1896 г. он участвовал в Лондонском международном социалистическом конгрессе.

ливая «конституционно-демократическую» (на деле—конституционно-монархическую) идеологию и политическую ориентировку.

Можно ли ставить вопрос о том, что легальный марксизм был внутренне, непоследователен, что изменение идеологии легальных марксистов объясняется лишь субъективными качествами людей, его возглавлявших? Л. Аксельрод (Ортодокс) в сборнике «Философские очерки» в статье «О некоторых философских упражнениях некоторых критиков» пишет: «Говоря об убеждениях критиков, необходимо точно определять время, так как эти господа меняют свои воззрения так же легко и цинично, как Дон-Жуан своих любовниц; только с той разницей, что Дон-Жуан все-таки при всякой новой любви увлекался серьезнее»¹. Это замечание может создать представление о полной случайности всех изменений взглядов легальных марксистов, об отсутствии известной закономерности, объективных предпосылок процесса их идеологического «перерождения». Правильно подходит к этому вопросу Ленин, рассматривая эволюцию взглядов легальных марксистов в связи с эволюцией самой буржуазии. Ленин подтверждает это на следующем примере. Он указывает, что еще в 1902 г. буржуазия стояла за подполье. Когда же рабочее движение приводит к 17 октября, либералы отрекаются от подполья, объявляя его «безумием, грехом безбожием». И Ленин ставит вопрос, почему это так происходит. «Не потому ли, что Струве—изменник? Нет? Как раз наоборот. Струве переметнулся, потому что повернула вся буржуазия. А она повернула: 1) ибо получила привилегии и 11 декабря 1905 г. и даже 3 июня 1907 г. получила положение *терпимой* оппозиции; 2) ибо сама смертельно испугалась народного движения»².

Эволюция легального марксизма совершалась в соответствии с эволюцией буржуазии, и в этом его классовая последовательность. Как в период 70—80-х годов аграрно-капиталистический либерализм утрачивал свои прогрессивные стороны и становился холопствующим в связи с кризисом и восстанием крестьян, так буржуазный либерализм позднейшей формации периода промышленного капитала, после краткой «марксистской» весны, в связи, главным образом, с ростом революционного рабочего движения быстро эволюционировал в сторону монархизма. Все это заставляло Ленина для этой полосы характеризовать либерализм следующими словами: «Либерал боится движения масс, тормозит его и сознательно защищает известные, притом главнейшие, учреждения средневековья ради того, чтобы иметь опору против массы, в особенности против рабочих... Раздел с Пуришкевичами власти *над* рабочими и *над* мелкими хозяйчиками—вот действительная цель либерально-монархической буржуазии»³.

¹ Аксельрод, «Философские очерки», изд. 1925 г., примечание к стр. 158.

² Ленин, Сочинения, т. XVI, стр. 429—430.

³ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 484.

Ленин не только констатирует это явление, но и вскрывает причины, его вызывающие. По его мнению, это объясняется «в первую голову тем, что либеральная буржуазия связана слишком тесными экономическими нитями с поместным землевладением, их интересы слишком переплетены взаимно, так что для первой безопасным и желательным представляется лишь реформирование последнего, отнюдь не уничтожение его. Лучше самое медленное, даже незаметно-медленное реформирование, чем уничтожение,—так рассуждает подавляющее большинство либеральных буржуа, и при данном экономическом и политическом положении России этот класс иначе рассуждать *не может*»¹.

В свете очерченной Лениным либеральной исторической тенденции, в свете противоречивого развития самого либерализма нам яснее представляются все трансформационные процессы, которым были подвержены легальные марксисты. Даже беглое рассмотрение исторических перипетий легальных марксистов заставило нас провести резкую грань между их взглядами, применительно к 90-м годам, и платформой той же группы политических деятелей в пореволюционный период, выраженной в «Вехах». Мы видели, какая пуповина связывала этих идеологов либеральствующей буржуазии с поместным землевладением. Мы видели, как занесенный пролетариатом меч заставил самоопределиваться русскую буржуазию и ее идеологов, как контрреволюционную силу. Хотя революция 1905 г. проводила как бы водораздел во всей линии и концепции бывших легальных марксистов, но было бы непростительным упрощением сводить вопрос только к «скачку», вызванному этой революцией. Этот скачек во взглядах легальных марксистов подготовлялся, начиная с 90-х годов и кончая кануном революции 1905 года. В течение всего этого периода Струве и компания эволюционировали вправо, все более отрекаясь от демократизма, сдавая в архив одно за другим марксистские положения.

Раньше чем говорить о процессе трансформации и оформления их политических устремлений, нам хотелось бы напомнить о постепенном отходе легальных марксистов от марксизма, завершившегося преданием анафеме этого пролетарского учения. В статье «Против ортодоксальной нетерпимости» Струве сам с заслуживающей похвалы откровенностью излагает последовательные этапы своей эволюции. В этой статье он с нескрываемой прямоотой описывает отход от марксизма; с чувством некоторого удовлетворения принимает обвинения в буржуазности его образа мыслей; выбалтывает движущий мотив восприятия им марксизма, заключающийся лишь в желании преодолеть народничество; браврирует с игривой смелостью тем, что он отрекался от одного марксистского положения за другим, и с гордостью указывает, что его «критическая работа» начата задолго до бернштейниады. Вот что Струве писал в своей статье: «Основные мотивы критического поворота в марксизме были предвосхи-

¹ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 344.

щены, правда, в очень несовершенной и рудиментарной, но все-таки довольно явствующей форме, в моей книге 1894 года. Вообще в «Критических заметках» была целая куча ересей (курсив мой. П. П.), и не удивительно поэтому, что и в 1894 г. многим из ортодоксальных марксистов моя неортодоксальность казалась не легким облачком, а скорее... зловредной еретической тучей, весьма выразительным доказательством «буржуазности» моего образа мыслей. Но то было иное время, чем теперь... *Антинароднический* характер моей первой литературной попытки в значительной мере скрадывал от литературных противников мою неортодоксальность, а ортодоксальных марксистов с нею до известной степени примирял.

В то же время я и разумом и чувством понимал тогда, что прежде всего необходимо вести и покончить союзную борьбу против народничества и подготовить новое практическое и действительное понимание русской действительности. И, не будучи никогда ортодоксом, я чувствовал себя в этих двух задачах вполне солидарным с ортодоксией. В это время, когда выходило «Новое слово», мне казалось преждевременным резко выдвигать и развивать критическое сомнения... Когда народничество—силой вещей и аргументов—оказалось разбитым и в сущности упраздненным, положение дела изменилось. Я не считал уже ни нужным, ни возможным воздерживаться от открытой постановки критических задач и принялся за дальнейшее развитие своих еретических сомнений и дум. Тут критическая работа шла у меня параллельно с выработкой положительного мировоззрения, расширившейся далеко за пределы критического исправления и истолкования марксизма, и во многом с ним порывавшей. Впрочем, этот пересмотр начался еще во время моего союза с ортодоксией, не нарушая тогда этого союза...

Дальнейший решительный шаг в критике ортодоксального марксизма был сделан мною в напечатанной в самом начале 1897 г. статье («Свобода и историческая необходимость» в «Вопросах философии и психологии»)... в этой статье я решительно восстал против марксистского понимания соотношения между свободой и необходимостью. В том же году, в статье о Цюрихском конгрессе, я в совершенно категорической форме свел счеты с Verelendungstheorie и Zusammenbruchtheorie. Все это было до «великого события» в западно-европейской литературе марксизма, до выхода в свет книги Бернштейна... в западно-европейской литературе я выступил с работой, которая... не списана ни с Бернштейна, ни с Вольфмана, ни с Масарика и вовсе не навеяна этими и другими критиками марксизма...

Русское критическое движение в марксизме отличается от западно-европейского гораздо большей смелостью, решительно и без всяких примирительных оговорок и недомолвок, порывая с теми положениями марксизма, которые оказываются в глазах представителей этого движения несостоятельными»¹.

¹ Струве, сборник статей «На разные темы», 1893—1901 гг., стр. 300—302.

Так Струве сам описывает свой предреволюционный жизненный путь. Нам остается немногим дополнить это описание. В 1894 г. Струве только оговаривался, что он не ортодоксальный марксист, что необходимо марксизм дополнить философским критицизмом. Он вносил тогда мальтузианские поправки в марксову теорию перенаселения, своеобразно толковал понятие о государстве, усиленно выдвигая на первый план национально-культурные задачи, затушевывая в то же время классовые задачи пролетариата.

В 1897 г. он выступает против материализма, уже решительнее берет под защиту кантианский критицизм в вопросе о свободе и исторической необходимости. А в вопросе о революции он пытается оторвать марксизм от теории революционных катастроф и этим самым его обескровить.

В 1900 г. вместе с Туган-Барановским он подвергает критике марксову теорию стоимости и прибавочной стоимости, выступает в защиту метафизики. С этого времени и вплоть до революции 1905 г. он окончательно оформляет свои политические взгляды как либерала, становясь во главе земского конституционалистского «Союза освобождения». Он организует и редактирует орган этих земцев-конституционалистов «Освобождение», а с момента образования кадетской партии становится членом ее ЦК. Струве представляет наилучший из образцов той эволюции, которой подверглись все легальные марксисты с той лишь разницей, что остальные (Бердяев, Булгаков) в меньшей мере бряцали марксистским оружием и еще быстрее отказывались от его использования. Бердяев уже в 1900 г. развивал идеалистические взгляды по философским вопросам, в том числе и в области гносеологии. Булгаков к этому же времени подвергает критике марксову теорию аграрной эволюции, а в 1902 г. он скатывается в сборнике «Проблемы идеализма» к мистицизму.

До сих пор мы говорили о предреволюционной эволюции теоретических взглядов легальных марксистов. Теперь коснемся их политических воззрений в тот период, когда они разошлись с социал-демократией и начали самостоятельно выступать на политической арене перед революцией 1905 года.

В полном соответствии с общим духом своей идеологии легальные марксисты, как нам уже известно, отреклись от «пессимистической», по их мнению, веры в социальные катаклизмы. В специальной статье «Откуда и куда» Струве восхваляет Герцена за его критику «ненаучного понятия» социальной революции. «Герцен... совершенно отрешился от этого революционного утопизма—и в этом отношении он предвосхитил... новейшее реалистическое развитие школы Маркса от революционизма к эволюционизму»¹. Восторгаясь Герценом, который, по его мнению, «был тогда далеко впереди Маркса», Струве обнажает уже знакомые нам буржуазные черты, заявляя, что «исторический опыт многому научил нас. Вместе

¹ «Освобождение», книга вторая, 1904 г., стр. 25.

с Герценом мы не верим в возможность чудесных социальных переворотов; мы верим не в «ложку» и «грубую силу», а, наоборот, в «развитие» и в сделки»¹ (курсив мой. П. П.).

Этот же мотив заставляет Струве в первом номере «Освобождения» в передовой статье подчеркнуть, что этот орган не будет революционным. Все это, разумеется, непосредственно относилось не только к «далекой» перспективе революции социалистической, но и к ближайшей, демократической революции, к борьбе с царизмом. Нужно признать, что этот принцип—вера в «сделки» с царизмом—все время выдерживается «Освобождением», несмотря на частичные заигрывания с революционным движением.

Какие же политические задачи ставили перед собой струвисты, добиться которых они рассчитывали «эволюционистскими» методами? В цитированном уже нами первом номере «Освобождения» Струве в общей форме следующим образом определяет эти задачи: «Как в XIX веке до 1861 г. «Аннибаловой клятвой» времени была борьба за освобождение крестьян, так в наше время должно твердо помнить свою «Аннибалову клятву»—борьбы за политическое освобождение России». Эта укороченная политическая платформа выдвигает устами Струве неопределенное требование «замены произвола самодержавной бюрократии правами личности и общества». Эту задачу струвисты пытались представить, как общенациональную, надклассовую; удовлетворяющую в равной мере требования и чаяния всех классов русского общества. «Культурное и политическое освобождение России,—писал при этом Струве,—не может быть ни исключительно, ни преимущественно делом одного класса, одной партии, одного учения. Оно должно стать делом национальным или общенациональным, на которое откликалось бы каждое сердце».

Все эти громогласные заверения о борьбе за политическое освобождение России практически сводились к весьма мизерным и куцым лозунгам защиты органов самоуправления, защиты гонимого земства. Такая программа, конечно, полностью вытекала из интересов русской буржуазии, которую они политически представляли; и вместе с тем программа эта полностью увязывалась с их критическими взглядами о том, что лучше «мирным», чем революционным путем, что «лучше сверху, чем снизу» (о чем откровенно писали они в редакционной статье в № 7 «Освобождения»).

Либералы-освобожденцы не прочь были изобразить из себя демократов. Они писали, что «в развитии русского либерализма демократические тенденции являются и прочной исторической традицией и насущной практической необходимостью. Всякий иной либерализм, кроме демократического, не имел бы в русском обществе почвы и не нашел бы в нем отклика»².

В другом месте, давая оценку своему движению, они заверяли, что

¹ «Там же, стр. 27.

² «Освобождение» № 20, 1904 г.

«это движение по существу своему либеральное и демократическое: либеральное потому, что оно направлено на завоевание свободы, демократическое потому, что оно отстаивает самые жизненные материальные и духовные интересы народных масс»¹.

Но не только на практике они решительно ни в чем не показывали себя подлинными демократами, но даже на словах они спешили отгородиться от плебейского «якобинского демократизма»². «Но, во всяком случае», с юсовой торопливостью подчеркивалось ими, что «задача того либерализма, который мы исповедуем, состоит в том, чтобы защищать и проводить в жизнь идею истинно-либеральной, а не якобинской демократии»³.

Так, сразу же суживали они понятия демократизма до рамок приемлемых либеральствующей буржуазией, отгораживаясь от «плебейского» и «якобинского» демократизма рабочих и крестьянских масс.

Освобожденцы вынуждены отмечать все увеличивающуюся роль рабочего класса в освободительном движении. Они ясно себе представляли, какую огромную силу приобретала освободительная борьба вместе с появлением на политической арене русского пролетариата. Но, с другой стороны, они решительно противились политическому самоопределению рабочего класса, делая все попытки повести его под своей гегемонией. Понимая, что либералы непосредственно не смогут возглавить рабочий класс, они охотно признавали социал-демократию вождем русского пролетариата. Но это не означало их отказа подчинить своему влиянию рабочее движение. Напротив, они неослабно добивались распространения своего влияния на рабочий класс, не непосредственно, а через промежуточное звено, через социал-демократию, которую они на «европейский лад» пытались превратить в аппарат своего влияния в рабочей среде и с помощью которой они пытались вести на буксире рабочие массы. Отсюда их проповедь умеренности в рабочем движении, необходимости пройти рабочему классу через «приготовительный класс».

Но послушаем самих струвистов. Они признают «огромное значение рабочего движения для политических судеб нашей страны, которое заключается в том, что в столетний политический спор русской интеллигенции с правительством, в лице рабочего класса, наконец, активно и сознательно вступает народ. Он проснулся к свободе, он требует, и он ее возьмет»⁴.

В этом же духе Струве в статье «Освобождения» № 4 за 1902 г. писал, что русский рабочий стал естественным и желанным союзником

¹ «Освобождение» № 1, 1902 г.

² Точно так они стремились отгородиться от классовой борьбы, пытаясь использовать демократизм, как инструмент классового мира, как средство для сглаживания классовых противоречий. Эта черточка не укрылась от Ленина. В «Двух тактиках» Ленин цитирует статью «Как найти себя», в которой Струве писал, что он собирался «создать русскую демократию, опираясь не на борьбу, а на сотрудничество классов».

³ «Освобождение» № 20, 1904 г.

⁴ «Освобождение» № 1, 1902 г.

для всей прогрессивной интеллигенции в ее борьбе за политическое освобождение России. А наряду с этим, в конце той же статьи, Струве высказывает пожелание, чтобы русская социал-демократия уподобилась западно-европейским рабочим партиям и вела агитацию, «приуроченную к отдельным вопросам и сторонам рабочего быта», и притом чтобы всю агитацию она вела как можно умеренней.

Струве даже готов признать, что «принципы социал-демократии совпадают с чистыми идеями либерализма, как политической системы свободы и равенства»¹. Понятно, что это признание обнаруживает лишь желание насытить либеральной сущностью социал-демократические принципы. В этом духе им и даются советы социал-демократии. За два дня до знаменитых событий 9 января 1905 г. Струве писал: «Ту меру постепенности, осторожности и оппортунизма, которую сочли возможным «вместить» немецкие социалисты в 70—80-х годах, эту меру могут и должны наложить на себя русские социалисты и демократы при создании профессионального рабочего движения... Русский рабочий культурно отстал, забит, еще недостаточно подготовлен к организованной общественно-политической борьбе»².

Эти советы струвисты сопровождали похвалой германской социал-демократии за ее эволюцию от революционности к ревизионизму. Струвисты ставили в пример германскую социал-демократию, которая, по их мнению, конечную цель партии—социализм—превратила «из всерешающей неподвижной формулы в изменчивую и сложную проблему экономической политики и социального управления». Отрадны для себя процессы струвисты подмечали и в рядах русской социал-демократии. Либералы с полным сочувствием относились к оппортунистическому крылу русской социал-демократии, прекрасно понимая, «что для буржуазии, как указывал Ленин, выгодна «практичность, трезвость, серьезность» рабочего класса, т. е. фактическое ограничение поля его деятельности рамками капитализма, реформ, профессиональной борьбы и т. д.»

Струвисты выражали особое удовольствие развитию *новоискровского направления*, восхваляя каждое его «практичное, трезвое» решение, по существу сводящееся к отказу от руководящей роли пролетариата в русской революции.

В одном из примечаний к «Двум тактикам» Ленин перечисляет все комплименты новоискровству, которые сыпались со стороны «Освобождения». «Напомним читателю, что статью «Чего не делать?» (№ 52 «Искры») «Освобождение» приветствовало с шумом и треском, как «знаменательный поворот» к уступчивости по отношению к оппортунистам. Принципиальные тенденции новоискровства «Освобождение» специально одобряло в заметке о расколе среди русских социал-демократов. По поводу брошюры Троцкого «Наши политические задачи» «Освобождение»

¹ «Освобождение» № 1, 1903 г.

² «Освобождение» № 63, 1905 г., стр. 222.

указывало на однородность идей этого автора с тем, что некогда писали и говорили рабочедельцы Кричевский, Мартынов, Акимов... Брошюру Мартынова о двух диктатурах «Освобождение» приветствовало (см. заметку во «Вперед» № 9). Наконец, запоздалые жалобы Старовера по поводу старого лозунга старой «Искры»: «сначала размежеваться, потом объединиться» встретили особое сочувствие «Освобождения»¹. Такой же отклик со стороны струвистов встретила меньшевистская резолюция, в которой на задний план отодвигалась нелегальная организация и в качестве первоочередной задачи намечалось ведение рабочими профессиональной борьбы на легальной почве. «Освобожденцы» писали: «Мы горячо приветствуем эту резолюцию как торжество здравого смысла, как тактическое просветление известной части социал-демократической партии»².

Но если по адресу русских оппортунистов струвисты щедро расточали комплименты, то войной они обрушивались на революционное большевистское крыло, «порицая его за узость, революционизм, бунтарство, отрицание практически полезных компромиссов и т. д.». Идеологи буржуазии, подчеркивая свою неприязнь к революционной социал-демократии, не жалели красок. Революционная социал-демократия, отправлявшаяся во всей своей деятельности от центральной задачи—завоевания пролетариатом гегемонии, становилась непреодолимой преградой для политических устремлений русского либерализма. Революционная социал-демократия не давала возможности использовать партию рабочего класса, как проводника буржуазного влияния на пролетариат. Она являлась как бы бельмом на глазу русской буржуазии. Идеологи буржуазии не могли скрыть своего недовольства и возмущения революционным направлением русской социал-демократии. «Недостаточные организационные успехи русской социал-демократии,—писал Струве,—определяются тем, что она не только теоретически-идейно, но и практически—в смысле тактики—находится в плену даже не у доктрины, а прямо-таки у «революционных» фраз и заклинаний»³. И дальше Струве поучал, что «иллюзия современной русской социал-демократии заключается в том, что она боится «культурной» работы, боится «легальных» путей, боится «экономизма», боится так называемых «неполитических» форм рабочего движения, не понимая, что только культурная работа, «легальные» и «неполитические» формы могут создать достаточно прочный и достаточно широкий базис для такого движения рабочего класса, которое заслуживало бы названия *революционного*»⁴. Все эти «камешки» бросались в большевистский огород.

С такими устремлениями выступал русский либерализм в самом преддверии революции 1905 года. Мы видели, что весь его политический багаж сводился к установке на эволюцию, на сделку с верхами, а не на

¹ Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 70—71.

² «Освобождение» № 72, стр. 363.

³ «Освобождение» № 63, стр. 221.

⁴ «Освобождение» № 63, стр. 221.

мощную ломку общественно-политического уклада силами низов: выступая против произвола самодержавия, либерализм защищал гонимое земство, как единственный, по его мнению, инструмент, с помощью которого можно было добиться реформирования сверху всех пережитков докапиталистических отношений. Либерализм пытался представить свою задачу, как национальную и надклассовую, свою позицию, как вполне демократическую. Добиваясь политической гегемонии в освободительном движении и придавая большое значение участию рабочего класса в этом движении, они стремились установить контакт с меньшевистским крылом социал-демократии, превратив его в приводной ремень своего влияния на русский пролетариат.

Но вот наступила революция. Широким морем разлилось стачечное движение. Развернулась полоса крестьянских восстаний, удар за ударом потрясала помещичье-самодержавную власть высоко-поднявшаяся волна революционного движения. Эта волна захлестнула и наших либералов. Но, нужно признаться, они не потеряли самообладания. Классовая прозорливость идеологами передовой буржуазии не утрачивалась в эти критические дни. С первого же момента революции либералы озабочены задачей возглавить революцию для того, чтобы ее обкарнать.

«Революцию... победить нельзя, революцией можно только овладеть,— писали струвисты в марте 1905 года.—С революциями умные, истинно-государственные люди... не борются. Или иначе: единственный способ борьбы с революцией заключается в том, чтобы *стать на ее почву и, признав ее цели, стремиться изменить только ее методы*»¹ (курсив мой. П. П.).

Русские либералы стремились доказать, что они умные, истинно-государственные люди, знающие утонченный, совершенный и единственно разумный способ борьбы с революцией. «Русская оппозиция, не только демократическая, но и умеренно-консервативная, должна... исходить из того факта, что *в стране уже началась... революция*. Если так, то единственная разумная из всех точек зрения тактика состоит в том, чтобы *овладеть революцией в самом начале* (курсив мой. П. П.) и, признав в существе эту революцию законной, *вдвинуть ее в русло закономерной социальной реформы...* (курсив мой. П. П.), теми средствами, которые даст демократическая конституция»².

Наши либералы еще за несколько месяцев до знаменательных событий 1905 г., с бешенством боровшиеся против призывов к революции и прочно стоявшие на позициях умеренного реформаторства, вынуждены были теперь признать за факт начавшуюся революцию и спешно выработать новую тактику, подстегиваемые выстрелами гражданской войны и баррикадами, воздвигавшимися рабочими столицы. Их политические взгляды этого периода оформлялись в «Полярной звезде», начавшей выхо-

¹ «Освобождение» № 67, 1905 г., стр. 282.

² Там же, стр. 281.

дять в самый разгар московского вооруженного восстания. Основная установка «Полярной звезды» заключалась в ориентировке на осуществление и реализацию манифеста 17 октября. Это сопровождалось борьбой ее на два фронта: и с бюрократией, которая мешала осуществлению манифеста, но еще больше—с революционной «стихийей» и «безумием», причем с помощью очень тонкого маневра проводилась, по существу, защита поднимавшей голову реакции.

Вся ответственность за реакционные действия бюрократии, по мнению Струве и струвистов, лежала на социал-демократах, которые, продолжая курс на разжигание и развитие революции, этим самым как бы оправдывали и вынуждали оголтело-реакционные мероприятия властей предрешающих. Но струвисты слегка покрикивали и на бюрократию: эта ругань по адресу бюрократии должна была прикрыть отступление либерализма на черносотенные позиции, завуалировать их бешеные нападки на все, что связано было с революцией.

Надо отметить все, что было до 17 октября, даже октябрьская всеобщая стачка, а тем более 9 января, так же, как и крестьянские волнения, происходившие в этот промежуток времени, заслужили со стороны струвистов одобрения и даже восхищения, поскольку результатом этого организованного напора революционных масс, особенно рабочего класса, явился столь желанный для наших либералов манифест 17 октября, наполнивший сердца их полным удовлетворением.

Струве так и говорит в статье о революции в «Полярной звезде» № 3, восхваляя октябрьскую стачку, как «истинно-революционную и истинно-творческую забастовку». «В том, что произошло с октября по конец года, есть только одно истинно-революционное дело, это—достославная октябрьская забастовка и ее драгоценное детище, манифест 17 октября. Только это—революция; все же прочее «революции», которыми дело революции испорчено и подорвано. Манифест 17 октября—это наш революционный палладиум».

Но нам уже знакомо стремление либералов использовать революционное движение рабочего класса в интересах буржуазии. Нам известна ожесточеннейшая борьба либералов против гегемонии пролетариата в революции. Эту тактику либерализм достаточно ясно демонстрирует в своем отношении к революционной борьбе рабочего класса, продолжавшейся после октября, и особенно в своем отношении к декабрьскому вооруженному восстанию, к этой первой попытке пролетариата революционными методами добиться своей гегемонии. Все отрицательные эпитеты, которые только имелись в литературном арсенале Струве, последний использует, чтобы опорочить продолжавшуюся борьбу рабочего класса. Это движение он окрестил, как стихийную анархию, дезорганизовавшую всю хозяйственную жизнь, как движение, ответственное за неизбежное торжество реакции. С этим мотивом мы сталкиваемся почти в каждой его статье. Зато декабрьское вооруженное восстание он изображает, как яacobинское бешенство интеллигенции, осуществляемое не в со-

юзе с массой, а со случайными элементами: дворниками, мальчишками и т. д. Вот, что писал этот ослепленный либерал: «В Москве не было вооруженного восстания населения, были столкновения отдельных, относительно весьма немногочисленных, групп населения с полицией и войсками; были бутафорские баррикады, воздвигнутые «революционной» интеллигенцией в союзе с терроризованными дворниками и увлеченными уличными мальчишками; была отчаянно храбрая, героическая борьба нафантазированных, обрекших себя на гибель рабочих»¹.

Эта оценка вооруженного восстания увязывается Струве с желчной руганью по адресу стачечной борьбы, по адресу пагубного безвластия русской революции, которые «гораздо больше дезорганизуют и страну и самое себя». Струве писал: «Страна так называемыми политическими забастовками доведена до полной хозяйственной дезорганизации... Не надо нам больше никаких забастовок и никаких забастовочных комитетов!».

Напуганные революционной борьбой демократических масс, струвисты в один голос кричат, что «народу нужен порядок», что «для революции теперь нужен порядок». Только «бюрократической реакции нужны беспорядки и «революции», и потому она с такой злобой и наглостью дразнит народ своими бесчинствами». Реакция продолжала существовать, абсолютизм еще не был подорван, а либералы уже всеми силами пытались совлечь борющиеся массы с революционной колеи на рельсы порядка, от вооруженной борьбы — к избирательным урнам.

«Всякие «революции», всякие «бунты» только вредны, ибо в них противоположение России народной и чиновно-владельческой не проясняется, а долько стирается. Между тем стоит только внедрить это противоположение в сознание народных масс, и массы своими избирательными записками произведут весь нужный для страны переворот»² (курсив мой. П. П.).

Собственно говоря, струвисты никогда не обещали бороться за революцию. Еще накануне революции они выступали не за «ломку», а за «делки». Когда же, вопреки теоретическим воззрениям и либеральным желаниям струвистов, массы начали революционную ломку, Струве и его компания выступили против масс, открывая тем самым страницы своего черносотенства и будущего веховства.

И особенно характерно, что даже свое черносотенство либерализм струвистского толка пытался прикрыть ссылками на марксизм. Примечательна в этом отношении статья Изгоева о «диктатуре пролетариата». Изгоев попытался здесь подвести итоги тактики русской социал-демократии в революции 1905 г. и под этим углом зрения произвести критику ее ошибок. В этой критике Изгоев ставил своей задачей осудить идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. Он восстает, главным образом, против преждевременного разрыва русской со-

¹ «Полярная звезда» № 3, декабрь 1905 г., стр. 224—225.

² «Полярная звезда» № 6, 1905 г., январь, ст. Струве «Две России», стр. 379—382.

циал-демократии с либерализмом, против отрицания буржуазного руководства, против того, чтобы в революции только демократической и политической пролетариат добивался своей гегемонии методами социалистической революции. Замечательно, что аргументация Изгоева, самого реакционного из всей плеяды струвистов, в значительной мере совпадала с меньшевистской концепцией, тем самым подчеркивая социальную подоплеку этой концепции. Изгоев писал: «Так называемые «тактические ошибки» русской социал-демократии теперь ясны для всех. Злоупотребление методом всеобщей политической забастовки без ясного представления о силах и организованности пролетариата, необдуманная пропаганда вооруженного восстания, побудившая предпринять в этом направлении ряд попыток, очевидно обреченных на неудачу и не имевших определенных целей, и, в-третьих, преждевременный разрыв с либеральными и радикальными «буржуазными» партиями... Основная ошибка теоретиков, руководивших движением, сводилась к бланкистскому пониманию «диктатуры пролетариата» и к вытекавшему отсюда перенесению элементов социалистической революции в происходившую революцию политическую и демократическую». Изгоев пытается использовать критику бланкизма Энгельсом, произвольно вкладывая в уста основоположников марксизма обсуждение идеи диктатуры пролетариата: «Маркс резко подчеркивает бланкистский характер... идеи диктатуры пролетариата... Энгельс очистил идею диктатуры пролетариата от всяких бланкистских элементов... У нас же диктатуру пролетариата, предпосылку социалистической революции, перенесли в революцию политическую, задумали сделать «переходной ступенью» от самодержавия к конституционно-демократическому строю. Этим чудовищным прыжком русская социал-демократия совершенно отделилась от марксистского понимания и покатила по наклонной плоскости якобинизма и бланкизма... В чьи руки могла быть передана власть? Ответу прямо: только в руки земцев и третьего элемента. Бесспорно..., что они с охотой включили бы в свои ряды и вождей пролетариата... Но пролетариат..., твердо уяснив себе, что происходит только демократическая и политическая революция, должен был всей своей силой и всем своим влиянием поддержать те слои, в руки которых могла быть передана власть. В обмен за это пролетариат получил бы надлежащие гарантии, прежде всего свободу профессиональных союзов и печати, без чего для рабочих немислима сколько-нибудь широкая и планомерная борьба... Мысль о диктатуре пролетариата необходимо пока совершенно оставить. Речь об этом может пойти только после установления действительно-конституционного и парламентского строя. Да и тогда диктатура не будет носить характера бланкистского заговора. Она явится только венцом постепенного проникновения пролетариата в правящий механизм»¹.

Редакция поспешила сделать примечание к статье Изгоева: «Его критика противомарксистской тактики русской социал-демократии (читай—

¹ Изгоев, «Диктатура пролетариата», «Полярная звезда» № 10, 1906 г., стр. 715—723.

большевиков, ибо тактику, которую осуждает Изгоев, вели именно большевики. П. П.) прямо-таки неотразима. Главное наше разногласие с А. С. Изгоевым состоит в том, что мы считаем самое понятие «диктатуры пролетариата» не выдерживающим научной критики»¹.

Если в предреволюционный период струвисты выступали с чисто теоретической проповедью узко-профессионального, неполитического движения рабочего класса, то в период самой революции в своем органе «Полярная звезда» они развивали бешеную атаку против тенденций пролетариата осуществить свою гегемонию в буржуазно-демократической революции. Под флагом борьбы с якобинизмом социал-демократии на самом деле происходила их борьба против демократических масс.

Как прежде, так и в период самой революции меньшевистское течение социал-демократии встречало дружественный отклик в среде либералов. Интересна в этом отношении оценка позиции Плеханова со стороны Бердяева в «Полярной звезде». Бердяев, с горечью констатируя, что «все победоносные аргументы были забыты», находит светлую точку в лице Плеханова. «Только Плеханов, самый умный и культурный из русских социал-демократов, не потерял окончательно марксистской головы и зывал к марксистской совести»².

Итак, для взглядов идеологов либеральной буржуазии в эпоху штурма и натиска характерно «признание» революции, попытка ее возглавить для того, чтобы ее обкарнать, ввести в желательное для них русло и использовать плоды героической борьбы масс в интересах кошелька буржуазии, в интересах придушения этих масс. Характерно, наконец, их заигрывание с демократией, желчная враждебность к продолжавшейся стачечной борьбе, открытая ненависть по отношению к тем социал-демократам, которые выступали, как последовательные поборники гегемонии пролетариата, и сочувствие оппортунистическому крылу социал-демократической партии.

Но вот революционная буря прошла. У революции не хватило сил свалить монархию. Революция потерпела поражение. Самодержавие было слегка подорвано, но не уничтожено. Оно быстро залечивало нанесенные ему раны, придушило и разметало революционные очаги. Началась полоса оголтелой реакции. В этот период на свет появляется сборник «Вехи», составленный из статей все тех же известных нам Струве, Булгакова, Бердяева и др.

Ленин следующим образом характеризует и раскрывает содержание «Вех»: «Энциклопедия либерального ренегатства охватывает три основные темы: 1) борьба с идейными основами всего миросозерцания русской (и международной) демократии; 2) отречение от освободительного движения недавних лет и обливание его помоями; 3) открытое провозглашение своих «ливрейных» чувств (и соответствующей «ливрейной» поли-

¹ Там же, стр. 724.

² Бердяев, «К истории и психологии русского марксизма», стр. 680.

тики) по отношению к октябристской буржуазии, по отношению к старой власти, по отношению ко всей старой России вообще»¹.

Эти три темы излагаются не в позитивной форме, а в виде критики «интеллигенции», как идейного руководителя революционно-освободительного движения недавних лет. Особенно рьяно, бешено критикуется «интеллигенция» за ее увлечение диалектическим материализмом, за то, что материализм она избрала философской основой своих социальных взглядов, за то, что она пыталась претворить свои социально-философские взгляды в политике. В этой злобной критике материализма мы сталкиваемся с уже знакомой нам по 90-м годам фигурой из легальных марксистов, с литератором, наиболее откровенно выступавшим против материализма, в философских вопросах, с той лишь разницей, что раньше он это совершал под видом разработки и пополнения пробелов марксизма, а теперь он без всяких прикрас отвергает марксизм по всем вопросам, отвергает его, как мировоззрение в целом.

Речь идет о Бердяеве, который в «Вехах» разносил интеллигенцию за то, что она «потребность в философском обосновании своих социальных стремлений стала удовлетворять диалектическим материализмом». Он направляет свои удары против центральной оси марксизма, против классовой точки зрения, с которой марксизм подходит к анализу всех общественных явлений. Вот, что он говорит: «Классовое» объяснение разных идеологий и философских учений превращается у марксистов в какую-то болезненную, навязчивую идею. И эта мономания заразилась у нас большую часть «левых». Деление философии на «пролетарскую» и на «буржуазную», на «левую» и «правую», утверждение двух истин, полезной и вредной—все это признаки умственного, нравственного и общекультурного декадентства».

Марксизм требует претворения его идей в жизнь, и Бердяев пускает в ход свое отравленное жало, злобно нападает на лучших представителей русской интеллигенции за их стремление «определять свое отношение к самым практическим и прозаическим сторонам общественной жизни на основании материалистического катехизиса и материалистической метафизики».

Отрицание материализма не только в области общественных отношений, но и в области так называемого духовного бытия является существенной чертой наших либералов периода «Вех». Вот что говорит Гершензон в этом сборнике: «Два общих закона могут быть установлены с очевидностью, вопреки учению исторического материализма. Первый—тот, что *характер* деятельности нашего сознания... всецело обусловливается врожденной психо-физической организацией личности; второй—тот, что *направление и емкость* сознания на известном уровне в значительной мере автономны... Эта сравнительная независимость созна-

¹ Ленин, Сочинения, т. XIV, стр. 218.

ния—кардинальный факт нашего духовного бытия». Так, понося марксизм с присущим ему материализмом, наши либералы становились трубадурами субъективного идеализма. Объективизму они противопоставляли субъективизм, без колебания отстаивая за последним научно-познавательное превосходство. Мы находим почти во всех статьях этого сборника многочисленные указания на то, что основной ошибкой интеллигенции является попытка всякое явление в общественной жизни представить как объективный продукт общественных условий вместо того, чтобы в самом индивидууме искать корень этих явлений и средства их исцеления.

И дальше критика ими интеллигенции направляется по линии осуждения атеизма, исповедуемого известной частью русской интеллигенции. В этой нерелигиозности русской интеллигенции усматривается основной корень всех ошибок, злключений, аморализма. Так, Струве сетует на интеллигенцию за то, что—«В ту борьбу с исторической русской государственностью и с «буржуазным» социальным строем, которая после 17 октября была поведена..., интеллигенция не внесла... ни грана религиозной идеи»¹, а Бердяев прямо заявляет, что «атеистичность ее сознания есть вина ее воли... этим она исказила свою душу, умертвила инстинкт истины». Осудив интеллигенцию за ее материалистичность, за приверженство к марксизму, наши веховцы этому мирозерцанию противопоставили мистику, религиозность. Последнюю они превозносят, как источник добра, нравственности, источник истины и правды на земле. Бердяев говорит: «Подлинная... любовь к людям есть любовь не против истины и бога, а в истине и в боге не жалость, отрицающая достоинство человека, а признание родного божьего образа в каждом человеке». И дальше: «Русская мистика по существу своему очень ценная».

Идеологии русской интеллигенции Изгоев противопоставляет крестьянство, которое создало культуру. Эта борьба с материализмом, марксизмом является по существу борьбой с «идейными основами всего мирозерцания русской и международной демократии». Это становится ясным из того, что мирозерцание демократии, главным образом, поносится за «господство утилитарно-морального критерия, столь же исключительное давящее господство народолюбия и пролетаролюбия, поклонения народу, его пользы и интереса».

Но если отношение к материализму характеризуется тем, что последний изгоняется из всех областей тем, что то положительное, что некогда в некоторой мере признавалось ими в марксизме, предается забвению, то в отношении революционно-освободительного движения мы можем отметить полное «обливание помоями освободительного движения недавних лет».

Если в период революционной бури Струве ставил вопрос о необходимости овладения революцией, признавая ее как факт, то в «Вехах»

¹ «Вехи», стр. 6, 10, 72, 167.

он уже представляет эту революцию как «инсценированную провокацию» и основную суть видит *«не в том, как делали революцию, а в том, что ее вообще делали»*. Революционный народ он представляет «как людей, движущихся интересами и инстинктами».

Интересно, как Струве понимает классовую борьбу. Это тем более интересно, если вспомнить, что в «Критических заметках» 1894 г. он не боялся признавать классовую борьбу в качестве фактора исторического развития, а теперь, когда классовая борьба развернулась наиболее остро и широко, Струве обрушивается на эту теорию, заявляя, что «нельзя политику... свести просто к состязанию общественных сил, напр., к борьбе классов, решаемой в конце концов физическим превосходством».

Отношение к освободительному движению лучше всего выявляется в оценке социал-демократии как организации, наиболее последовательно возглавлявшей это движение. Нужно отметить очень характерный факт, заключавшийся в том, что веховцы обрушились на марксистов и на революционных народников за то, что у них было общего—за их демократизм. Вот как Струве характеризует демократическую идеологию, ее значение в революционно-освободительном движении. Он говорит: «Народническая, не говоря уже о марксистской, проповедь в исторической действительности превращалась в разнуздание и деморализацию».

Если в прошлом оппортунистическое крыло социал-демократии вызывало горячее приветствие и одобрение в рядах легальных марксистов, то веховцы выражают уже явное неудовольствие даже поведением оппортунистических элементов в дни революции, пытавшихся замаскировать себя революционной фразеологией. «Социал-демократы «экономисты» пытались доказать, что они вовсе не «экономисты», а также крайние революционеры. Меньшевики доказывали, что они не заражены ни ревизионизмом, ни тред-юнионизмом, а хранят огонь самой пламенной ортодоксальной революционности». Нападки, поругания, обливание помоями освободительного движения сопровождаются в «Вехах» расшаркиванием перед октябристской буржуазией. Манифест 17 октября признается как «поворотный пункт», к которому подошла Россия в 1905 г., как акт, после которого «по существу и формально революция должна была завершиться». Буржуазия получила то, чего она хотела, и пути ее с революцией круто разошлись. Ей стало уже не по пути с революционными массами, продолжавшими потрясать устои старой России. Буржуазные идеологи начали прятаться под сенью штыков самодержавия, спасая свою шкуру от «ярости народной».

В 1877 г. прозвучали знаменитые пророческие слова Петра Алексева о том, что «подымеется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах». Так говорил пламенный революционер на заре пролетарского движения. А наши вновь испеченные октябристы, угоднически прославляя самодержавие, хоронили навсегда свое прошлое и без остатка порывали с демо-

кратией. «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной». Так писал один из авторов в «Вехах»¹, и эти слова ярчайшим образом рисуют характер той эволюции, которую проделали легальные марксисты.

VI. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ И ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ

Мы сделали беглый обзор социальных, экономических, философских и политических воззрений легальных марксистов. Мы видели, как превратно толковался марксизм в устах этих идеологов либеральствующей буржуазией, как выветривался в их устах революционный дух этого учения. Шаг за шагом мы устанавливали буржуазную природу, ярко выраженную буржуазную сущность всех построений легальных марксистов.

Но за всем этим не следует забывать, что в течение нескольких лет эту буржуазную сущность они вынуждены были наряжать в марксистскую оболочку, вынуждены были выступать под внешним прикрытием передового марксистского учения. А уже это, при общей тогдашней отсталости русской общественно-экономической жизни, накладывало немало важный отпечаток на объективную роль, которую сыграли легальные марксисты. В известной мере, и особенно в первое время, они выступили как прогрессивное направление, способствующее подрыву влияния прежде всеильных народнических идей, выступали как прогрессивное направление, широко пропагандирующее марксистские идеи. И, несмотря на буржуазное извращение этих идей, они своим быстрым распространением в известной мере обязаны легальным марксистам. Эта объективно полезная роль станет нам особенно понятной, если мы вспомним общие политические условия того времени, если мы вспомним, что бок-о-бок с ними получили возможность печататься и издаваться революционные марксисты. «В стране самодержавной с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомаleastшие ростки политического недовольства и протеста, внезапно пробивает себе дорогу в подцензурную печать теория революционного марксизма»².

Это сотрудничество идеологов либеральствующей буржуазии в лице легальных марксистов и представителей рабочего класса в лице революционных марксистов значительно предопределило быстрый успех и полное торжество марксистской школы. Марксизм завоевывал одну идеологическую позицию за другой. Но это господство марксизма в России «ознаменовалось соединением заведомо разнородных элементов под общим флагом и для борьбы с общим противником». Наряду с пролетарскими идеологами под одним крылышком боролись такие «буржуазные демократы, для

¹ «Вехи», стр. 89. Автор — Гершензон.

² Ленин, Сочинения, т. V, стр. 125.

которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму»¹. Своеобразное сочетание буржуазного либерализма и революционного социализма в России 90-х годов выдвигает перед нами ряд вопросов, требующих своего разрешения.

Начнем с вопроса о блоке революционного и легального марксизма. Целесообразность союза с легальными марксистами в 90-х годах как будто бы сознавалась всеми ортодоксальными марксистами, и разногласий насчет его необходимости в среде последних как будто бы не было. Правда, позже «экономисты» обвиняли революционных социал-демократов за этот союз, но в ответ на подобные обвинения последовало резкое замечание Ленина, что «союзов даже с самыми шаткими и непоследовательными союзниками боится тот, кто сам в себе не уверен».

Что это был политический союз, этого не скрывал Ленин. В «Что делать?» он говорил: «Соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русских социал-демократов». Еще более важно, что Ленин к этому союзу подошел совершенно сознательно и по-революционному. Он понимал положительное значение его: «Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма». Но он не обольщался иллюзиями насчет этого союза, понимая его временный характер, его условность. Во имя этого союза он не отказывался ни в какой мере от своих принципиальных позиций. Наоборот, с несокрушимой твердостью и последовательностью он отстаивал самостоятельные задачи рабочего класса. Ленин шел на союз лишь при условии сохранения за революционными марксистами свободы критики, разъяснения ошибок и беспощадного разоблачения буржуазной природы своего союзника. Этим самым союз приобретал глубоко принципиальный характер.

«Русские революционные социал-демократы до падения царизма неоднократно пользовались услугами буржуазных либералов, т. е. заключали с ними массу практических компромиссов, а в 1901—1902 гг., еще до возникновения большевизма, старая редакция «Искры» (в эту редакцию входили Плеханов, Аксельрод, Засулич, Мартов, Потресов и я) заключала (правда, не надолго) формальный политический союз со Струве, политическим вождем буржуазного либерализма, умея в то же время вести, не прекращая, самую беспощадную идейную и политическую борьбу против буржуазного либерализма и против малейших проявлений его влияния изнутри рабочего движения»².

Блестящий мастер революционной тактики Ленин умел использовать всякого, хотя бы временного, шаткого, непрочного, условного союзника, чтобы победить могущественного врага. Но одновременно он не

¹ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 57.

² Ленин, Сочинения, т. XXV, стр. 212.

прекращал и не ослаблял идейно-политической борьбы со всякими проводниками буржуазного влияния на пролетариат. И эта ленинская—единственно революционная—тактика в законченной форме, в ее характерных чертах проявилась уже в отношении к легальному марксизму. Уже тогда взгляд Ленина на допустимость союзов с либеральной буржуазией, как и принципиальные условия этих союзов, были им подробно разработаны. В эту историческую эпоху, когда общественно-политическая обстановка выдвигала перед социал-демократией, как практическую задачу, заключение временных компромиссов, с передовыми элементами буржуазии, Ленин, с исчерпывающей полнотой, развил свои тактические взгляды. И уже тогда Ленину приходилось не только защищать необходимость союзов, но, главным образом, отстаивать принципиальные условия союзов от меньшевистских тенденций превратить рабочий класс в прихвостень буржуазии.

Ленин указывал, что «союз заключен был не совсем без всяких «условий». Доказательство: сожженный в 1895 г. цензурой марксистский сборник «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России». Если литературное соглашение с легальными марксистами можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором»¹.

Однако не все социал-демократы того времени разделяли ленинскую точку зрения. В этом отношении ошибочные взгляды Мартынова и Потресова по поводу союза легального и революционного марксизма являются чрезвычайно показательными и требуют хотя бы беглого упоминания. Так в статье Мартынова «Главнейшие моменты в истории русского марксизма», помещенной в меньшевистском пятитомнике, следующим образом характеризуется союз либералов и революционных марксистов: «Будущие буржуазные либералы уже в то время всегда подчеркивали больше неизбежность капиталистического развития России и необходимость ее европеизации, а социал-демократы—необходимость развития классовой борьбы, тем не менее это не вносило дисгармонии в хор, и участники его в течение некоторого времени *не сознавали необходимости размежеваться*». И дальше Мартынов объясняет причину сосуществования либерализма и революционного марксизма под одним флагом тем, что «задачи, как они ставились в то время обеими сторонами, хотя и не вполне сходились, тем не менее, *ни в одном пункте еще сталкивались*». Эти утверждения Мартынова оказываются только цветочками, до ягодок он договаривается, выдвигая следующее положение: «О предстоящем же политическом самоопределении буржуазии—социал-демократы пятидесятники не задумывались. Их политические надежды не шли дальше либеральных»².

Эта мартыновская постановка вопроса грешит полнейшим извращением

¹ Ленин, Сочинения, т. IV, «Что делать?», стр. 374.

² А. Мартынов, «Главнейшие моменты в истории русского марксизма», «Общественное движение в России в начале XX века», т. II, ч. 2-я, стр. 317.

щением действительности. Не верно его представление, будто бы революционные социал-демократы, и в том числе Ленин, стихийно были вовлечены в союз с легальными марксистами, не сознавали необходимости размежевания. Неверно также в корне, что задачи ни в одном пункте еще не сталкивались. И еще чудовищнее звучит утверждение, что политические надежды социал-демократов девяностых годов не шли дальше либеральных. В отношении Ленина это является буквально кощунством, потому что Ленин с первых же шагов сознал буржуазную сущность легальных марксистов и подверг жестокой критике первую же работу Струве 1894 г. именно за то, что в ней сказались буржуазные черты. «В 1895 г. его (Струве) предостерегали и от него ютмежевывались, как от союзника»¹. Наконец, Ленин правильно поставил вопрос о полном разрыве, когда необходимость и условия союза исчезли. Все это заставляет нас думать, что у Мартынова по отношению к Ленину не было и не могло быть никаких оснований заявлять о том, что он не задумывался о предстоящем политическом самоопределении буржуазии, что его надежды не шли дальше либеральных, что он не сознавал необходимости размежеваться. Напротив, при беспристрастном и объективном историческом подходе мы должны установить огромную заслугу Ленина, заключающуюся в разоблачении буржуазно-либеральной природы легальных марксистов. Прежде всего и особо нужно отметить, что от Ленина не ускользнула та непоследовательность и односторонность, которую допускали легальные марксисты в критике народничества. В этой совместной борьбе против народничества от взоров Ленина не укрылся, не остался незамеченным буржуазный либерализм, буржуазная природа его союзников по борьбе. Ленин первый, и, пожалуй, единственный, из социал-демократов того периода, со всей решительностью подчеркнул ошибочность взглядов Струве, Тугана и др. легальных марксистов, огульно и целиком отрицавших все народничество, огульно и целиком считавших его реакционным. Нам уже приходилось говорить, что в оценке струвистских «Критических заметок» Ленин отмечал, что «отвергать всю народническую программу целиком, без разбора, было бы абсолютно неправильно. В ней надо строго отличать ее реакционную и прогрессивную стороны... Марксисты не только не «обрывают демократической нити» или течения... они хотят развития и усиления этого течения»².

В игнорировании демократической тенденции в народничестве, которое допускали легальные марксисты (да, пожалуй, и не только легальные марксисты, но в известной мере и все будущие меньшевики, в том числе и Плеханов), Ленин уже и тогда усматривал буржуазные тенденции своих временных попутчиков. И первый звонкий голос буржуазного либерализма в марксистской маскировке, прозвучавший в «Критических заметках» Струве, был оборван Лениным. Был оборван настолько

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 176.

² Ленин, Сочинения, т. I, стр. 359—360.

резко, что Струве вынужден был даже несколько ретироваться и изменить свой тон. Говоря это, мы имеем в виду выступление Ленина в 1894 г. на квартире Потресова с резкой критикой, направленной против Струве, и те смягчения насчет капитализма, которые вынужден был произвести Струве в связи и под давлением этой критики. Статья Струве в 1898 г. («Ответ критикам») также носила некоторые следы ленинской критики.

Но классово выдержанная позиция Ленина не разделялась всеми социал-демократами. Потресов, Мартов, Аксельрод, Мартынов и Плеханов иначе оценивали и иначе относились к легальному марксизму. Плеханов в статьях против Струве откровенно признается в своих иллюзиях и первоначальной переоценке им этого либерала. Он пишет: «Не менее ортодоксальные марксисты» (к которым он причислял и себя), «надеялись... на то, что брентанизм г. П. Струве скоро будет побежден его марксизмом... на то, что автор «Критических заметок» способен правильно понимать автора «Капитала». Теперь оказывается, что мы ошиблись в обоих случаях... нам остается лишь открыто признаться в своей ошибке... Пишущий эти строки принадлежал к числу ожидавших»¹.

От этих иллюзий не был свободен и Мартов. Он считал струвистскую критику народничества беспощадной с точки зрения революционного марксизма и поэтому прощал ему все ереси. А заключительный аккорд «Критических заметок»—лозунг «На выучку к капитализму»—Мартов понял совсем своеобразно. По этому вопросу в «Записках социал-демократа» он говорит: «Призыв «На выучку к капитализму» меня лично несколько не коробил, я его понимал в чисто-социологическом смысле, отнюдь не приписывая автору мысли о политической гегемонии капитала в деле освобождения России». Кстати сказать, Плеханов также не понял этого призыва «На выучку к капитализму». Он объяснял этот лозунг «благородным увлечением западника». Больше того, он обрушился на Михайловского, поднявшего шум по поводу этой фразы, заявляя, что «шуметь по ее поводу позволительно только тем, кому нечего возражать»².

Ленин же «еще во время целостности союза» (его собственное выражение) усматривал буржуазный либерализм во взглядах умеренных марксистов. В предисловии к сборнику «За 12 лет» Ленин писал, что—«В 1895 г., за несколько лет до «бернштейниады» на Западе и до полного разрыва с марксизмом целого ряда «передовых» литераторов в России,—я указывал на то, что г. Струве—марксист ненадежный, от которого социал-демократы должны отгородиться»³.

Ленин не питал мартовских и плехановских иллюзий. Уже в 1901 г. «за несколько лет до выступления партии конституционалистов-демократов в русской революции и до политического фиаско этой партии в I и во II Думах» он указывал именно все черты буржуазного либерализма в Рос-

¹ Плеханов, Сочинения, т. XI, стр. 154.

² Плеханов, «К вопросу о монистическом взгляде на развитие истории», Сочинения, т. VII, стр. 248.

³ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 60.

сии, которые проявились в 1905—1907 гг. в массовых политических действиях и выступлениях ¹. В том же 1901 г. в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» Ленин объявляет форменную войну Струве, «как либералу, неспособному отстаивать сколько-нибудь последовательно даже чисто-демократические требования».

Ленин порвал отношения со своими «союзниками» вовсе не так, как представлялось это дело Мартынову. Последнему казалось, что социал-демократы не видели с самого начала буржуазной сущности легальных марксистов, а когда усмотрели ее, спохватились и неожиданно разорвали союз. Ленин сознательно вступал в соглашения, сознательно их прекращал. И одним из моментов, предопределяющих разрыв, была эволюция легальных марксистов вправо, в сторону бернштейнианства, их проповедь теории притупления социальных противоречий, их выявленная классовая ненависть к идее социальной революции и диктатуре пролетариата—все, что развращало социалистическое сознание масс, опошляло марксизм, пыталось превратить рабочее движение в придаток либеральной буржуазии.

Но не только социальные взгляды и политические шатания русских легальных марксистов вызывали жесточайшую критику Ленина. Когда к концу 90-х годов появились их философские работы и когда Ленину представилась возможность с ними ознакомиться, он принялся за разоблачение неокантианства Струве, Булгакова и других. Из письма к Потресову от 2 сентября 1898 г. мы узнаем, как Ленин расценивал философские изыскания струвистов. «Меня крайне удивляет, почему это автор» (речь идет о Плеханове) «не высказывался в русской литературе и не высказывается решительно против неокантианства, предоставляя Струве и Булгакову полемизировать о частных вопросах этой философии, как будто бы она уже вошла в состав воззрений русских учеников» ². И дальше в письме от 27 апреля 1899 г. Ленин писал: «Вообще вся эта «новая критическая струя» в марксизме, которой увлекаются Струве и Булгаков..., мне кажется крайне подозрительной: громкие фразы о «критике» против «догмы» и пр.—и ровно никаких положительных результатов критики» ³. Ленин в этом неокантианстве легальных марксистов уже тогда учуял чрезвычайно вредные, особенно своим эклектизмом, философские построения. Прочитав философские работы Струве и Булгакова, он пришел к выводу о том, что с неокантианством необходимо посчитаться серьезно.

Так по всей линии мы могли проследить настроенное отношение Ленина к легальным марксистам. Мы могли видеть, что ни одна их попытка извратить Маркса или неправильно его истолковать, либо соединить его с идеалистической школой не оставалась незамеченной, а, напротив, подвергалась самой беспощадной критике со стороны Ленина, который ясно представлял себе, откуда и куда растет легальный марксизм.

¹ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 60.

² «Ленинский сборник» IV, стр. 8—9.

³ Там же, стр. 22.

Правильность этой оценки роли Ленина подтверждается даже такими свидетелями, которых никак нельзя заподозрить в положительном пристрастии к Ленину. Мы имеем в виду следующие слова Мартова из «Записок социал-демократа»: ««Старики», с юристом Ульяновым во главе, проявили изрядную подозрительность к тенденциям Струве и, соглашаясь на совместное выступление, как будто боялись быть обманутыми. В конце концов Ульянов получил возможность подробной критикой книги Струве подчеркнуть, поскольку это мыслимо было в легальной книге, действительно-революционный характер марксистской идеологии. Струве воспользовался представившимся случаем, чтобы в ответе своим народническим критикам... взять более боевую по отношению к капитализму ноту и сгладить впечатление, оставшееся у читателей от некоторых страниц его книги»¹.

Следовательно, Ленин не только теоретически правильно подошел к сущности струвизма, но и тактически и практически дал образец правильного отношения революционных марксистов к струвизму и струвистам, за которыми скрывалась либеральная буржуазия.

Чем же объяснить выдержанное и настроенное отношение Ленина к легальным марксистам и отсутствие необходимой политической бдительности у других тогдашних вождей социал-демократии, и в том числе у Плеханова? Попытка Плеханова объяснить свое отношение к либералам и Струве приказом редакции «Искры» не обостряя с ними отношений на самом деле является сознательным извращением фактов и ничего не способна объяснить.

Нам думается, что те разногласия внутри социал-демократии, которые обнаружились уже в 90-х годах по вопросу об отношении к легальным марксистам, не являлись случайными. Уже тогда в зародышевой форме выявились две тенденции в рядах русской социал-демократии, уже эти разногласия были первоначальной сигнализацией будущей размежки двух тактик по одному из кардинальных вопросов русской революции. Одна из них — оппортунистическая, сводившаяся к тому, чтобы не испугать либералов, и вторая — большевистская, ленинская, во главу угла ставящая проблему гегемонии пролетариата.

Плеханов сам признавался, что есть два подхода к либералам: «бельтовский и тулинский»². И особенно яркое выражение эти два подхода нашли себе место в приложении к переписке Аксельрода с Плехановым, где Аксельрод передает свои и Плеханова впечатления от статей Ленина против Струве. В этом документе мы находим такую образную формулировку Плеханова, направленную по адресу Ленина: «Вы поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом». В том же духе показателен резкий отзыв Плеханова о статье Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма». Все эти разногласия, сводящиеся к различной оценке роли русского либе-

¹ Мартов, «Записки социал-демократа», стр. 260.

² Бельтов — Тулин — псевдонимы. Первый принадлежал Плеханову, второй — Ленину.

рализма, бесспорно предвосхищали будущие жесточайшие и непримириемые споры между большевиками и меньшевиками.

Мы поэтому не можем не согласиться с мнением о том, что «в борьбе за идейную и политическую гегемонию марксизма в России» мы имеем в зародыше две тактики, два типа, два подхода социал-демократов, которые расходились в крупнейших вопросах отношения к крупной и мелкой буржуазии, давшие впоследствии большевизм и меньшевизм»¹. Меньшевистская концепция мешала всем будущим новоискровцам, особенно Мартынову и Потресову, понять специфическую особенность ленинского отношения к легальному марксизму. Они не только не замечали этих особенностей ленинского толкования буржуазного либерализма 1890—1900 гг., но они даже не выделяли из среды марксистов-девяностыхников революционных марксистов, приписывая и либеральному и социалистическому течению в марксизме одни и те же грехи и ошибки. Больше того, они попадали прямо в смешное положение, в положение апологетов легального марксизма, когда в некоторых вопросах марксистское первородство и предпочтение отдавали Струве, а не Ленину.

Остановимся на Мартынове. В своей статье «Главнейшие моменты в истории русского марксизма» он писал: «Молодые марксисты 90-х годов—Ильин, Булгаков, Туган, Струве, продолжая нить рассуждений Плеханова..., упростили вопрос и, решая его прямолинейно, доказывали больше, чем требовалось доказать»². И дальше, он принимается разоблачать ошибки, присущие, по его мнению, Ленину и общие всем марксистам и девяностыхникам, в том числе и легальным марксистам. Мартынов считает, что Ленин, как Туган и Булгаков, допускали огромную ошибку в вопросе о реализации, о рынках и кризисах, видя причину кризисов только в противоречии между общественным характером производства и частным характером присвоения, отбрасывая, по его мнению, основную причину—противоречие между производством и потреблением. Мартынов считает, что в этом сказалось полное непонимание революционно-диалектического метода Маркса; что в этом вопросе они становились на точку зрения Бернштейна. Дальше Мартынов обвиняет Ленина в непонимании последним аграрного вопроса и утверждает, что Струве значительно лучше понимал особенности социально-экономического развития России, чем Ленин. То обстоятельство, что Струве подчеркивал техническую нерациональность крестьянского хозяйства, отсталость экономических отношений, доказывал исторический *prius* капитализма, сбило с толку Мартынова, и он склонен был усматривать более правильную точку зрения Струве, чем у Ленина, который-де выдвигал противоречие между капиталом и трудом, как доминирующий факт общественно-экономической жизни России.

«В 90-х гг. эти взгляды» (Маслова по крестьянскому вопросу) «были чужды почти всем нашим молодым марксистам (за исключением Стру-

¹ «История ВКП», т. I, под ред. Ем. Ярославского.

² Мартынов, «Главнейшие моменты в истории русского марксизма», т. II, ч. 2, стр. 307.

ве)... Ильин, как и большинство девяностников, плохо понимал основное экономическое противоречие современной России. Отсюда должно было вытекать непонимание специфического характера крестьянского движения... Они недооценивали значения аграрного вопроса в России, и с этим логически связана была недооценка размаха и общенационального характера грядущей революции». Это у Ленина, по сравнению со Струве, непонимание характера крестьянского движения и аграрного вопроса?! Большого курьеза и не придумать.

И, наконец, остановимся на вопросе о социалистической миссии рабочего класса, на вопросе о классовой борьбе пролетариата, ленинскую трактовку которого Мартынов именует, как теорию изолирования борьбы пролетариата. Мартынов и Потресов готовы признать превосходство и более четкую постановку вопроса в этой области за Струве, а не за Лениным. Струве у них не только не выглядит либералом в рабочем вопросе, но даже в оценке роли буржуазии Струве, по их мнению, опередил Ленина.

Основной же мотив во всех обвинениях, направленных против Ленина, формулируется ими, как недооценка Лениным общенационального характера революционного движения и игнорирование вследствие этого Лениным буржуазии, как революционного фактора. В этом главное, основное для Мартынова и Потресова, что заставило их «негодовать». На этих откровенных излияниях мы полагаем покончить с вопросом о том разном, который существовал внутри ортодоксальных марксистов. Мы видели, что в их среде складывались различные оценки и различные подходы к легальным марксистам.

Не трудно было убедиться и в том, что эти расхождения имели глубокую почву, предвосхищали и выражали более серьезные разногласия по вопросу об отношении рабочего класса как к либеральствующей буржуазии, так и к крестьянству. Мы видели, наконец, что только Лениным отстаивались во всей чистоте основные положения революционного марксизма, что только Лениным правильно решались тактические задачи, выдвинутые той эпохой. Те из социал-демократов, которые мирволили к легальному марксизму, на деле в дальнейшем стали продолжать его оппортунистические тенденции, в другой форме и в иных условиях.

В заключение, необходимо остановиться на месте легального марксизма в истории нашей партии. Ленин неоднократно подчеркивал связь и преемственность оппортунизма в среде русской социал-демократии с легальным марксизмом. В предисловии к сборнику «За 12 лет» он писал: «Бросая общий взгляд на борьбу двух течений в русском марксизме и в русской социал-демократии за 12 лет (1895—1907), нельзя не прийти к выводу, что «легальный марксизм», «экономизм» и «меньшевизм» представляют из себя различные формы проявления одной и той же исторической тенденции. «Легальный марксизм» г. Струве (1894 г.) и ему подобных был отражением марксизма в буржуазной литературе. «Экономизм», как особое направление социал-демократической работы в 1897 и следующих

годах, фактически осуществил программу *буржуазно-либерального «Кредо»*: рабочим экономическая, либералам политическая борьба.

«Меньшевизм»—не только литературное течение, не только направление социал-демократической работы, а сплоченная фракция, которая провела в течение первого периода русской революции (1905—1907 годы) особую политику, *на деле подчинявшую пролетариат буржуазному либерализму*¹.

«Легальный марксизм»—«экономизм»—«меньшевизм» связаны не только идейно, но они связаны также прямой исторической преемственностью.

Еще более ярко изображена эта историческая тенденция в предисловии Ленина к брошюре Каменева «Две партии»:

«Экономисты» и «Кредо»—г. Струве и К⁰—гг. ликвидаторы, это все ступеньки одной лестницы, этапы одной эволюции, проявления одинаковой тенденции»².

Легальный марксизм и экономизм возникают почти одновременно, первый, как теория и программа либерализма, второй, как проведение принципов этого либерализма в рабочей среде и в области рабочей политики. Об этой связи, идейной и отчасти организационной, свидетельствует знаменитое «Кредо», в котором откровенно поставлены вопросы рабочей политики в духе либерализма, в духе тех взглядов, которые неоднократно высказывались легальными марксистами.

Зарождавшаяся русская социал-демократия в конце XVIII века сразу же была поставлена перед необходимостью решения целого ряда сложных задач, вытекавших из особых условий русского общественного развития. Перенесение марксизма на русскую почву должно было сопровождаться учетом своеобразия русской обстановки, тщательным изучением ее социально-экономического уклада и конкретным, применительным к русским условиям, разрешением основных проблем нарастающей революции. С другой стороны, нужно было борьбу за оформление классовой самостоятельности пролетариата сочетать с правильным решением ряда тактических задач, с установлением своего отношения к другим классам, не исчерпавшим на данном историческом отрезке своей прогрессивной революционной роли. При этом необходимо было всячески ограждать рабочий класс от буржуазного влияния и попыток русского либерализма повести на своем политическом буксире все общественно-прогрессивные элементы страны, в том числе и рабочий класс.

Борьба с легальным марксизмом в таких условиях стала пробным камнем, на котором проверялась идейная твердость, классовая сознательность и политическая прозорливость социалистического авангарда российского пролетариата. В борьбе с легальным марксизмом русская социал-демократия оттачивала свое идейное оружие. Разоблачая непоследовательность и фальсификацию марксизма, разоблачая буржуазную сущ-

¹ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 69.

² Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 204.

ность взглядов легальных марксистов, революционная социал-демократия преодолевала влияние буржуазии на рабочий класс, преодолевала у самых его истоков.

Уроки, вынесенные передовыми отрядами рабочего класса из борьбы с легальным марксизмом, не пропали даром, когда оппортунистические воззрения были подхвачены внутри социал-демократии. Преодоление легального марксизма послужило в известной мере противоядием, «прививкой» против оппортунизма для революционных элементов социал-демократии.

Как бы это парадоксально ни звучало, но все же, в известном смысле, легальному марксизму мы обязаны сравнительно (если взять сравнение с другими странами) быстрым, относительно легким и безболезненным преодолением оппортунистических шатаний внутри рабочего класса, характерных для последующей эпохи развития революционной борьбы. Тот факт, что оппортунизм в России был побежден легче, чем в других европейских странах, находит свое объяснение не только в отличном от Западной Европы положении рабочего класса, но и, в частности, в той идейной страховке, которую с самого начала получил российский пролетариат в борьбе против легальных марксистов, этих открытых проводников буржуазной политики. Надо сказать, что легальный марксизм с первых же шагов получил такой отпор его буржуазным тенденциям со стороны Ленина, какого не получило в должной мере бернштейнианство на Западе от Каутского и других.

Отбивая попытки легальных марксистов приспособить марксизм к интересам буржуазного развития, революционная социал-демократия должна была не только отстаивать ортодоксальность основных теоретических воззрений научного социализма, но должна была бороться за правильное применение марковского метода при разрешении вопросов буржуазно-демократической революции в России и прежде всего вопроса о роли в ней рабочего класса.

В этом отношении российская социал-демократия не могла идти по проторенным дорожкам, не могла целиком перенимать и шаблонизировать политические программы и тактические установки западно-европейской социал-демократии. В этих условиях преодоление ревизионистских извращений марксизма, шедших из лагеря буржуазных апологетов, было особенно трудной задачей. Характерно, что один из корифеев научного социализма Г. Плеханов, умевший с присущей ему силой обрушиваться против ревизионизма в общих вопросах марксизма, давал осечку, когда оппортунизм проявлялся уже не столько в общих, сколько в конкретных вопросах тактики пролетариата в условиях буржуазно-демократической революции. Вместе с тем мы не можем не подчеркнуть особой заслуги революционного крыла социал-демократии и в первую очередь Ленина, своевременно раскрывавшего оппортунистическое существо во всяких отклонениях как при решении общих, так и конкретных вопросов революционной борьбы в России.

Борьба с легальным марксизмом не только обогащала идейный арсенал партии, не только облегчала преодоление позже появившегося ревизионизма всех мастей и оттенков, но она способствовала более четкому и ясному решению главнейших проблем русской революции. Исключительное значение борьбы с легальным марксизмом будет понятно, если не упускать из вида, что эта борьба происходила в 90-е годы, которые в истории нашей партии были в основном годами выработки идеологии рабочего класса.

П. Прагер

БАКИНСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ¹

(1918—1920 гг.)

«Мы знаем, что Советскую власть удавалось побеждать только тогда, когда люди, кричавшие так много о защите отечества и о своем патриотизме, показывали свою капиталистическую натуру и стали заключать сделки — сегодня с немецкими штыками..., завтра с турецкими штыками..., послезавтра с чехословацкими... чтобы свергнуть Советскую власть... Только иноземная помощь, только помощь иностранных штыков, только продажа России... только она давала до сих пор хоть тень успеха соглашателям капитализма и помещикам».

Ленин, Сочинения, т. XXIII, стр. 83.

Баку—основной пролетарский центр Закавказья. Неудивительно, что в годы гражданской войны он оказался также центром наиболее ожесточенной классовой борьбы, тем городом, в боях за который решались судьбы Советов всего Закавказья. Вся история бакинского пролетариата, вся история большевистской организации в Азербайджане с неопровержимой ясностью показала творческие силы бакинского рабочего класса, сумевшего в конечном счете преодолеть колебания в собственной среде и, под руководством партии, стать в ряды передовых пролетариев—борцов за Советы.

Значение и характер борьбы бакинских рабочих в период господства Мусавата могут быть поняты только при учете той чрезвычайно сложной обстановки, которая существовала в Азербайджане со времени падения Бакинской коммуны. Исторически сложившаяся экономическая и национальная разобщенность различных слоев бакинского пролетариата, под влиянием национальной борьбы, открыто разгоревшейся в 1917 г. между буржуазно-национальными партиями Закавказья (мусаватисты, дашнаки, грузинские меньшевики), способствовала тому, что неслыханное обострение национальной вражды и шовинизма захватило в значительной мере и рабочий класс.

Героическая борьба Бакинской коммуны (18 марта—31 июля 1918 г.), показавшей редчайшие образцы боеспособности и выдержанности авангарда бакинских рабочих, вместе с тем показала величайшие трудности,

¹ Статья является частью подготовляемой к печати работы «Бакинский пролетариат в годы революции», издаваемой Институтом имени Ст. Шаумяна (Баку).

стоявшие на пути к победе диктатуры пролетариата в Закавказье. Трагедия Бакинской коммуны заключалась в разрыве между объективно правильной линией руководителей коммуны на социалистические преобразования неготовностью к борьбе значительных групп бакинских рабочих.

«Бакинская коммуна,—говорят тезисы Института им. Шаумяна,—имея за своей спиной колебания в среде бакинского пролетариата, разъедаемого националистической пропагандой буржуазных и мелкобуржуазных партий, принуждена была укреплять Советскую власть в Баку и его гегемонию в Закавказье, лавируя между различными национальными тенденциями. Соглашательские партии: эсеры, меньшевики и дашнаки в союзе с силами английского империализма предали Советскую власть в Баку. Бакинский пролетариат, пошедший ненадолго за соглашателями, совершил по отношению к своему авангарду акт предательства. Коммуна пала, вследствие отсутствия интернационального единства среди бакинского пролетариата, вследствие отсутствия смычки и связи с крестьянством Азербайджана¹.

Сравнительно тонкая цепочка передовых рабочих, на которых до конца и во всем могла опираться Бакинская коммуна, естественно была не в силах преодолеть ни национальных тяготений и враждебности тюркской и армянской части пролетариата, ни групповых, индивидуалистических настроений, множившихся у русских рабочих. Влияние голода, разлагающая работа меньшевиков, эсеров и дашнаков, использовавших наличие в Персии английских войск для предательской агитации за их приглашение, увеличивали колебания среди рабочих, вызывая к жизни иллюзии об улучшении своего положения с помощью иностранного (английского) империализма. Силы бакинской организации большевиков, изолированной от Советской России, оказались недостаточными, чтобы преодолеть все эти противоречия, чтобы победить контрреволюцию Закавказья, выступившую против Советской власти в Баку, совместно с силами международного империализма².

¹ Тезисы Института им. Шаумяна «К десятилетию первого съезда АКП».

² Широкие митинги рабочих, созванные между 25 и 27 июля бакинской коммунистической организацией, дали подавляющее большинство резолюциям эсеров и меньшевиков, приглашавшим для организации отпора турецким войскам, прорывавшим фронт обороны Баку, английские войска из Персии.

Провокационная политика дашнацкого национального совета, отозвавшего с фронта армянские части; предательская работа эсеров и меньшевиков, игравших на национальных чувствах рабочих и агитировавших за приглашение англичан, привели к созданию такой обстановки, что руководители Бакинской коммуны сочли единственным выходом отказ от власти. Таким образом 31 июля 1918 г. было последним днем Бакинской коммуны.

Английские наемники — бакинские эсеры, использовав наличие в Каспийском военном флоте значительных пополнений, состоявших по преимуществу из мелкобуржуазных, люмпен-пролетарских и отчасти крестьянских элементов, провозгласили власть «диктатуры» Центрокаспия. Немедленно прибывший небольшой английский отряд в 600—800 штыков, во главе с ген. Денстервилем, явился решающей властью в осажденном городе. 15 сентября г. Баку был занят турецкими войсками, вытеснившими этот небольшой английский оккупационный отряд и жалкое подобие войск диктатуры Центрокаспия.

Описываемый ниже период борьбы бакинского пролетариата с помещичье-буржуазным правительством Мусавата есть период воссоздания большевистской партийной организации в Азербайджане, период нового революционного подъема рабочего движения, крепнущего в боях за Советскую власть, за соединение с Советской Россией. Сложный процесс нарастания политической активности рабочего класса и его подготовки к свержению контрреволюционного правительства, не мог быть ни чем иным, как процессом организации бакинского пролетариата вокруг лозунгов нашей партии. И именно в этой борьбе за большевизацию бакинского пролетариата партийными организациями Азербайджана была разрешена задача установления диктатуры пролетариата.

I. ОТ УХОДА ТУРОК ДО МАЙСКОЙ СТАЧКИ

17 ноября 1918 г., на смену уходящим турецким войскам, вступил английский оккупационный отряд во главе с ген. Томсоном. На смену турецким опекунам азербайджанской «независимости» явились ее английские покровители.

Турки пробыли в Баку ровно два месяца. Под защитой турецких войск мусаватское правительство начало развивать свою деятельность по насаждению новой государственности и по водворению своего правопорядка. Начала, положенные в основу управления, давали довольно точную копию тех порядков, которые существовали в России до революции. Мусаватское правительство восстановило городскую думу в составе: членов-мусульман по выборам 1914 г., некоторого числа кооптированных лиц из членов думы по выборам 1917 г., представителей Центродома (кадеты), русского национального совета (черносотенцы) и т. п... Далее мусаватисты восстановили все правительственные учреждения старого режима, и, как информирует по начальству в правление фирмы «Нобель» управляющий бакинским отделом, эти учреждения «стали действовать по российским законам и уставам». Что же касается положения рабочих, то «с момента взятия Баку турками,—докладывает он,—и вплоть до их ухода отсюда рабочий вопрос в той постановке, какую он получил с начала русской революции, можно сказать, не существовал. Все руководящие рабочие организации выехали из Баку, оставшиеся же на месте промыш-

На смену удравшим с англичанами в Энзели меньшевикам и эсерам турецкими штыками было установлено помещичье-буржуазное правительство «независимого» Азербайджана. Резня, виселица и расстрелы, разгон всех рабочих организаций привели к полному уничтожению рабочей общественности. За два месяца пребывания турецких войск в г. Баку не сохранилось никаких данных о положении рабочего класса. Средневековые порядки, введенные на промыслах и на заводах, предопределили ужасающую эксплуатацию рабочего класса. Никакие протесты не были возможны, никакие газеты, кроме официоза «Азербайджан», не выходили. Единственная задача, которая стояла перед активом рабочего класса на протяжении этих двух месяцев, это сохранить свое физическое существование.

17 ноября, на основе заключенного 30 октября 1918 г. перемирия союзников с Турцией, в Баку вступили английские оккупационные войска под командованием ген. Томсона.

слово-заводские комитеты... уничтожили свое делопроизводство, а члены комитетов в большинстве случаев озабочены были только тем, чтобы скрыть свою принадлежность к комитетам...».

По вступлении в Баку, вслед за турецкими войсками мусаватского правительства, коллективный договор был объявлен упрядненным, и 24 сентября промышленность была денационализирована, промышленники же восстановлены во всех правах неограниченного владения и распоряжения своими предприятиями. «Экономически рабочая масса оказалась в состоянии полного упадка, а морально была совершенно раздавлена, переживши длительный период голодовки и мобилизации, лишившись всякого руководства... при желании перейти на путь разных крутых мер, промышленники имели к этому полную возможность... однако... было решено по отношению к рабочим... отнюдь не стремиться к ликвидации во что бы то ни стало всех достижений рабочего класса за период революции...»¹. Так писал нобелевский управляющий, которого заподозрить в сочувствии рабочему классу довольно трудно.

Голод, бесправие, физическое и моральное, истощение рабочего класса подготовили почву для нового подъема рабочего движения. Только месяц прошел после ухода турецких войск, как важнейшая организация бакинского пролетариата—Рабочая конференция—снова заняла руководящее место в борьбе. 15 декабря 1918 г., состоялось первое заседание Рабочей конференции, на которой вновь был заострен вопрос о коллективном договоре. «...Азербайджанская власть,—говорит постановление Конференции,—вкуче с господами нефтепромышленниками и вместе с общественными организациями, как городская дума и кооперация, нарушили и уничтожили... коллективные договора, добытые бакинским пролетариатом долгой и упорной борьбой»².

15 декабря, впервые после сравнительно долгого периода распада, от имени организованного рабочего класса были предъявлены требования. Рабочая конференция требовала немедленного учреждения согласительной комиссии для пересмотра ставок и немедленного восстановления коллективного договора. Далее Рабочая конференция заявляла, «что бакинский пролетариат будет бороться против своих классовых врагов, нарушивших и... уничтоживших коллективные договора, всеми средствами борьбы, имеющимися в его распоряжении».

Таким образом бакинский рабочий класс снова вступил в бой. Ответом британскому командованию, попытавшемуся действовать методами арестов и высылки, явилась всеобщая стачка³.

¹ Архив Азнефти, Фонды Нобеля, д. № 165, стр. 211—212 (подчеркнуто нами. А. Д.).

² Архивы АСПС, л. №№ 30—56, Протоколы президиума Рабочей конференции.

³ В связи с арестами тогдашних руководителей профессиональных организаций, произведенных азербайджанскими властями по указанию англичан, чрезвычайным заседанием Конференции промыслово-заводских комитетов от 23 декабря 1918 г. объявлено началом всеобщей политической забастовки 24 декабря. Лозунгами забастовки были: а) освобождение арестованных, б) свобода собраний, стачек, организаций, печати и в) неприкосновенность личности и жилища. Дружная и сплоченная стачка к 28 декабря заставила англичан пойти на уступки. Характерно, что арестованных уже пришлось возвращать из Персии.

Декабрьская стачка 1918 г. явилась первым крупным проявлением организованной силы рабочего движения после долгих месяцев распада и застоя. Возникшая формально из-за ареста англичанами руководителей профсоюзов (меньшевики и эсеры), декабрьская стачка объективно отразила устремления бакинского пролетариата к экономической борьбе и— что особенно важно—она не могла не поставить в центр внимания рабочего класса вопрос о политических задачах борьбы. Декабрьская стачка как в зеркале отразила противоречивость революционного движения в Баку, которое при меньшевистском руководстве объективно приняло большевистский характер.

Однако опрометчивым было бы заключение, что рабочие массы уже в декабре были большевистски настроены. Правда, громадный сдвиг в отношении роста большевистских настроений, по сравнению с периодом диктатуры Центрокаспия, произошел, но было бы все же рано говорить о полном отходе рабочих масс от своих меньшевистских руководителей. Предстояла еще борьба за влияние, борьба за овладение руководством рабочим движением. В данный же момент окончание декабрьской стачки совпало с апогеем популярности вернувшихся из-под ареста меньшевиков и эсеров. Неправ поэтому т. Саркис, полагающий, «что уже теперь своеобразные политические ножницы этого периода показывали огромное несоответствие между настроением бакинского пролетариата и политикой его организационных центров: большевистски настроенными рабочими руководили заклятые враги большевизма»¹. Заклятые враги большевизма еще довели над рабочим движением, они все еще находили достаточно широкую опору в пережитках экономической разграниченности бакинского пролетариата и в его национальной разобщенности, в особенности. Предстояла еще длительная борьба за подлинное овладение руководством в рабочем движении.

Что же касается «ножниц», то они были, но своеобразие их заключалось в декабре не в простом разрыве между руководством и субъективными настроениями бакинских рабочих, а в меньшевистском руководстве и объективно-большевистском характере и лозунгах борьбы. Эти «ножницы» проявлялись не только в разрыве между массами и руководством, но и в недостаточной готовности к борьбе за власть бакинских рабочих, при объективной неизбежности этой борьбы. Именно эта недостаточная готовность к политической борьбе при объективной неизбежности ее продолжала еще в декабре давать сравнительно крепкую базу соглашательским партиям. Неудивительно поэтому, что характерной чертой выступлений меньшевистско-эсеровских руководителей в период декабрьской стачки являлось подчеркивание своей былой борьбы с большевиками, от которых они старательно отмежевывались.

Особого внимания, в связи с декабрьской забастовкой, заслуживает вопрос о сравнительно дружном участии в ней тюркской части рабочих,

¹ Саркис, Борьба за власть, стр. 23.

тем более что говорить о полном преодолении у них как мусаватских настроений, так и аполитичности еще нельзя было.

Обстановка декабрьской забастовки показывает, что две причины в основном обусловили участие в стачке подавляющего большинства тюркских рабочих. Первой причиной являлся массовый характер недовольства всего бакинского пролетариата без различия национальностей, в связи с полосой политических репрессий, направленных на урезывание прав рабочего класса. Вторая же причина связана с недостаточно активным противодействием забастовке со стороны партии «Мусават». Весь ход стачки показал, что азербайджанское правительство не без успеха пыталось использовать ее в своих интересах. Откладываемое англичанами на неопределенный срок признание азербайджанского правительства было форсировано в связи с выступлением бакинских рабочих.

Но забастовка оказала влияние на скорейшее признание мусаватского правительства не автоматически. Правительство почти сознательно не препятствовало ей. Так, напр., в официозе почти целиком помещаются описания хода стачки, заимствованные без изменений и поправок из «Известий стачечного комитета». Также не случайно в передовой «Азербайджана» подчеркивается, что аресты производятся по инициативе английского командования, и что мусаватскому правительству неизвестны «основные причины этих арестов, и мы полагаем, что и рабочая масса также не в курсе истинных политических событий»¹. Конечно, предполагать о каком-либо сочувствии со стороны мусаватистов происходящей стачке не верно. Но попытка использовать забастовку в своих интересах сказалась в непринятии азербайджанскими властями решительных мер по оказанию помощи англичанам в деле разгрома бастующих. Только сведения из Бинагадов и из Сураханов говорят о некоторой активности мусаватистов².

Переоценивать эту «либеральность» помещичье-буржуазной власти не приходится. Характер передовой и заметок, посвященных стачке в газете «Азербайджан» свидетельствовал, что мусаватское правительство, хотя и пыталось использовать забастовку в своих целях, но неизменной и важнейшей частью своей политики оно, как и всегда, считало натравливание и противопоставление тюркских рабочих всем другим национальностям (примером этому служит провокационное воззвание мусаватистов к рабочим, которое не было напечатано лишь в виду участия наборщиков в типографии в забастовке).

Громадное политическое значение забастовки, окончившейся победой рабочих, было смазано предательским поведением ее руководителей, откровенно лакействовавших перед Томсоном. Характерным выражением продажной сущности всех этих Велунцев, Штериных, Рохлиных и Осин-

¹ «Азербайджан» № 68.

² В официозе «Азербайджан» № 68 была помещена резолюция якобы-тюркских рабочих Бинагадинского района, расценивавших забастовку, как направленную против независимости Азербайджана.

цевых служат заключительные слова речи последнего, обращенной к ген. Томсону. «Мы уверены,—говорит он,—что с сегодняшнего дня бакинские рабочие найдут в союзниках и ген. Томсоне представителей свободной Англии, не врагов, а друзей»¹.

Неудивительно в связи с этим, что блестящая победа бакинских рабочих была сведена «представителями» рабочих к результатам, подытоженным следующим соглашением: 1) Арестованные Аракелян, Сако-Саакян, Велунц, Штерин и Анашкин освобождаются. 2) Газеты не могут подвергаться никаким административным карам—штрафам и арестам. 3) Приостанавливать газеты может только ген. Томсон. 4) Профессиональные и политические организации рабочих пользуются полной свободой. 5) Так как Баку на военном положении, то ген. Томсон оставляет за собой право на публичные собрания посылать своих представителей. 6) Если в будущем потребуется производить политические аресты, то таковые производятся исключительно по ордерам союзной полицией; обвинение должно быть предъявлено публично в течение 24 часов. 7) За забастовку никаких кар не будет допущено. Соглашение это (наряду с подтверждением прав рабочих организаций) умело пропитано великодержавными тенденциями, которые отстаивались политикой меньшевистско-эсеровских лидеров. Победа бакинских рабочих посылно была использована представителями «российской демократии» для укрепления позиции, именно русской контрреволюции.

Декабрьская стачка явилась переломным этапом в смысле перехода бакинского пролетариата к активной борьбе за улучшение своего правового и экономического положения, после месяцев разгрома и распада. Тем самым рабочий класс шел навстречу революционным боям с мусаватским контрреволюционным правительством.

Декабрьская стачка, отстаивая права рабочих организаций, отражала также невыносимо тяжелое экономическое положение рабочего класса². Несколько улучшившийся завоз в Баку продовольствия особенно резко подчеркивал мизерность реальной заработной платы, упавшей к январю—февралю 1919 г. до 20% по сравнению с довоенной. Это падение жизненного уровня рабочих вызывало бесчисленные конфликты с нефтепромышленниками, всеми возможными методами урезывавшими заработную плату. На основании сведений, имеющих в делах старшего фабричного инспектора, мы имеем возможность следующей таблицей подытожить

¹ «Азербайджан» № 68.

² В механической мастерской Нобеля при обсуждении вопроса о ставках, раздавались возгласы: «У нас нет средств даже на гробы для покойников, хороним мертвецов, завертывая их в одеяла», «тяжелая доля заставляет нас проглотить брошенную колючку, но вот подождите — придут большевики». На собрании выяснилось, что хозяева очень хорошо осведомлены о том, кто из рабочих что думает: «Мы боимся высказать то, что на душе». Нотки отчаяния проскальзывали у отдельных групп рабочих: «Мы голодны, и если придется бастовать, то нехватит сил, заработка хватает лишь на хлеб» («Знамя труда» № 16, корреспонденция о рабочей жизни).

удельный вес причин конфликтов, не носящих коллективного характера¹ (сведения взяты за январь, февраль и май).

Невыплата аванса, квартирных и др.	Невыплата и неправильное исчисление расчета при увольнении	Отказ в пособии за увечье.	Неправильное увольнение	Невыплата прибавки	Увольнение за жалобу в союз	Всего
23%	34%	11%	19%	6%	7%	100%
I	II	III	IV	V	VI	VII

Эта таблица показывает, что 63% (графы I, II и V) индивидуальных конфликтов, прошедших через Совпроф и старшего фабричного инспектора, являлись следствием напора промышленников, именно на заработную плату. Прибавка в 360 руб., которую вынуждены были дать с 1 января нефтепромышленники под давлением англичан и мусаватских властей, стоявших перед угрозой забастовки, вызывала, таким образом, усиленный напор со стороны администрации. Снова борьба сосредоточивалась вокруг двух основных вопросов: ставок заработной платы и установления ясных правовых норм, гарантирующих рабочих от произвола каждого отдельного хозяйчика или приказчика. Тем самым снова заострялась борьба вокруг коллективного договора, с которым по традиции связывалось не только установление единообразных и определенных правил, но и повышение оплаты до минимального прожиточного уровня.

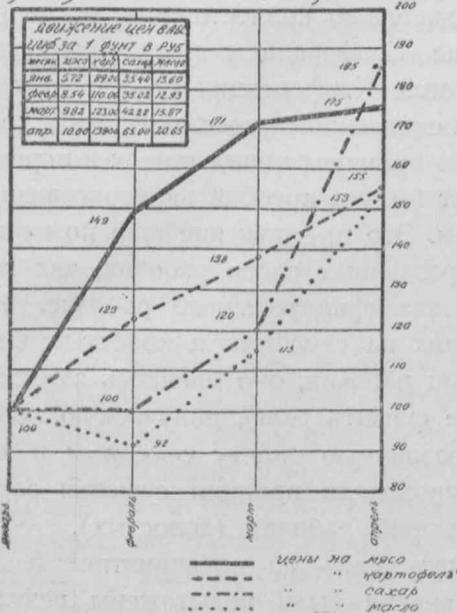
Острота вопроса о тарифных ставках становится понятной при учете того, что наметившееся снижение цен в январе 1919 г. сменяется значительным вздорожанием основных продуктов рабочего питания (мясо, рыба, картофель, лук, капуста, хлеб). Полная свобода ввоза и вывоза, объявленная министерством промышленности, торговли и продовольствия, способствовала разгулу спекуляции. Из беседы председателя Центродома Леонтовича с ген. Томсоном, опубликованной в газетах, выясняется, что министерство, широко раздавая разрешения на вывоз керосина для обмена на продукты различным спекулянтам, не утвердило ни одной из сделок по товарообмену, намеченных Центральным продовольственным бюро, куда входили все кооперативные организации². Министерство продовольствия, имея значительные запасы сахара и дешевой

¹ Таблица основана на сведениях о конфликтах, имеющих в деле № 225, св. 21 фонда старшего фабричного инспектора. В нее вошли конфликты, дошедшие в порядке жалоб до Совпрофа и разрешавшиеся через посредство старшего фабричного инспектора, который одновременно являлся уполномоченным министра труда. Абсолютные цифры требований не приведены, так как судить о количестве мелких конфликтов по ним нельзя. Приведенное процентное соотношение, несомненно, также не вполне точно.

² Беседа напечатана в эсеровской газете «Знамя труда» № 35.

муки, продолжало хранить ее на складах, несмотря на то, что выпуск этих продуктов на рынок во многом смягчил бы продовольственный кризис и, главное, принудил бы спекулирующих торговцев несколько снизить цены.

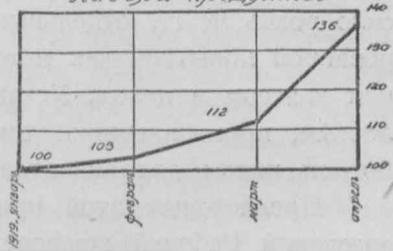
движение цен на мясо, масло, сахар, картофель с янв по апрель 1919 г.

Эта позорная продовольственная политика не замедлила сказаться на ценах, и уже на первые 4 месяца 1919 г. кривая цены ползет вверх ¹.

Однако взятый нами набор продуктов не вполне отвечает типу потребления рабочего того времени. Основные же продукты питания, как мы это отметили выше, дали особо интенсивный рост цен.

движение индекса цен набора продуктов

Правда, цены на такие продукты, как хлеб и рис, за первые месяцы 1919 г. оставались стабильными, давая даже некоторое снижение. Объясняется это тем, что урожай 1918 г. был редким по своей величине, и виды на урожай 1919 г. также были чрезвычайно хороши. И действительно, во вторую половину 1918 г. и даже в первую половину 1919 г. Азербайджан питался исключительно своим хлебом. Поскольку виды на урожай были блестящи, азербайджанские помещики выкидывали на рынок последние запасы хлеба, боясь «затовариванья» и снижения цен после уборки нового урожая.

Но наблюдавшийся рост дороговизны на основные (кроме хлеба и риса) продукты питания снова подхлестывал борьбу за увеличение заработной платы. Прибавка в 360 руб. уже к концу февраля была перекрыта ростом дороговизны, и реальная заработная плата к началу летних месяцев падала еще ниже, чем это было в декабре 1918 года. Нетерпимое экономическое положение, ухудшавшееся отсутствием каких-

¹ Цены взяты на основе данных специальных корреспондентов статистического отдела б. городской управы. В набор продуктов включаем: мясо — 1/4 ф., молоко — 1 красное — 1/4 ф., яйца — 2 шт., картофель — 1 ф., хлеб — 1 ф., рис — 1/4 ф., сахар — 1/4 ф.

либо правовых норм, обеспечивающих рабочих хоть в какой бы то ни было степени от произвола промышленников, с неизбежностью толкало бакинский пролетариат на борьбу за повышение заработной платы, за новые ставки и тем самым за восстановление колдоговора.

Неудивительно, что сейчас же после окончания декабрьской стачки на Рабочей конференции обсуждается вопрос о необходимости скорейшего восстановления колдоговора. Параллельно коллективному договору с неизбежностью заостряется внимание Конференции вокруг вопросов заработной платы. В ответ на требование Конференции об увеличении заработной платы, о необходимости немедленного восстановления колдоговора нефтепромышленниками вместо принятия новых ставок в первых же числах января был выдвинут проект выдачи пособия на дороговизну: 120 руб. холостым и 360 руб. семейным. Это предложение шло по испытанному пути разобщения интересов различных слоев рабочих, так как семейными, в большинстве, являлись квалифицированные рабочие. Но помимо того, что разграничение рабочих на семейных и холостых вносило рознь между отдельными группами рабочих, оно являлось замаскированной попыткой как можно больше снизить долю, получаемую рабочим классом в целом. Устанавливая различную оплату семейным и холостым, промышленники тем самым проводили принцип сужения заработной платы для значительных категорий рабочих (холостых).

Предложение этой прибавки обсуждалось на предприятиях и на заседаниях Рабочей конференции. 22 января были подытожены результаты голосований. За принятие прибавки высказалось 23 предприятия, против—шестьдесят. Решением Рабочей конференции подачка нефтепромышленников была отвергнута. Ультиматум, поставленный нефтепромышленникам, настаивал: а) на немедленном восстановлении колдоговора, б) на принятии вместо пособия новых ставок, в) на даче окончательного ответа не позже 26 января. Горький опыт борьбы английского командования с коллективными выступлениями рабочих *заставил* англичан, мусаватистов и нефтепромышленников сделать ряд значительных уступок.

На Рабочей конференции 26 января представителями власти и промышленников было передано окончательное решение в ответ на ультиматум, предъявленный Рабочей конференцией: 1) Нефтепромышленники готовы выдавать с 1 января дополнительное вознаграждение по 360 рублей в месяц одинаково всем семейным и холостым, а малолетним до 17 лет—по 180 рублей. 2) Вычеты из августовского аванса ¹, в случае принятия этих ставок, произведены не будут. 3) Нефтепромышленники согласны временно ввести правила по урегулированию взаимоотношений

¹ Августовский аванс был выдан еще в июле 1918 г. Советом народного хозяйства при Бакинской коммуне. Нефтепромышленники, отказывая в прибавке, уже начали его вычитать.

со служащими и рабочими. 4) Они выражают согласие приступить к пересмотру коллективного договора.

Этому решению промышленников сопутствовали временные правила, изданные министерством труда, основные пункты которых сводились к следующему: 1) Коллективный договор, декретированный Исполнительным комитетом (Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов) 2 октября 1917 г., восстанавливается на срок один месяц полностью в части, касающейся экономического положения рабочих и служащих. 2) Правовые нормы этого коллективного договора остаются неизменными во всем объеме, кроме пункта, касающегося права приема и увольнения. Постановление Озакома от 13 октября 1917 г. отменяется¹. Право приема и увольнения рабочих и служащих признается исключительным правом владельца предприятия. Это безусловное право владельца предприятия власть признает необходимым ограничить следующими положениями: а) При прочих равных условиях при приеме на работу предпочтение отдается члену профессионального союза. б) Увольнение членов фабзавкомов и вообще лиц, избранных представителями рабочих предприятий на Конференцию и в др. случаях, может быть произведено только по постановлению о том особого органа при министерстве труда, построенного по принципу равного представительства сторон. в) Право массового увольнения и сокращения штатов может производиться только по постановлению указанного в предыдущем пункте органа министерства труда. г) Принадлежность к какой-либо признанной властью политической партии или организации не может служить поводом для увольнения. 3) Новый коллективный договор или пересмотр договора 2 октября 1917 г. должен быть произведен в течение месячного срока; причем, если в течение указанного месячного срока стороны не придут к соглашению, по тем или иным пунктам, то спорные пункты будут переданы на окончательное разрешение арбитражного органа, который для сего будет организован распоряжением министерства труда и постановления коего будут обязательны для обеих сторон².

Недавно проведенная декабрьская стачка, усилившаяся работа мусаватов и, наконец, физическое истощение рабочих сделали затруднительной борьбу за немедленное восстановление колдоговора в полном объеме. Кроме того, значительные уступки, сделанные все же нефтепромышленниками, давали возможность хотя бы временного соглашения.

26 января Рабочей конференцией была принята резолюция (в редакции меньшевика Рохлина) о том, что, «учитывая реальное соотношение

¹ Озаком — это Особый закавказский комитет Временного правительства в Тифлисе. Озаком в октябре 1917 г. под давлением масс был принужден издать постановление о приеме и увольнении рабочих лишь с согласия фабзавкомов.

² Из постановления министра труда Сафикюрдского, опубликованного 4 февраля 1919 г. (Дата постановления — 26 января 1919 года). Остальные параграфы говорят о 360-руб. прибавке и порядке расчетов за авансы и нерабочие дни во время мартовских и сентябрьских событий.

сил, в виду тяжелого положения материального состояния рабочих и промышленности, Конференция решает принять предложения власти; что же касается пунктов, по которым имеются возражения, продолжать вести переговоры. Что же касается портовых рабочих и моряков, Конференция поручает согласительной комиссии довести дело до победного конца» (Протоколы Рабочей конференции).

Однако принятие предложений министерства труда никаких улучшений бакинским рабочим не принесло. Промышленники категорически отказывались выполнять распоряжки, предусмотренные даже урезанным колдоговором. Снова начиналось обсуждение колдоговора на нескончаемых, бесплодных заседаниях согласительной комиссии. А параллельно заседаниям продолжалось наступление промышленников, всеми возможными методами урезывавшими ничтожную заработную плату. Вообще уже в начале 1919 г. ставить вопрос о получении прожиточного минимума было нельзя. Исчисленный Советом профсоюзов «терпимый» прожиточный минимум семейного рабочего равнялся в апреле 110—120 руб. в день. Требования же повышения ставок исходили из доведения заработной платы рабочего в среднем до тридцати—тридцати пяти рублей, т. е. трети жесткого и голодного минимума. Таким образом, даже требования рабочих исходили из установления заработной платы лишь в размере, дающем возможность не умереть с голоду.

Причиной этого своеобразного положения была связь между положением рабочих и глубоким экономическим кризисом, который привел нефтяную промышленность к полному распаду. Сводные показатели работы нефтяной промышленности рисуют следующую картину ее кризиса ¹:

	Добыча	Переработка	Бурение	Вывоз	Запасы
Январь 1918 г. .	23,4	15,4	944	2 370	69 688
» 1919 г. .	15,8	6,4	71	2 818	127 183
Февраль 1919 г. .	15,9	9,3	23	2 484	—
Март 1919 г. .	17,6	8,3	112	3 321	—
Апрель 1919 г. .	18,5	6,4	145	944	175 000
Май 1919 г. .	16,8	5,1	180	2 855	—

Общее состояние распада становится особенно очевидным, если мы учтем, что январь 1918 г., который мы привели для сравнения с поло-

¹ Таблица составлена на основе сравнительных статистических данных о бакинской нефтяной промышленности, изд. Азнефтекома (добыча и переработка и вывоз в млн. пуд., бурение на 4 старых площадях в саженьях).

жением в 1919 г., по ряду своих основных показателей также стоит чрезвычайно низко.

Обрисованное положение обуславливает ряд характерных особенностей и в обстановке и в самом рабочем движении этого периода. *Во-первых*, в отличие от 1917 и отчасти от 1918 гг. промышленники были мало заинтересованы в интенсивности работы по добыванию и переработке нефти, и, стало быть, забастовки при условии неоплаты за пропущенные дни были нефтяным фирмам выгодны¹. Отсюда вытекала наступательная провокационная политика нефтевладельцев при конфликтах с рабочими. *Во-вторых*, экономические бои рабочих за улучшение своего положения проходили на фоне замирающей нефтяной промышленности, в связи с чем каждое коллективное требование рабочих по любому экономическому вопросу неминуемо превращалось в политическое выступление против мусаватского правительства. *В-третьих*, политическая борьба бакинского рабочего класса против мусавата связывалась с задачей подъема нефтепромышленности на основе восстановления связи с Советской Россией и тем самым приобретала более четкую целеустремленность именно как борьба за Советскую власть. *В-четвертых*, каждый месяц работы нефтепромышленности увеличивал количество запасов нефти в переполненных хранилищах, усиливая противоречия между нефтевладельцами, все более склонявшимися к вывозу нефти в любое место, даже в Советскую Россию, и мусаватистами, слепо проводившими по английской указке политику блокады².

Это еще больше подрывало экономическую базу «независимого» Азербайджана, увеличивая этим размах колебаний неустойчивой и бесцельной мусаватской политики. Все эти особенности обстановки, в которой боролся бакинский рабочий класс, объективно приводили к нарастанию чисто-политических моментов в рабочем движении, с неизбежностью толкая бакинских рабочих на путь политической борьбы, которая в конечном счете не могла не быть борьбой за Советскую власть. С другой стороны, иллюзии меньшевизма все еще не были изжиты в среде бакинского пролетариата и единство рабочих рядов все еще не было обеспечено.

¹ Из добытых за 3 месяца 1910 г. 45—50 млн. пудов за это же время было вывезено около 7 млн. пудов, остальные же поступили в хранилище. Ежемесячная дотация азербайджанского правительства нефтепромышленникам, обеспечиваемая закладом нефти, составляла 60 млн. руб., которые не покрывали целиком издержек производства. Отсутствие вывоза в Астрахань определяло прозябание бакинской нефтяной промышленности.

² С апрельских номеров «Нефтяного дела», органа Совета съезда нефтян и промышленности, ежемесячно появлялись убедительнейшие статьи, ратующие за разрешение вывоза нефти в Советскую Астрахань. Как пример, приведем апрельский номер «Нефтяного дела» (№ 7—8), открывавшийся статьей Тагионосова (упомянутого отделением фирмы Нобеля) «Бакинская нефтяная промышленность накануне навигации 1919 г.», в которой, разбирая проблему стока нефти, он патетически заканчивал: «Итак, единственный в ход, единственный путь к спасению бакинской промышленности есть восстановление торговли с Советской Россией».

Однако большевистские настроения уже преобладали среди русской части рабочих, понемногу просачиваясь и в тюркскую и армянскую среду. В этом отношении особое значение приобретает апрельский съезд закавказских профсоюзов, открывшийся в Баку 7 апреля¹. Съезд показал громадные сдвиги бакинского пролетариата в сторону большевизма, причем этот решающий сдвиг рабочей массы не остался без влияния на линию тогдашних официальных руководителей профессиональных союзов. Поворот на 180 градусов влево характеризует выступления матерых меньшевиков и эсеров, уже не решавшихся, как в декабре 1918 года, хвастаться борьбой с большевиками. Почва ускользала из-под ног соглашателей и мимикрия в «советский» защитный цвет должна была помочь удержаться у руководства рабочим движением.

С докладами «о текущем моменте» помимо представителя РКП (т. Анашкина) выступали Зурабов от меньшевиков и Семенов от эсеров. «Сейчас,—говорил Зурабов, перед нашими глазами протекает социалистическая революция... и раз это так, то мы должны сказать, что все то, что способствует развитию социалистической революции, все то нами должно быть принято и сделано, и в нашей тактике, что противоречит ей, должно быть отброшено»². Свой доклад он закончил возгласом: «Да здравствует социалистическая революция». Эсер Семенов, выступая от имени своей фракции, признает, «что в расколовшейся России на два лагеря партия эсеров может быть только на стороне труда, на стороне тех, кто борется с мировым империализмом... И наше *новое* положение—это то, что мы считаем необходимым объединение социалистических партий для борьбы с империализмом, который здесь в России под фирмой монархической организации, под флагом монархизма».

Эсеры и меньшевики, произносившие речи о неизбежном наступлении социализма, не случайно «забыли» упомянуть о большевиках, о Советской власти. Их не особенно ловкий маневр, вынужденный давлением идущих влево масс, не прошел незамеченным: «Ведь Рохлин,—указывал в своем выступлении Лиликин,—еще в начале революции говорил, что революция социалистическая, а с коммунистами соединяется только теперь. Зурабов говорит: да здравствует социализм, но забыл сказать: да здравствует Советская власть, между тем только она и приводит к осуществлению социализма»³. Причину смены вех соглашательскими пар-

¹ Съезд профессиональных союзов Закавказья, Закаспия и Дагестана происходил в Баку с 7 по 15 апреля. Созванный для объединения борьбы пролетариата окраин, съезд не поехал в Тифлис, как настаивали грузинские меньшевики, в виду: а) мошеннических норм представительства, установленных Тифлисом; б) отсутствия денег; в) отказа грузинских профессионалистов признать большевистски настроенных делегатов Закаспия и Дагестана; г) нежелания тифлисцев обсуждать политические вопросы. Однако в Тифлис была выделена делегация в 5 чел., в задачу которой должно было входить внесение политических вопросов в работу Тифлисского съезда и разоблачение меньшевиков-шовинистов.

² Архив АСПС, «Протоколы съезда профсоюзов» 7—15 апреля 1919 г., стр. 84, 89.

³ Из выступлений на съезде 12 апреля, «Протоколы», стр. 103.

тиями просто и отчетливо показал в своей речи большевик Рогов¹. «Они начали просто говорить языком все-таки международным, языком международного пролетариата. Что это их заставило? А их вот что заставило, потому что те вожди, вожди правых секторов, они не видят под собой твердой почвы, потому что эта почва, которую они хотели создать, провалилась окончательно»².

Апрельский съезд профсоюзов наглядно показал, что громадная часть рабочего класса целиком находится под идейным влиянием коммунистов и что теперь на очереди стоит организационное закрепление этого влияния. Уже в апреле 1919 г. бакинский пролетариат был, таким образом, в основном отвоеван из-под разлагающего влияния соглашателей. Перед бакинскими большевиками в области закрепления своих позиций в рабочем классе остались две нерешенные задачи: во-первых, изолировать меньшевистско-эсеровские партии, ликвидировав их связь с рабочими организациями, и, во-вторых, вовлечь в орбиту активной политической борьбы тюркскую часть пролетариата.

Настроения, выявившиеся на съезде профсоюзов, знаменовали собой вторую победу, одержанную нашей партией в борьбе за освобождение рабочих из-под влияния соглашателей (Первой победой мы считаем избрание 11 марта 1919 г. нового президиума Рабочей конференции, который оказался в своем большинстве коммунистическим)³. Для того, чтобы уяснить причины этой второй победы большевиков на пути к безраздельному руководству бакинским пролетариатом, необходимо учесть

¹ Погиб, замученный белогвардейцами, в феврале 1920 г., во время экспедиции по Каспийскому морю с поручением от партийной организации.

² «Протоколы съезда», стр. 94.

³ Президиум Рабочей конференции был переизбран в связи с униженным поведением меньшевиков и эсеров, которые вместо борьбы повели с ген. Томсоном переговоры по поводу постановления Рабочей конференции от 5 марта 1919 г. с нижеследующими требованиями, обращенными к английскому командованию:

1. Полное невмешательство англичан во внутренние дела.
2. Немедленное освобождение всех моряков и их семей без применения по отношению к ним каких-либо репрессий.
3. Прекращение всяких обысков и арестов рабочих.
4. Имущество Российского государства должно оставаться в Баку под наблюдением органа, составленного из представителей всех политических партий и организаций (речь идет об автоколонне, которую англичане отправили Деникину).
5. Освобождение всех арестованных, находящихся на пароходе «Алескерие».

Тов. Микоян, в своем выступлении на конференции 11 марта 1919 г., следующим образом мотивировал необходимость перевыбора президиума Рабочей конференции. «Бакинский пролетариат является отрядом мирового пролетариата, и не при помощи разговора с английским командованием одержат рабочие победу. Мы можем победить лишь при помощи испытанного средства — забастовки». Стачечный комитет не оказался на высоте своего положения. Вместо активной борьбы стачком согласился на унижительные переговоры с ген. Томсоном. Меньшевики на заседании стачкома вели себя изменнически. Они в своих газетах пишут против забастовки, подготавливая этим почву для провала забастовки, унижая достоинство рабочих и подготавливая лишь поражение» («Знамя труда» № 58).

обстановку, в которой в этот период протекала борьба рабочих за улучшение своего материального положения.

Ко второй половине апреля с очевидностью выяснилось, что переговоры с нефтепромышленниками о согласительной комиссии по коллективному договору ни к какому результату не приведут. Вопрос о размере повышения ставок сверх 360-руб. прибавки, сделанной после декабрьской забастовки, вопросы о правах промзавкомов, о приеме и увольнении, о квартирных, об органе посредничества между промышленниками и рабочими не могли быть разрешены.

Новый президиум Рабочей конференции, учитывая бесцельность дальнейшего совместного обсуждения колдоговора с промышленниками и правильно исходя из политических задач экономической борьбы рабочих, провел на Рабочей конференции 18 апреля следующее постановление: «1) Коллективный договор отстаивается в редакции рабочей комиссии. 2) Коллективный договор предъявляется министру труда и нефтепромышленникам. 3) Срок для ответа назначается двухнедельный. 4) После этого срока никакие переговоры не ведутся и соглашения не принимаются. 5) Президиум в свою очередь принимает определенные меры борьбы за колдоговор»¹.

Единогласно была принята также резолюция об объявлении срока пересмотра нефтепромышленниками правовых норм коллективного договора с 19 апреля. Таким образом в первых числах мая истек срок, предусмотренный ультиматумом Рабочей конференции.

Перед забастовкой последние заседания согласительной комиссии проходили под знаком наступающей открытой борьбы. Это было понятно не только рабочим, но и промышленники сознательно шли на прекращение переговоров. На большинство предъявленных им требований они ответили отказом. Чрезвычайно показательным для характеристики неизбежности забастовки является последнее заседание согласительной комиссии 5 мая 1919 года.

Представители промышленников от имени общего собрания² официально заявили, что ставки заработной платы далее повышаемы быть не могут, так как и нынешние ставки (речь идет о прибавке в 360 руб.) были приняты в связи с надеждами на улучшение условий рынка и на открытие навигации. На самом же деле условия вывоза (и вообще рынка) значительно ухудшились. По вопросу о правовых нормах, предусматриваемых коллективным договором, представители промышленников настаивали на передаче всех спорных вопросов (права промзавкомов, прием и увольнение и др.) в особое совещание при министерстве труда³.

¹ Резолюция приведена по «Нефтяному делу» № 7—8, стр. 48.

² Общее собрание нефтепромышленников, состоявшееся 2 мая 1919 г., обсуждало приведенный выше ультиматум Рабочей конференции.

³ Естественно, что это предложение не могло быть принято рабочей комиссией, так как взгляд министерства труда на правовые вопросы был заранее predetermined. Ведь в постановлении министра Сафикюрдского от 26 января уже указывалось, что прием и увольнение есть исключительное право хозяев.

Что же касается ультимативного требования принять колдоговор в редакции рабочей стороны, то промышленники, «само собой разумеется, отвергают его, не останавливаясь на его сущности... и в виду того, что рабочие требуют ультимативного принятия колдоговора в их редакции—считают бесцельным заниматься чисто-академической работой рассмотрения колдоговора на особом совещании (при министерстве труда)»¹...

В связи с описанной политикой нефтепромышленников особого интереса заслуживает мотивировка ими невозможности дальнейшего повышения ставок. По описанию нефтепромышленников к весне 1919 г. появилась вполне реальная угроза конкуренции иностранной, а также грозненской нефти и керосина. «Американский керосин в настоящее время стоит в Константинополе не дороже нашего... Грозненская же нефть на бакинской бирже котируется 2 руб.—2 руб. 15 коп. за пуд. В то же время заработная плата падает (в Баку) на пуд нефти в размере *трех* рублей»²,—заявляли рабочим представители нефтяных фирм. По исчислениям нефтевладельцев из 60 млн., получаемых в марте—апреле 1919 г. в виде ссуды по заготовке квитанции на добытую нефть, 30 млн. идут на ежемесячную оплату по табелям, 10 млн. на текущие эксплуатационные расходы, а 20 млн. на уплату мелким подрядчикам, «электрической силе» и т. п. Эти последние две графы расходов, по мнению нефтяных фирм, также могут считаться скрытой формой заработной платы и, следовательно, стоимость рабочей силы падает на пуд нефти в размере 5 рублей (?)³.

С точки зрения обстановки, которая неминуемо вела к открытому столкновению, вопрос о том, насколько эти расчеты нефтепромышленников отходят от действительности, конечно, не являлся решающим. Основным было то, что нефтяная промышленность замирала, и единственная возможность добиться хоть сколько-нибудь сносных условий существования лежала для бакинских рабочих на пути борьбы за создание условий вывоза нефти в Советскую Россию.

К маю перед рабочим классом встала задача совершить прыжок от повседневной экономической борьбы к открытым политическим боям. Ло-

¹ Архив АСПС, Дело протоколов согласительной комиссии, протокол № 18.

² Архив АСПС, Дело протоколов согласительной комиссии, протокол № 18.

³ Этот расчет абсолютно неверен. При ежемесячной добыче около 15 млн. пудов считать, что зарплата падает по 5 р. на пуд, можно только исходя из фантастического представления, что никаких трат, помимо оплаты бакинских рабочих, нефтяная промышленность не производит. Исчисляя количество нефтепромышленных рабочих примерно в 22 тыс. и принимая за основу месячную средне-взвешенную нами зарплату промыслового рабочего (май) за 620 руб., мы получим 13 млн. 640 тыс. руб. в виде ориентировочной суммы, составляющей месячную долю нефтепромышленных рабочих в Баку. При добыче в апреле 17 млн. пудов нефти на каждый пуд падает, так м образом, лишь 80 копеек. Мы подчеркиваем, что этот наш расчет носит лишь ориентировочный характер, так как в него не включена оплата служащих, административно-технического персонала. Также не учтено, напр., бесплатное пользование квартирами и т. п.; но, однако, все виды заработной платы, выдававшиеся денежными знаками, вошли в исчисленную нами средне-взвешенную зарплату промыслового рабочего.

зунги: «За коллектив», «За товарооборот с Советской Астраханью»,—брошенные от имени рабочего класса большевиками, открыли новый период в борьбе бакинского пролетариата, начало которому положила майская стачка. Этот период знаменовал собою переход к политическим боям, связывающим бакинский рабочий класс с судьбами Советской России. В этом смысле объявление майской стачки вне зависимости от того, что при сложившейся обстановке полная победа была мало вероятна, являлось правильным тактическим шагом. Это твердое революционное руководство рабочим движением очень не плохо подмечает в своем докладе в правление управляющий бакинским отделом Нобеля: «Рабочая конференция, несколько раз переизбиравшая свой президиум, в последнее время имеет руководителями преимущественно коммунистов-большевиков. Этим объясняется общий характер непримиримой и агрессивной «антисоглашательской» политики рабочего представительного органа»¹.

Поучительно, что некоторые промышленники не скрывали своей заинтересованности в товарообороте с Астраханью. На последнем заседании согласительной комиссии представители нефтяных фирм довольно откровенно описывали перспективы вывоза: «В товарообмене с Астраханью промышленники заинтересованы не менее, чем рабочие, но они считают по многим причинам невозможным в настоящее время такой товарообмен. Вопрос о нем для Баку должен решиться не в местном, а в рбщероссийском масштабе и зависит от результатов исхода борьбы главных действующих сил. В настоящее время выхода из создавшегося положения промышленники не видят. Не находят выхода из него повидимому и власть, так как вопрос о товарообмене с Астраханью неоднократно поднимался в различных министерствах и еще не разрешен ничем»². Выходит, что одна из задач забастовки, именно установление товарооборота с Астраханью, вызвала сочувствие некоторых нефтепромышленников, особенно сильно ощущавших прекращение вывоза.

Но если в установлении товарообмена с Советской Россией были заинтересованы некоторые наиболее крупные нефтяные фирмы, то тем самым экономические интересы даже мусаватского правительства должны были толкать его на установление связей с единственным рынком, который при сложившихся обстоятельствах мог принять нефть. Единственным и решительным противником установления связи с Советской Россией могли быть и были англичане. Азербайджанское же правительство, как верный слуга английского империализма, не могло—хотя бы и вопреки своим экономическим интересам—не выступить против майской забастовки. Значительную роль при этом, конечно, сыграла боязнь укрепления большевистского влияния в случае установления экономических сношений с Советской Россией.

¹ Архив Азнефти, Фонды Нобеля, д. № 165, письмо от 4 мая 1919 года.

² Архив АСПС, Дело протоколов согласительной комиссии, протокол № 18, запись мнения промышленников.

Майская стачка окончилась неудачей¹. Но опыт и уроки ее не прошли бесследно. Она явилась первым решающим провозвестником возвращения бакинского пролетариата на путь политической борьбы против существующего строя. Именно в этом и заключается ее историческое значение.

А. Дубнер

(Окончание следует)

¹ Объявление майской стачки с требованиями принятия колдоговора и открытия товарообмена с Астраханью было решено Рабочей конференцией 4 мая 1919 года. Первым днем забастовки официально было объявлено 6 мая, но фактически ряд предприятий начал бастовать уже 5-го (железная дорога) и кое-где даже 4-го. Стачка, начавшаяся дружно, с 7—8 мая стала уменьшаться в своем размахе, благодаря провокационной политике Азербайджанского правительства и партии Мусават, сыгравших на национальных чувствах тюркских и вообще мусульманских рабочих. 6 мая председателем совета министров Уссубековым было выпущено воззвание, где майская забастовка квалифицировалась, как забастовка, направленная против независимости Азербайджана. В районах вооруженные мусаватисты вели агитацию не только словом, но и делом, физической силой «загоняя» рабочих мусульман на работу. Испуганные меньшевики и эсеры деморализовали бастующих рабочих, и после 9 мая, когда был арестован стачечный комитет, руководимый большевиками, 12 мая объявили забастовку прекращенной. 13—14 мая стачка была полностью ликвидирована. Таким образом основной причиной поражения явилась национальная разобщенность и предательское поведение соглашателей.

ВОСПОМИНАНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА СОВЕТЫ

ОКТАБРЬСКИЕ ДНИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОТРЯДА КРАСНОЙ ГВАРДИИ

В 6 верстах от г. Екатеринбурга—ныне Свердловска—на заводе тяжелых снарядов, принадлежавшем бр. Злоказовым, сейчас же после Февральской революции выявилась крепкая ячейка партии большевиков, существовавшая до этого в подполье. Первые выборы в Екатеринбургский городской Совет рабочих и солдатских депутатов в начале апреля 1917 г. показали, что из 20 депутатов, которых полагалось послать от 2 тысяч рабочих завода,—12 мандатов были за большевиками. Ячейка большевиков на заводе уже тогда насчитывала до 30 человек. В заводском комитете большинство членов были большевики, а комиссаром завода на общем собрании рабочих был избран также большевик. Правда, эсеры и меньшевики старались из всех сил «исправить» положение, т. е. завоевать большинство рабочих на свою сторону, но, несмотря на то, что тогдашние лидеры эсеров Успенский, Поляков и Хотимский приезжали целой ватагой на наши общезаводские собрания и митинги, достаточно было выступить тт. Юровскому, Голощекину или Сафарову, тогдашним профессионалам-большевикам, как всякие предложения эсеров неизменно проваливались и рабочие еще крепче становились на позиции партии большевиков.

Злоказовский завод с начала революции являлся одним из опорных пунктов Екатеринбургского комитета партии большевиков. Такая симпатия большинства рабочих к лозунгам большевиков имела громадное значение для успеха формирования Красной гвардии на заводе. Но, прежде чем перейти к вопросу о формировании Красной гвардии, необходимо остановиться на том, из кого же состояло большевистское ядро на заводе. Надо сказать, что месяцев за 6 до Февральской революции на этом заводе был арестован большевик, питерский рабочий, Сергей Устинов за агитацию среди рабочих против войны. Этот арест оказал громадное влияние на повышение настроения рабочих, так что работа Устинова, за которую его посадили, не пропала даром. Активистами большевиками, выдвинувшимися во время Февральской революции, были следующие товарищи: братья Иван и Василий Логиновы—оба металлиста: первый токарь, второй—слесарь, ныне коммунары; братья Большаковы Степан

и Павел—также металлисты, первый из них геройски погиб в бою с белыми, второй тоже был в рядах бойцов с белогвардейцами и умер от тифа; Дреман—лекальщик; Михаил Голубев—лекальщик; Андрей Саламатин—слесарь; Александр Мошкин—слесарь; Кузьма Фалько—слесарь; Александр Соловьев—слесарь; Константин Украинцев; Дерябин; Алексей Сидоров; Александр Авдеев—машинист. Этот актив и возглавил организацию отряда Красной гвардии.

В Екатеринбургском комитете партии большевиков в то время была образована военная секция, в которую, насколько помнится, входили тт. Павел Бычков, бывший прапорщик, и Иванов. Под руководством этой секции и была начата организация Красной гвардии. Город был разбит на районы, завод Злоказова как раз находился в 3-м районе, и отряд наш получил название «Красная гвардия 3-го района рабочих завода Злоказовых».

Чтобы сделать наш отряд способным к борьбе с классовым врагом, первая его практическая задача состояла не столько в вербовке новых красногвардейцев (в них недостатка не было), сколько в обучении, а главное—в вооружении. Сильная тяга к вооружению чувствовалась среди большинства рабочих. Всем был памятен 1905 г., когда невооруженные рабочие шли к Зимнему дворцу и были расстреляны по приказу Николая Кровавого. Рабочий понимал, что драться с буржуазией придется не сегодня, так завтра, и поэтому призыв нашей партии к вооружению пролетариата встретил среди передовых рабочих самый горячий отклик. Вначале вооружение рабочих красногвардейцев шло самостийно—каждый вооружался кто чем мог. Запасались не только огнестрельным оружием, но и холодным. В ночных сменах ковались и отделявались кинжалы, клинки. В некоторых цехах затеяли даже изготовление ручных гранат, но дальше опыта дело не пошло, так как об этом было донесено администрации.

После июльских событий в Питере вооружение рабочих приняло более организованный характер. Так, напр., из военного бюро партийного комитета мы на наш завод получили 60 штук револьверов. Правда, в большинстве это было проржавленное оружие старой системы, но радость и энтузиазм были необычайны. Были присланы винтовки, но большинство опять-таки системы «Гра» берданы однозарядные. Всего оружия далеко не хватало на всех; пришлось давать в первую очередь надежным людям, или же бросать жребий, кому выдать. Некоторая, правда небольшая, часть красногвардейцев рабочих никогда не держала в руках оружия и не умела с ним обращаться, поэтому для обучения их были выделены инструктора во главе с т. Фалько, который был в армии строевым унтер-офицером. При обучении стрельбе не обошлось без жертв; одним рабочим нечаянно был наповал убит бывш. фронтовик т. Дарусенко. Наш отряд Красной гвардии возрос до 120 человек. Начальником отряда был избран Авдеев, военными инструкторами тт. Украинцев и Фалько. Отряд разбили по десяткам, и так как тогда соблюдалось выборное начало, каждый деся-

ток избрал себе начальника. Связавшись с 124-м полком, в то время стоявшим в Екатеринбурге, наши фронтовики купили у солдат этого полка 5 трехлинейных винтовок, которые были пущены для обучения рабочих, не бывших в армии.

1 сентября 1917 г., по постановлению Екатеринбургского комитета партии большевиков, на некоторых заводах Урала была проведена однодневная забастовка протеста против Временного правительства Керенского с лозунгами «Долой министров-капиталистов», «За мир» и т. д. Наш завод, как изготавливавший снаряды, имел военную охрану. Посты часовых были не только внутри завода, но и у ворот в сторожевых будках. Хотя этих солдат старались менять как можно чаще и по возможности изолировать от рабочих, но наши бывш. фронтовики быстро сближались с охраной (для этой цели у нас были специально выделены товарищи), и через несколько дней полурота охраны была полностью на нашей стороне.

1 сентября 1917 г. утром, после митинга, остановив работу во всех цехах Злоказовского завода, Красная гвардия по договоренности с солдатами охраны заменила их часовыми своими. Несмотря на энергичные попытки администрации завода сорвать забастовку путем присылки штрейкбрехеров и приказа об увольнении всех тех, кто бросит работу,—это ей не удалось, так как на завод не были пропущены не только штрейкбрехеры, но и главный инженер Кормушкин. Это было первое проявление активности со стороны отряда Красной гвардии нашего завода.

На заводе бр. Злоказовых, уже начиная с сентябрьской забастовки, власть из рук хозяина и администрации фактически перешла в руки рабочих. Помимо заводского комитета на ющем собрании рабочих был избран комиссар завода Авдеев, без ведома которого администрация завода не имела права совершать ни одну финансовую, ни какую-либо другую операцию. Наем и увольнение рабочих на заводе, начиная с июля, происходили исключительно через заводский комитет, а позже с ведома и согласия комиссара завода. Комиссар же все свои действия согласовывал с заводским комитетом и отчитывался перед общим собранием рабочих.

Насколько рабочие завода Злоказова были в первых рядах революционных пролетариев Екатеринбурга, можно видеть хотя бы из таких фактов. Рабочие завода Злоказова одни из первых представили в распоряжение Екатеринбургского комитета партии большевиков отряд Красной гвардии в 150 человек. Во время выборной кампании в Учредительное собрание заводский комитет реквизирует у владельца завода его личный легковой автомобиль, предоставив его в распоряжение Екатеринбургского комитета партии большевиков. Это был первый большевистский автомобиль в городе, развозивший литературу и агитаторов.

Получение телеграфного извещения из Питера о свержении правительства Керенского и переходе власти в руки Советов было встречено рабочими и солдатами с громадным энтузиазмом. Помимо непрерывных митингов, на которых разъяснялось извещение о переходе власти в

руки Советов, шла лихорадочная работа по расширению Красной гвардии чуть ли не в поголовное вооружение рабочих. Отряд 3-го района рабочих завода Злоказова, насчитывавший к Октябрьскому перевороту около 200, в первые же дни Октябрьской революции развернулся до 500 человек.

Екатеринбургский комитет партии с первых же дней Октябрьской революции взял в свое распоряжение с завода Злоказова около 250 чел., которые несли охрану комитета партии и заняли Русско-Азиатский банк. Стоявшие в Екатеринбурге 124-й и 126-й пехотные полки вынесли большевистские резолюции, и мы получили доступ к настоящему оружию. Поэтому в первые же дни Октября наш отряд получил необходимое количество винтовок 3-линейного образца и 2 пулемета. На заводе шло непрерывное военное обучение рабочих, охрану всего города взяли на себя красногвардейцы. Солдаты из местного гарнизона были отпущены по домам.

Сейчас же после Октябрьского переворота для управления заводом образовался «деловой совет», или дирекция. Организатором такой системы управления заводом был, теперь покойный, старый большевик инженер Н. Н. Кузьмин. Управляющий заводом, ярый черносотенец и антисемит, рабочими был изгнан с завода немедленно же, а главный инженер начал «итальянить», так что вскоре пришлось уволить и его. Сам же хозяин завода С. Злоказов забрал из банков деньги и думал улизнуть. Но, доставив его под конвоем красногвардейцев на завод, ему поставили ультиматум: либо выплатить рабочим задолженность за один месяц, и еще за один месяц выдать вперед, а также обеспечить завод сырьем на три месяца, либо тюрьма и суд, как над злостным неплательщиком. Он начал сопротивляться; тогда, взяв с него наличными задолженность по зарплате рабочим, красногвардейский отряд отвез его в тюрьму.

Начавшийся саботаж главного инженера поддержали некоторые мастера, которые в свою очередь опирались на ту небольшую группу лжербочих, которая на завод поступила лишь бы спастись от фронта, и которых заводской комитет не успел вычистить. Это были большей частью торговцы, сынки фабрикантов и т. п. сброд. Завком создал специальную комиссию для отсева лжербочих. Были уволены в первую очередь саботирующие мастера. Конечно, и меньшевики и эсеры, хотя их было и немного, старались всячески тормозить налаживание дела. Но все их стремления оставались бесплодными, так как рабочие ближе и крепче сплачивались вокруг партии большевиков.

Положение завода было все же весьма тяжелым. Как уже выше сказано было, Злоказовский завод вырабатывал 6-дюймовые снаряды. Сырье,—сталь для выработки снарядов,—он получал с Надеждинских заводов. Начинка же снарядов порохом производилась частью на пороховом заводе близ Петрограда, а иногда под Самарой близ станции Кинель. Уже к Октябрьской революции связь б. Злоказовского завода с Надеждинским заводом и пороховыми заводами была нарушена, и поэтому на Злоказов-

ском заводе то скапливалось громадное количество снарядов, то он оказывался без сырья. Поэтому сейчас же после Октябрьского переворота деловой совет и завком отрядили ряд делегаций для связи с соответствующими заводами. Так, напр., комиссия во главе с лекальщиком Мих. Голубевым и Ив. Ганшкевичем поехала в Петроград в Военно-артиллерийское управление и с письмом к Н. Н. Крестинскому (в то время уже уехавшему с Урала на постоянную работу в Питер). Вторая комиссия поехала в Надеждинский завод и третья—в Самару.

Наряду с обеспечением нормальной работы завода стояла задача его переоборудования для обслуживания мирных нужд. Рядом с снарядным заводом стоял заброшенный бывший пивоваренный завод, остановленный во время войны. Этот бывший пивоваренный завод решили переоборудовать на дрожжевой; все оборудование пивоваренного завода годилось для дрожжевого. Срок для переоборудования был дан 2-недельный. Бригады слесарей, плотников и других рабочих работали день и ночь в две смены. После этого встал вопрос об основных снарядных цехах Злоказовского завода. Здесь дело было гораздо сложнее. Изготовленных снарядов накопилось до 40 тысяч штук, а товарищ, посланный в Питер, телеграфировал, что в связи с заключением мира снарядов больше не требуется. Положение становилось критическим. На снарядах было занято до 1500 чел.; бывший хозяин завода Злоказов, сидевший в тюрьме, денег давал все меньше и меньше. Нужно было найти выход. Опять заседали, обсуждали. Заводской комитет и деловой совет не выходили из конторы (там же они и спали), так как одни члены приезжали с караула из города,—другие, передав приехавшим ведение заседания и взяв винтовки, уезжали в город. После ряда дебатов остановились на двух предложениях: из цилиндра 6-дюймовых стальных снарядов делать лемеха к плугам, а из верхушки—головки снаряда—делать маленькие железнодорожные домкраты. Единственный наш спец Л. И. Белов изготовил нам соответственные чертежи, и мы с ними поехали к гг. Кузьмину, Андронникову и В. М. Быкову. Это тройка большевиков тогда была выделена для принятия управления промышленностью Урала. После долгих споров наш проект утвердили и предложили заключить договор с железнодорожной администрацией на поставку им домкратов. Что касается лемехов к плугам, то мы их должны были распространять сами, через свое заводоуправление.

В то время, как шла реорганизация завода и перевод его на обслуживание мирных нужд, отряд Красной гвардии из рабочих завода все время активно участвовал в Октябрьском перевороте не только в городе, но и выезжал в окрестности Екатеринбурга. Так в Березовском заводе местные кулаки с бывшими жандармами зарубили двух большевиков. Посланному туда отряду красногвардейцев завода Злоказова удалось захватить убийц и устроить показательный суд над ними. Выезжал отряд также в г. Ирбит, где местные черносотенцы устроили погром винного склада, после чего погромщики пошли громить и евреев. По возвращении

из Ирбита отряд был послан в с. Шарташ, где местный поп собрал дружину Союза Михаила архангела и двинулся громить советский аппарат, бедноту и большевиков. Прибывший отряд Красной гвардии, конечно, утихомирил попа и помог местной бедноте организовать Советскую власть¹.

ДУТОВСКИЙ ФРОНТ

В начале декабря 1917 г. до Екатеринбурга дошли вести о том, что казачий генерал Дутов собрал вокруг себя казаков, разогнал Советы рабочих депутатов в г. Оренбурге и организует поход на Самару и на Урал для свержения Советов. Для мобилизации красновардейских отрядов был проведен ряд митингов по заводам. На заводе Злоказова также был устроен митинг и открыта запись в отряд на Дутовский фронт. Желали идти и уничтожить ген. Дутова с его бандой почти все способные и неспособные носить оружие. Но нужно было не забывать, что и в городе враг не дремал, так что Екатеринбургский городской комитет партии с завода Злоказова разрешил отправиться на фронт лишь 120 товарищам, остальных задержал в городе. Между некоторыми товарищами пришлось бросить жребий, так как все хотели принять участие в вооруженной борьбе с врагом и не хотели оставаться.

К 20 декабря уже точно был составлен список, а 25-го состоялось общее собрание отряда, на котором был избран начальник отряда—т. Авдеев и помощник—т. Украинцев. Каждый десяток избрал своего отделенного. Был избран также заведующий хозяйством—И. П. Логинов. Началось снаряжение и вооружение. Ютбою не было и от подростков-рабочих, но взяты были из них только двое. 30 декабря 1917 г. отряд наш присоединился к эшелону пермского отряда Красной гвардии, ехавшему также на Дутовский фронт под командой т. Барчанинова.

Оставшиеся рабочие напутствовали отправлявшихся товарищей наказом истребить без остатка дутовскую банду и иначе не возвращаться, а если будет туго—писать: приедут, мол, на подмогу. Уезжавшие в свою очередь давали наказ оставшимся зорко следить за контрреволюционерами, не выпускать из тюрьмы Злоказова, до тех пор пока он полностью не выполнит предъявленных требований о деньгах для завода. По веселому и приподнятому настроению уезжавших и провожавших можно было подумать, что люди здесь отправляются не на войну, не в беспощадный бой с классовым врагом, а едут совершать приятную экскурсию. Поезд отошел в час ночи, и, несмотря на позднее время, почти весь завод провожал свой отряд. По дороге, чтобы не терять время, было решено производить военные занятия, выделив в особую группу тех, кто мало или совсем не знал обращения с оружием и—в особенности с пулеметом.

До ст. Кинель (Самаро-Златоустовской железной дороги) никаких

¹ Я пишу лишь о тех командировках отряда, в которых мне лично приходилось участвовать. Но много нарядов отряд нес также и в городе, не говоря уж о заводе.

приключений не было. В Кинели уже стоял штаб отряда моряков с крейсера «Гангут», отряд анархистов под командой известного на Урале анархиста Жебенева и еще какие-то мелкие отряды. Здесь мы узнали, что в 50 верстах от станции идут бои и что военные действия происходят лишь по линии железной дороги. Каждый отряд хотел идти впереди других, и никто не хотел высаживаться из вагонов. Шли непрерывные общие собрания. После двухсуточного обсуждения и сговоров начальников отрядов, наконец, выступили, установив очередь следования эшелонов. Наш уральский эшелон оказался вторым; впереди нас шли моряки-гангутовцы, приехавшие на сутки раньше нас. Сзади шел эшелон анархиста Жебенева, а за ним остальные. В общем получилась непрерывная цепь эшелонов с интервалами от одного к другому не более как $\frac{1}{2}$ версты. Не доезжая до передней линии верст за 8, путь уже был забит, и надо было выходить из вагонов. Правда, при энергичном уплотнении и очистке пути, мы еще продвинулись вперед версты на 3.

Наконец, мы вблизи фронта и слышим пулеметную и оружейную стрельбу. Затихли песни в теплушках, увидели первых раненых красногвардейцев. Наш отряд получил боевую задачу совместно с артиллерийским взводом. Задача состояла в том, что мы должны были, сняв с передков 3 пушки, перенести их на руках на правый фланг противника, чтобы атаковать ст. Сырт, где укрепился отряд дутовских банд. Высланная разведка во главе с командиром вернулась, наметив место, где должны быть установлены орудия. Перенести батарею можно было только ночью. Имея в виду, что кругом был глубокий снег, особенно в ложбинах, т. е. как раз там, где нам удобнее всего было пройти незамеченными, мы сколотили из досок что-то наподобие лыж, на которые и положили, сняв с колес, орудие, а колеса просто несли на руках. Беда, однако, заключалась в том, что снег был рыхлый и проваливался не только от пушки, но не держал и человека. Пришлось поэтому сколотить целый помост-площадку из досок и, положив на него орудия, тащить их волоком. Тащить таким способом орудия нужно было по крайней мере верст 7—8.

Не успели мы их протащить и половины пути, как противник заметил нас и начал обстрел артиллерийским огнем. Сначала это вызвало некоторое смятение; некоторые хотели убежать к эшелону, но быстро были устыжены и повернуты обратно. Продвижение снова продолжалось, так как белые стреляли наугад и снаряды ложились далеко позади нас. Наконец, первое орудие достигло того места, откуда мы должны были начать обстрел станции. Там же на месте нас ожидало сторожевое охранение и разведка, посланная нами вперед. Место было у какой-то мельницы в низине, а с крыши мельницы очень хорошо было видно станцию и можно было корректировать стрельбу. Но, когда я залез на крышу, заметил на станции движение белых. Нужно было спешить; орудие установили, но не подошли товарищи со снарядами, и, лишь когда со станции потянулся первый эшелон белых, подошли, наконец, со снарядами красногвардейцы. Подвезли второе орудие. Впереди мельницы вы-

сланная нами разведка наткнулась на казачий разъезд, завязалась перестрелка. Послали вперед подкрепление и пулемет. Наконец, раздается первый наш выстрел, который произвел необычайную панику среди белых, хотя снаряд разорвался далеко за станцией. Второй снаряд лег уже ближе к станции. Начали постукивать пулеметы и щелкать выстрелы.

Белые, очевидно, были застигнуты врасплох,—во всяком случае артиллерийской стрельбы чуть ли не с тыла они никак не ожидали. Поднялась суматоха, задвигались вагоны, показалась цепь белых по направлению к мельнице, застрочил пулемет нашего заградительного отряда. Начался обстрел нашей артиллерией противника в лоб, но видно было, что белые главное внимание сосредоточили в нашу сторону, так как с их стороны заработали два пулемета. Наше заграждение было слишком жидкое, и белые начали огибать нас с левого фланга. Пришлось артиллерийский огонь одной пушки перенести со станции надвигающуюся цепь белых. Но беда в том, что снарядов у нас было принесено очень мало, а подносить их из эшелона теперь было уже гораздо труднее, так как надо было проходить под самым огнем белых. Вдруг у белых замолкла последняя пушка, реже стала ответная пулеметная и ружейная стрельба. После того как мы выпустили несколько снарядов по наступающей на нас цепи, белые залегли в снегу и начали отстреливаться. На станции или близ станции раздался крик «ура», но все же трудно было вначале понять, кто кричит «ура»—белые или наши красногвардейцы. Мы с командиром батареи забрались к наблюдателю на крышу мельницы. Уже начало светать, когда мы заметили, что белые отступают, хотя эшелоны со станции не двигались. Мы решили, что крики «ура», очевидно, относятся к нашим и поэтому в свою очередь, подняв на ноги свое «прикрытие», мы двинулись по направлению к станции. Цепь белых, которая демонстрировала на нас наступление, оказывается, была не чем иным, как прикрытием их отступления. Когда мы пришли к станции, там уже были наши товарищи, преследовавшие отступающих белых. На станции забрали около 10 пленных, в том числе трех мальчишек из оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Эти кадеты навзрыд ревели, валялись в ногах у матросов и просили пощады.

Так мы заняли ст. Сырт, после которой нам открывался более легкий путь наступления на Оренбург, где находился главный штаб ген. Дутова. На занятой нами ст. Сырт мы забрали трофеи: оружие, патроны, два паровоза, вагоны и пр. Оказалось, что наши снаряды разбили железнодорожный путь, чем и было отрезано отступление белых. Первое боевое крещение увенчалось успехом. У нас оказалось несколько человек раненых, двое убитых и много обмороженных, особенно из тех товарищей, которые лежали в цепи или были в сторожевом охранении.

После этого боя для несения сторожевого охранения должен был заступить отряд анархистов, которые, обидевшись, что не они заняли станцию (их не пригласили), наотрез отказались идти в сторожевое охранение. Помню я, как начальник отряда пришел в вагон командующего и требо-

вал, чтобы моих красногвардейцев немедленно же сменили, так как многие с обмороженными конечностями продолжали стоять на постах. Тут же в вагоне были два анархиста и женщина анархистка с черной повязкой на руке (знак анархистов). Анархисты возмущенно заявили, что они шли бить буржуазию, а не стоять на караулах, и поэтому их—анархистов—можно посылать только в бой, да и пойдут они тогда, когда найдут это нужным. «Насилия» над собой они никому не позволят. Начштаба уговаривал их, а они еще больше заносились. Тогда присутствовавший со мной мой помощник т. Украинцев, также рабочий с завода Злоказова, заявляет, что мы сейчас же соберем совместно с моряками собрание и решим, что с дезорганизаторами-анархистами делать; тех, кто не подчиняется боевому приказу, придется расстреливать. Тогда анархисты сразу сдали и обещали дать ответ через 15 минут. Мы вышли с ними из вагона, где толпились моряки и красногвардейцы из отряда Барчанинова (пермяки). Мы им рассказали о поведении анархистов; со стороны возмущенных красногвардейцев стали раздаваться крики: «разоружить их немедленно», «что штаб с ними миндальничает» и т. д. Через 5—10 минут анархисты уже шли сменять наших красногвардейцев, а последние над ними смеялись...

Дальнейшее продвижение наше к Оренбургу особых трудностей не представляло, так как дутовцы больше вели оборонительные действия. Им важно было как можно дольше задержать продвижение красных и успеть эвакуироваться из Оренбурга. Нашему же продвижению мешали еще и сильные бураны и морозы. Из-за сильных морозов посты полевого охранения и секретов приходилось менять почти каждый час-два. Мало кого из красногвардейцев можно было встретить без отмороженного лица, рук, ног. Если бы не снежные заносы, мешавшие продвижению Красной гвардии, Оренбург был бы взят значительно раньше и с меньшими жертвами.

Не мало волынки было и с выборами командного состава. Часто можно было наблюдать такую картину: десяток приходит с передовой линии в вагон и решает снять своего командира и избрать другого. Или же командир сам начинает снимать свою кандидатуру, а отряд старается его уговорить. Разгораются страсти до того, что спорящие хватаются за оружие, а пока спорят—смотришь время отдыха прошло и нужно идти снова на смену.

Дутовская армия состояла преимущественно из казаков Оренбургского казачьего войска и почти исключительно из стариков. Казачья молодежь и вернувшееся с фронта поколение среднего возраста к Дутову в то время еще не принимали. Кроме стариков Дутов мобилизовал весь учащийся состав 2-го Неплюевского кадетского корпуса в г. Оренбурге. Большинство же населения казачьих станиц к красным враждебно не относилось. 16 января 1918 г. красные с боем заняли ст. Каргал, около 35 верст от Оренбурга. Мороз был настолько сильный, что больше одного часа на постах стоять нельзя было, люди буквально коченели. Выбывали из строя главным образом вследствие обмороживания.

В ночь с 16 на 17 января наши части готовили наступление на 18-й разъезд; вдруг проходит слух, что белые бежали из Оренбурга. Ведем разведку, доходим до 18-го разъезда—белых нет. Слышим со стороны Оренбурга движение поезда в нашу сторону, решаем, что это броневик; выслали по обеим сторонам железнодорожного полотна цепи. Нашим глазам представилась следующая картина: идет поезд в составе 8—10 товарных вагонов, паровоз сзади, вагоны впереди. Подходя к разъезду, поезд замедляет ход. С тендера паровоза раздаются крики «ура!», «Да здравствует Красная гвардия!». Вылезать открыто опасно,—может быть это провокация; некоторые из наших все же отвечают «ура!» и с винтовками наперевес выскакивают из засады. Затем поднимаются и все остальные, и мы бежим к паровозу. Со стороны прибывших не слышно ни одного выстрела; наоборот, раздаются приветствия. Оказалось, что это оренбургские железнодорожные рабочие приехали встречать нас после того, как Дутов бежал из Оренбурга. Мы быстро вкарабкались в товарные вагоны, наполовину загруженные товаром, и понеслись в Оренбург.

В Оренбурге на перроне вокзала нас ждали рабочие и подпольный большевистский комитет, организовавший уже отряды Красной гвардии. Нас снова встретили криками «ура!». На вокзале все перемешалось. Шли митинги, ловили не успевших удрать белых. Отряды перемешались, и мне с большим трудом удалось собрать злоказовский отряд. Начали прибывать остальные отряды со ст. Каргалы. К рассвету Оренбург был уже полностью в руках красных. В помещении железнодорожного управления заседал Военно-революционный комитет. Большевистский комитет партии выпустил воззвание к населению. Дутов был разбит и отступил по двум направлениям: частью по Орской железнодорожной ветке, частью на Актюбинск. В Оренбурге сейчас же организовались рабочие дружины и началось прощупывание обывателей, особенно квартир казачьих офицеров и кадет. Разбив Дутова и взяв Оренбург, мы в конце января выехали обратно в Екатеринбург.

ПОЕЗДКА НА VII СЪЕЗД ПАРТИИ

В середине февраля 1918 г. состоялась Уральская областная конференция партии большевиков, на которой от Екатеринбургского комитета делегатом на VII Всероссийский съезд партии был избран в числе других и пишущий эти воспоминания.

Как известно, в то время шла дискуссия в партии об отношении к миру с германскими империалистами (Брестский мир). Большинство уральских организаций, насколько помнится, высказалось против мира с немцами. Правда, у наших тогдашних партийных лидеров не было единодушия в этом вопросе. Например, Е. Преображенский и Сосновский были против мира, Крестинский колебался, Голощекин был за мир. Во всяком случае та группа делегатов, с которой я ехал на VII съезд, была единодушно против мира. В группе делегатов, поехавшей на съезд вместе со мной, были, помнится: Сафаров, Н. Н. Кузьмин—старый уральский большевик, ин-

женер, умерший от тифа в 1923 г., делегат от Невьяновской организации и делегат от Богословского горного округа—Надеждинский завод; фамилий обоих последних товарищей я не помню. В связи с разрушением железнодорожного транспорта мы из Свердловска в Ленинград ехали около 11 суток и на съезд опоздали. В Питер мы приехали на другой день после закрытия VII съезда партии. Вопрос о Брестском мире съезд решил, как известно, не так, как думала наша уральская делегация. Было решено одобрить заключение Брестского мира с Германией. Но в то же время в Питере под руководством Бухарина и др. оппозиционеров стала выходить оппозиционная газета «Коммунист». В этой газете было помещено наше мнение, т. е. мнение той части уральской делегации, которая на съезд опоздала¹.

Обратно я собрался ехать с т. Ф. Голощекиным, а Сафаров и др. оставались в Питере. Оппозиционеры нагрузили меня до отказа экземплярами газеты «Коммунист» и др. литературой, которую я должен был доставить в Екатеринбург. Садиться же в поезд было невероятно трудно. Места в вагонах брались буквально с боя. При посадке меня с моей литературой так затерли, что бичевки одного тюка лопнули, а газеты и листовки посыпались под вагон и на платформу. О том, чтобы подбирать, и думать было нечего. Я заботился лишь о том, чтобы второй тюк сохранить в целости. Когда, наконец, мы с т. Голощекиным заняли места в вагоне, я кинулся собирать рассыпанную литературу, но там уже почти ничего не осталось—вся она была под ногами садившейся толпы столкнута под вагоны. Подождав малую толику, я вернулся в вагон с жиденькой пачкой от пудового тюка. Зато т. Голощекин сидел и хохотал надо мной, советуя мне и остальную свалить под вагон.

По дороге из Питера я от т. Голощекина наслушался рассказов о работе т. Ленина и о той борьбе с оппозицией, которую партия во главе с т. Лениным вела. Сомнения, которые у меня были насчет правоты оппозиции, после беседы с т. Голощекиным уже переросли в неверие. Я не верил взглядам оппозиции. На этом и закончилась моя оппозиционная

¹ Мне не забыть, как в гостинице «Астория» Сафаров предложил мне написать статью от имени уральских рабочих, протестующую против Брестского мира. Сколько я ни доказывал, что я не только статей, но никогда и заметок никаких не писал, он был неумолим и, закрыв меня на ключ в номере, ушел, оставив мне бумагу и чернила. Стал я ломать голову, как мне написать статью против Брестского мира, и если бы т. Сафаров накануне не водил меня на какое-то собрание, где я наслушался убийственных для нашей точки зрения доводов, то может быть что-нибудь я бы и написал. Но как только я вспоминал слова оратора, говорившего за Брестский мир, его указания на состояние Красной гвардии, как только я сравнивал его слова с тем, что я видел в Екатеринбурге и на Дутовском фронте, — выходило, что все, что он говорил, истина. Поэтому, сколько я ни пыжился и ни старался, мне написать ничего не удалось, и я лишь выкурил множество папирос. Тов. Сафаров застал меня в густом облаке табачного дыма, но бумага была чиста — статьи не было. Выругав меня, он сел и, к моему великому изумлению, в течение каких-нибудь 10 минут на моих же глазах написал такую статью, что я диву дался. Подписать эту статью мне, конечно, ничего не стоило. Не помню, была ли помещена эта «моя» статья или нет, но подписал я ее «Уральский делегат рабочий А. Авдеев».

работа, если не считать, что по приезде я, сдав литературу, рассказал, как мог, о том, что было в Питере, нашему тогдашнему лидеру оппозиции Е. Преображенскому.

С СЕКРЕТНЫМ ПОРУЧЕНИЕМ В ТОБОЛЬСК

Через несколько дней по моем возвращении из Питера со съезда партии меня срочно вызвал к себе председатель Екатеринбургского комитета партии т. Ф. Голощекин. Я от него совершенно секретно получил, примерно, следующую информацию и задание: находящийся в Тобольске б. царь Романов собирается удрать из Тобольска за границу. Этому побегу способствует та меньшевистско-эсеровская власть, которая до сих пор существует в г. Тобольске. По имеющимся в партийном комитете сведениям побег бывшего царя готовят черносотенцы, съезжающиеся в Тобольск и вокруг Тобольска. Уральский обком партии решил во что бы то ни стало предотвратить побег бывшего царя, организовав в Тобольске подлинно революционный Совет рабочих и солдатских депутатов, распустив все реакционные организации: земства, думу и поставив к бывшему царю надежную охрану. Для выполнения этой важнейшей и ответственной задачи обком партии командирует ряд товарищей и групп. Для руководства ее выполнением назначаются 3 товарища: 1) т. Павел Хохряков (большевик, моряк из Балтийского флота, геройски погиб в бою на Восточном фронте в 1918 г.); 2) Семен Заславский, рабочий, токарь по металлу, член партии с 1905 г., и 3) Александр Авдеев.

Моя задача состояла в том, чтобы подобрать надежную группу большевиков красногвардейцев и с ними немедленно выехать в Тобольск. Собраться мы должны были в 24 часа. Поручение было серьезное, ответственное и чрезвычайно интересное. Как-то не верилось, что, быть может, через несколько дней мы, «чумазые» рабочие, будем держать в руках всероссийского самодержавного палача, от одного слова которого падали лучшие революционеры, по приказу которого в продолжение 3 лет империалистической бойни умирали и калечились миллионы самых здоровых людей. Иногда казалось, что это просто сон. Поскольку поручение было совершенно секретное, то и сообщил я о нем только тем товарищам, которые должны были ехать в Тобольск. Такими товарищами были: И. П. Логинов, Мицкевичи два брата, И. Крашенинников, Антон Бабич и др. Поехали мы все по подложным документам и под другими фамилиями. Прежде чем выехать из Екатеринбурга, я зашел к тт. Войкову и Дидковскому, от которых я получил подробную инструкцию.

В Тобольск мы прибыли без особых приключений, если не считать того, что в Тюмени, напр., мы на постоялом дворе узнали, что там открыто формируются сразу две армии—и красная, и белая. Так как в Тюмени у нас была дневка, то мы пошли по городу и действительно убедились, что там имеются штаб белой и штаб Красной армии. Оба штаба записывали добровольцев.

В Тобольске мы быстро связались с тт. Хохряковым и Заславским.

План действий был составлен с распределением заданий каждому, и мы приступили к выполнению задачи, поставленной нам Уральским областным комитетом партии. Свержение меньшевиков и эсеров не представляло особых трудностей, так как они совершенно разложились; возглавляемый ими Совет рабочих и солдатских депутатов болтался в ногах у земской и городской дум. Правили в городе монархисты и кадеты. Связавшись с городскими рабочими, а также с рабочими лесопильного завода, консервной фабрики, мельницы и др., мы развернули кампанию за пере выборы горсовета и за разгон реакционных дум—земской и городской. Активно нас поддерживали возвращавшиеся с фронта солдаты. Совет был переизбран, и председателем его был избран наш товарищ П. Хохряков, членами были избраны Заславский, Авдеев и др.

Сейчас же после пере выборов Совета были распущены все реакционные организации, и т. Хохряков, посетив место заключения бывшего царя, убедился, что Н. Романов и его семья находятся пока на месте. Но мы располагали сведениями, что побег Н. Романова предполагается как только вскрыется река Иртыш. С отправлением его из Тобольска нужно было, таким образом, спешить до вскрытия реки. Мы информировали об этом Уральский комитет партии и просили разрешения немедленно выслать бывшего царя из Тобольска.

После переговоров с ЦК партии нам сообщили, что ВЦИК высылает в Тобольск особоуполномоченного Яковлева, который и должен вывезти Н. Романова на Урал. Вскоре к нам на подмогу прибыли два отряда: один из Омска во главе с т. Демьяновым, второй из Екатеринбурга под командой т. Бусяцкого. Старая охрана, посланная для наблюдения за бывшим царем Временным правительством, состояла из гвардейских полков под командой подполковника Кобылинского и была безусловно ненадежной. Черносотенцы, как местные, так и приезжие, свободно посещали бывшего царя. Содержавшаяся формально под арестом и в заключении царская семья удобно разместилась в бывшем губернаторском доме, имея около 60 человек своих старых слуг и прислужников. В начале апреля 1918 г. приехал в Тобольск уполномоченный ВЦИК Яковлев, совместно с которым мы вывезли Н. Романова в Екатеринбург.

По доставлении бывшего царя в распоряжение Уральского областного Совета внутреннюю охрану дома Ипатьева, где он был заключен, нес отряд Красной гвардии завода Злоказова во главе с автором этих строк.

В продолжение тех 2½ месяцев (апрель—июнь), когда наш отряд охранял бывшего царя, мы подвергались самым тяжелым испытаниям. Напряженность и бдительность, с которой красногвардейцы должны были нести караул, постоянные соблазны вплоть до подкупов как со стороны заключенных, так и со стороны приверженцев бывшего царя с воли, старавшихся завязать связь с арестованными,—все это сказывалось на отряде, тем более что тут же приходилось обучаться военному делу. Отряд все время ставил перед Уралоблисполкомом и комитетом партии вопрос,

чтобы их скорее отправили на фронт. В начале июля просьба отряда была, наконец, удовлетворена, и мы выступили на Чехословацкий фронт.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ФРОНТ

В июле 1918 г. чехословаки совместно с белогвардейцами все ближе и ближе подступали к Екатеринбург. После того, как они взяли Челябинск и Златоуст, пал также и Кыштым, и по железной дороге до Екатеринбурга оставался лишь один Уфалейский завод (около 160 верст). Екатеринбургский комитет партии мобилизовал новое пополнение на фронт, чтобы на случай невозможности вернуть обратно Кыштымский завод,—по крайней мере, задержать противника, обеспечив нашим организациям возможность эвакуироваться из города.

В военном совете был тогда представителем обкома т. Н. Толмачев, героически погибший в 1919 г. на Питерском фронте. Я получил от него задание организовать отряд и двинуться на подкрепление под Кыштым. В то время на заводе б. Злоказова рабочих оставалось уже не более 300 человек, и то это были или старики, или женщины и подростки. Все способные носить оружие были уже в рядах Красной гвардии (или на фронте, или на охране города) на общественно-политической работе и т. д. Многие к этому времени уже выехали с завода в город, в деревню Уктус и т. п. Отряд поэтому подобрался не более чем в 100 человек, но зато все они в большинстве были в свое время фронтовиками. В отряде имелись два пулемета, у каждого по несколько гранат и т. д.,—словом, вооружение было по тому времени очень хорошее.

Я связался с С. В. Мрачковским, под общее командование которого входил и мой отряд, и в одном эшелоне с ним мы двигались на фронт. В нашем эшелоне имелись 2 «бронированных» площадки. Это были обыкновенные товарные вагоны, стенки которых были обложены мешками с песком и шпалами. В стенках вагонов были устроены отверстия, служившие бойницами для пулеметов. Вот с таким «броневиком» мы и двинулись в наступление на чехословаков.

В ночь с 8 на 9 июля, доехав на поезде до нашего сторожевого охранения на передовой линии фронта, мы высадились. Наступление должно было начаться, как только начнет светать. Был отдан строжайший приказ соблюдать тишину, чтобы не привлечь внимания противника; было также категорически запрещено курить. Мой отряд залег с левого фланга. Впереди шли те, кто уже хорошо умел обращаться с оружием, и те, кто уже побывал на Дутовском фронте,—словом, обстрелянная публика. Во второй цепи должны были идти новички. Как только начало светать, по цепи передана была команда выступить. С винтовкой наперевес мы поднимаемся и начинаем двигаться вперед. Зловещую тишину нарушает лишь хруст веток под нашими ногами. Не успели мы пройти шагов 20—30, как с правого фланга раздается ружейный залп со стороны противника. Очевидно, чехи заметили наше движение. На-

чинается стрельба, и с нашей стороны зататакал пулемет, запыхал паровоз нашего броневика. Чехи стреляют разрывными, и над нашими головами, ударяясь о ветки деревьев, то-и-дело разрываются пули. Становилось все светлее и светлее. Видно было, как чехи в одних белых рубашках, заправленных в брюки, делают перебежку ближе к полотну и к загнувшемуся левому флангу. Они открывают сильный оружейный и пулеметный огонь. Ложусь подле дерева и начинаю стрелять. Но слышу над самой своей головой свистят пули, поворачиваюсь, оглядываюсь и вижу, как мой племянник Аристарх, 16-летний парень, уткнув голову в мох, стреляет прямо в меня. Кричу—не слышит, но вот подползает к нему товарищ и, наконец, тот сообщает, что чуть было не пристрелил меня, и прекращает стрельбу.

На их броневике оказалось орудие, которое и начало бить шрапнелью. Бой продолжался около 5 часов без перевеса в чью-либо сторону, но под конец наш правый фланг дрогнул, и мы были вынуждены несколько отступить. Отступив, мы остановились на новых позициях. Здесь мы вторично вступили в бой с чехами. Наступление белых было отбито, и наши закрепились на занятых позициях. Я в этом втором бою был контужен: меня направили в Екатеринбург, откуда накануне занятия его чехословаками (26 июля 1918 г.) я был отправлен в Пермь.

В Перми я, выписавшись из лазарета, явился к т. Белобородову, бывшему в то время председателем облисполкома, и заявил о своем желании снова идти на фронт. Тов. Белобородов предложил мне выполнить одно важное поручение президиума облисполкома, связанное с командировкой в Москву. Во-первых, я должен был увезти в Москву ценный чемодан, сдал его лично тогдашнему наркому финансов, нашему уральцу Н. Н. Крестинскому. Из Москвы же я от него должен был привезти литографские камни и др. принадлежности для печатания денег на Урале. Поручение это я принял, получив соответствующие инструкции от заведующего областным финансовым отделом, старого уральского большевика Ф. Ф. Сыромолотова. В помощь себе я взял двух красногвардейцев партийцев. Доставив и передав ценный чемодан Н. Н. Крестинскому, я литографских камней в Москве уже не застал, так как т. Крестинский их со специальной оказией отправил в Пермь. Выполнив это поручение, я возвратился в Пермь и получил решение обкома партии о назначении меня военным комиссаром 3-й бригады 10-й стрелковой дивизии.

Начальником 3-й бригады был назначен И. Ю. Томашевский, бывший полковник старой армии, в продолжение всей гражданской войны преданно работавший в Красной армии. К этому же, приблизительно, времени прибыли московские большевики, рабочие тт. Н. К. Будан, который был назначен комиссаром полка в Усолье, и Понамарев, назначенный комиссаром полка в Перми,—оба металлисты. Несколько партийцев было мне дано в помощь и из моих соратников—уральских рабочих. После того как организующиеся полки были пополнены коммунистами, стало не так страшно за формирование. Все партийцы были настолько

бдительны—иногда даже придирчивы—по отношению к комсоставу, что их даже приходилось в этом отношении сдерживать.

Комсостав нам доставлял тогда мобилизационный отдел Перми. Но если бы не личные связи с бывшим офицерством т. Томашевского, мы вплоть до наступления Колчака никакого бы комсостава не получили. Наоборот, от нас старались перетянуть к себе не только комсостав, но и целые сформированные роты. Людской состав мы получили скоро. Но формирование частей приходилось производить в очень тяжелых условиях, чуть ли не в обстановке осадного положения. Колчаковские банды, вкуче с чехословаками, уже были под Кунгуром.

Самые трудные условия формирования были в г. Усолье. Не говоря уже об одежде, все мобилизованные обучались в лаптях; очень скверно обстояло с питанием. Размещались красноармейцы по квартирам обывателей, настроение которых было далеко не в пользу Советской власти. Вооружением служило не более 10—15 винтовок на весь полк. Ружейным приемам обучались поэтому с палками. Все же благодаря большой энергии и умело поставленной политической работе военкома полка т. Будана, полк был сформирован. Правда, и командир полка оказался довольно солидным военным специалистом и был предан Советской власти.

После того как в каждом полку было сколочено партийное ядро, дело с формированием начало быстро подвигаться вперед. Необходимо отметить, что по партийной и культурно-просветительной работе никаких писанных инструкций в то время не было. Взаимоотношения комсостава и политсостава складывались на почве пролетарского чутья. Опыта по ведению политработы негде было позаимствовать. Военные же специалисты, бывшие офицеры старой армии, были против смешения политики и военной работы. Им казалось диким вести политическую обработку солдата, в котором они привыкли видеть безмолвную скотину. Когда комиссар начинал красноармейцам объяснять, за что мы должны воевать, бывшие офицеры приходили от этого в ужас. Поэтому легко себе представить всю трудность работы комиссара того времени.

Вот примерные заповеди военкома, записанные в то время в записную книжку: 1) Комиссар, следи зорко за специалистом, но не трагивай его самолюбия. 2) Комиссар, учись военному искусству у военспеца, но не подпадай под его влияние и обрабатывай его политически, делая из него защитника Советской власти. 3) Комиссар должен добиться такого авторитета и влияния над красноармейцем, чтобы его слово для них было законом. 4) Комиссар в своей личной жизни должен быть настолько образцовым человеком, чтобы мог заставить своих красноармейцев голодных идти в бой и умирать за революцию. 5) В самые опасные для части моменты комиссар должен быть на виду у всех красноармейцев и быть примером спокойствия и храбрости. 6) Комиссар должен быть массовиком и знать психологию масс, чтобы уметь различить бузотерство от справедливой критики. Конечно, сейчас к этим заповедям надо было бы добавить еще многое, но и с этой инструкцией

партия через комиссаров совершила небывалое в мире явление, превратив развалившуюся царскую армию в революционную Красную армию, и убедив уставших от империалистической войны и сбежавших с фронта солдат снова взять винтовки и снова идти воевать.

В ноябре 1918 г. мне было предложено принять должность военного комиссара 10-й стрелковой дивизии, штаб которой находился в Вятке. Сдав дела бригады в Перми, я приехал в Вятку и вступил в новую должность.

После ознакомления с политическим и хозяйственно-административным состоянием дивизии я попросил у обкома дать мне группу партийных товарищей. Моя просьба была удовлетворена. Состояние частей оказалось весьма плачевным. Не говоря уже о слабой прослойке партийцев в рядах красноармейцев, подбор комиссаров был настолько неудовлетворителен, что некоторых из них пришлось тут же заменять или просто смещать. В одном из полков я застал военкома за картежной игрой с бывшим офицером. В другой части я встретил изящно одетого молодого человека в белых перчатках, старавшегося не выговаривать букву «р», то-и-дело хлопавшего шпорами и вытягивавшегося в струнку. Думаю, что это не иначе, как какой-нибудь адъютант из кадетов. Не обращая внимания на этого попугая, ищу военкома. Каково же было мое изумление, когда мне сказали, что это и есть «военком». Чтобы не смешить людей, отвожу его в сторону и приказываю ему идти и приготовить мне все документы и бумаги о партработе, списки партийцев и пр. Оказалось, что этот субъект сам себя провел в партию и, сделавшись военкомом, обзавелся парой лошадей, двумя денщиками и пр. Себе и командиру полка он назначил подъемные, а полк голодал. Конечно, военкома под конвоем отправили в Вятку в особый отдел. Отстранили и командира. После докладов в обкоме партии дивизию усилили новой группой партийцев.

К этому, примерно, времени военком артиллерии в секретном письме сообщил мне, что начальника артиллерии и весь командный состав 3-й артиллерийской бригады он считает ненадежными и для личного доклада просит разрешения приехать в Вятку из г. Слободского. Получив это разрешение, он выехал, оставив на месте своего заместителя. Но не успел он выехать из Слободского, как весь комсостав артиллерии сбежал по направлению к северу на соединение с англичанами, мечтавшими в свою очередь соединиться с колчаковскими бандами. С заместителем военкома они поступили очень просто: его заманила к себе одна из жен бывшего офицера и нето дало ему с вином снотворного, нето он просто так напился, что спал больше 12 часов. Контрреволюционеры захватили лучших коней, вооружение и всю наличность кассы. Они не забыли забрать почти со всех орудий бусоли и прицелы-панорамы, без которых орудия никуда не годны.

Когда военком артиллерии т. Травников излагал мне свои подозрения против комсостава, я получил срочный вызов к прямому проводу

из Слободского. Оказалось, что уже 10 часов прошло с тех пор, как беглецы выехали из Слободского. Травникову дано было задание не возвращаться, пока не будут переловлены все офицеры. Для того, чтобы соединиться с англичанами, беглецы должны были проехать около 300 верст почти по безлюдной местности при 50⁰ мороза. Организовалось два отряда для поимки беглецов. Через 3 суток получены были первые сведения, что одна группа в 5 человек достигнута. Из них 4 было убито при сопротивлении. Следующее извещение гласило, что и остальные пойманы.

Вскоре после этого случая, примерно сейчас же после падения Перми, во второй половине декабря в дивизию пришло секретное донесение военкома 10-го кавалерийского полка о том, что комсостав и у него что-то замышляет. Он просил прислать ему в подкрепление партийцев. Полк этот был расквартирован в с. Вознесенском, около 150 верст от Вятки. Мобилизовав группу партийцев из штаба и др. частей, мы их послали в кавалерийский полк, но уже было поздно. Бывшие офицеры, подготовив себе почву среди красноармейцев агитацией, что при переходе к Колчаку он их всех отпустит домой, перерезали горло военкому и начали расправляться с остальными коммунистами. Ими было убито 26 человек, 6 человек успело убежать. Подняв царский флаг, полк в составе 600 сабель двинулся по направлению к Колчаку, но по дороге некоторые красноармейцы начали сознавать, что их обманули, и человек 200 отстали. Кое-кто из них дезертировал, а кое-кто вернулся с покаянием в штаб дивизии.

Людской состав дивизии состоял главным образом из местного населения—вятичей и отчасти пермяков. После того как колчаковские войска начали теснить наши части от г. Перми к Глазкову, началось дезертирство. Мы снеслись с Реввоенсоветом республики и получили приказ сначала отправить два полка под г. Нарву, а затем всей дивизией идти на Западный фронт, расположив штаб дивизии в г. Пскове.

Несмотря на секретный характер приказа, красноармейцам о предстоящей переброске каким-то образом стало известно. К утру (приказ был получен ночью) дезертировало 150 человек. Организовали специальную ударную группу по борьбе с дезертирством. Все коммунисты, до комиссара полка включительно, были на ногах и не имели права отлучаться из части, не говоря уже о том, что всем было категорически воспрещено жить на частных квартирах. Началась отправка полков, настала пора речей, убеждений. К каждому вагону были прикреплены 4—5 человек партийцев, которые отвечали вместе с комсоставом за дезертирство.

Главная задача состояла в том, чтобы выехать из родной для красноармейцев губернии. Были случаи, когда оставались чуть ли не пустые вагоны, а люди, связав своих караульчиков, на полном ходу выскакивали из вагонов. Тем не менее усилиями, главным образом, партийцев все

же первые два полка пришли на фронт с составом в 75%. Это при сложившихся обстоятельствах было неплохо.

В январе 1919 г. двинулась в путь и вся дивизия.

ПСКОВСКИЙ УЧАСТОК СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

В Пскове во время прихода 10-й дивизии стояла 2-я Новгородская дивизия. Так же, как и в нашей дивизии (откуда начдив был отозван и назначен командармом 7), начдива там фактически не было. Военкомом дивизии был Я. Фабрициус, который впоследствии, будучи помощником командующего Закавказским округом, так нелепо погиб на аэроплане в 1929 г. под Сочи. Своих полков у 2-й дивизии почти не было, а были лишь всевозможные части, прикомандированные к ней. Кроме того, вообще не было никакого смысла иметь в Пскове две дивизии. Поэтому мы и получили приказ 7-й армии обе дивизии слить и именоваться 10-й стрелковой дивизией. Комиссарами дивизии остались Я. Фабрициус и А. Авдеев (в то время во многих дивизиях практиковалось назначение двух военкомов).

Фронт 10-я дивизия занимала около 120 верст. Нашими противниками были, помимо белоэстонцев и сводных французских и английских отрядов, русские белогвардейцы. Население в районе фронта было в большинстве эстонское, враждебно относившееся к Красной армии. Технически противник был вооружен гораздо лучше, чем Красная армия, хотя с питанием у них особенно в белогвардейских отрядах дело обстояло не лучше нашего.

Показателями того, где лучше кормят, служили профессиональные дезертиры. Некоторые из них ухитрялись по 8 раз переходить от красных к белым и обратно. Некоторые командиры полков рассчитывали, что если давать мясной суп подряд неделю, то от белых перейдет к нам не меньше роты. Если давать каждую неделю по восьмушке махорки на красноармейца, то надо ждать неизбежно от белых пополнения. Бывало, что военком полка сообщает об усилении дезертирства, так как у белых подвезли свинину и белый хлеб. Несмотря на наличие подобных фактов дезертирства, большинство дралось геройски и очень редко сдавалось в плен, да и то при предательстве и агитации бывших офицеров. Например, 49-й Гдовский полк не раз уничтожал целые части белогвардейцев и имел уже Красное знамя от ВЦИК. 87-й полк своими геройскими действиями наводил ужас и панику на белых. Красноармейцы этих полков были гордостью дивизии и служили ярким примером для других частей.

Не обходилось и без случаев предательства бывших офицеров. Таких случаев было три. Вскоре после нашего прибытия из Вятки первое предательство произошло со стороны «военкома» Чудской флотилии Морозова. На Чудском озере мы имели свою красную флотилию в виде 3 небольших пароходов, вооруженных 3-дюймовыми орудиями, пулемет-

тами и др. оружием. Всю эту флотилию «военком» Морозов передал Булак-Балаховичу. В этом деле сыграла роль некоторая доверчивость покойного Фабрициуса к Морозову, хотя красноармейцы неоднократно предупреждали штаб дивизии о ненадежности этого «военкома». Во время этого предательства отряд Булак-Балаховича мог бы беспрепятственно прийти до Пскова. Но своевременно принятые меры со стороны 3-й бригады, отбившей натиск белых, предотвратили эту опасность.

Не менее чувствительное предательство произошло у ст. Изборск. На сторону белоэстонцев перешел командующий Красной эстонской бригадой бывший поручик Ритт. С ним перешел почти весь его штаб. Только благодаря бдительности наших красноармейцев, а в особенности благодаря распорядительности командира 88-го полка т. Жарова, удалось своевременно заполнить прорыв, образовавшийся при переходе Ритта на сторону белых.

Третий случай предательства произошел на самом левом фланге у дер. Пашковичи. Там один из батальонов 7-го Ярославского полка полностью с музыкой перешел на сторону белых, перебив всех большевиков, находившихся в этом батальоне. Некоторые из этих товарищей пали смертью героев и перед своей гибелью сумели убить адъютанта полка и ранить нескольких других предателей. При переходе этого батальона предатели не только убили всех коммунистов, но и тех беспартийных, которые отказались с ними переходить. Всего было убито около 40 человек. Прорыв оказался шириной примерно около 6 верст, и только благодаря тому, что белые вначале не совсем поверили переходу на их сторону батальона и поэтому не сразу двинулись в прорыв, мы могли удержаться на наших позициях. Предательства эти лишний раз показали, что военком, используя военных специалистов из бывших офицеров, должен проявлять максимальную бдительность.

Главный удар белоэстонцы сосредоточили против ст. Изборска, потому что при обладании этой станцией им попадали в руки и знаменитые в той местности, сохранившиеся со времени империалистской войны, изборские окопы. Помимо того, что эти изборские позиции имели большие преимущества в стратегическом отношении, они открывали возможность подступа к Пскову.

Помнится случай с бронепоездом «Стенька Разин», присланным нам из Питера. Команда этого бронепоезда состояла исключительно из моряков, которые, пользуясь заслуженным преимуществом, иногда им злоупотребляли. Так, напр., в составе этого поезда в распоряжении команды были два международных вагона, где была масса всякой утвари. Каждое купе было буквально набито всякой всячиной: самоварами, швейными машинами и пр. Об этих ненормальностях в штаб дивизии передано было секретное сообщение. Когда мы с комиссаром артиллерии т. Самарцевым взяли список личного состава команды, то увидели, что старых моряков там очень мало, что большинство команды составляли «невские клешники», как в то время называли не плававших в море

молодых матросов. По приходе поезда сразу же переселить команду в жесткие вагоны было неудобно. Поэтому решили посмотреть, каковы они будут в бою. Если, мол, действительно ребята боевые—пусть их путешествуют в международных вагонах.

Вскоре началось наступление белых, и «Стенька Разин» получает приказ выступить. Садимся с т. Самарцевым в бронепоезд к наблюдателю орудийной башни. Со стороны белых тоже введен в бой бронепоезд. Началось артиллерийское состязание между нашим бронепоездом и броневиком противника. В помощь нашему бронепоезду открыла огонь находящаяся на нашем правом фланге артиллерия. Ободренные нашим мощным артиллерийским огнем цепи пехоты начали перебежку, заходя вперед броневика. Даем распоряжение двигаться вперед, чтобы, по крайней мере, не отставать от цепи. Место для продвижения удобное, скрытое, но наша команда (командир поезда находился рядом с нами) не выполняется. Повторяем команду и запрашиваем причины невыполнения нашего распоряжения. Оказывается, «братва» не желает дальше двигаться. Отдаем вторично приказ; посылаем командира на паровоз. Наконец, двигаемся; цепи наши уже занимают станцию, и броневик белых отступает вместе со своими частями. Наконец, и наш бронепоезд доходит до стрелки станции, так как дальше идти нельзя—разобран путь. Не успел остановиться наш бронепоезд, как «братва», выбежав из вагона, бросается к жилым станционным помещениям. Наши цепи устремляются вперед по пятам противника, в то же время мы окапываемся близ станции. Мы с т. Самарцевым вышли из броневика и идем осматривать станцию, не упуская из вида убежавшую с бронепоезда группу матросов. Последние скоро появились. Показались первые 2 человека с узлами. Навстречу им бежит т. Самарцев. Я подзываю командира бронепоезда, и мы идем к мародерам. Самарцев приказывает им все, что они взяли, отнести обратно. Они отказываются. Один из них выхватывает наган, но Самарцев предупреждает его, и он валится на свой узел. Второй же, бросив узел, поднимает руки и просит прощения. Услышав выстрел, выбегают из помещений остальные. Подаем команду по местам. Расходятся смущенно, ворча что-то. Бежит железнодорожный служащий и берет свои вещи, лежавшие возле убитого мародера. Начинаем ремонтировать железнодорожный путь на станции и вызываем на смену «Стеньки Разина» бронепоезд № 7. Подошла артиллерия, подошли резервные части пехоты, закрепляем занятую станцию. Команде бронепоезда «Стенька Разин» мы производим генеральную чистку при отводе его в Псков. Большинство команды само постановило переселиться в обычные вагоны, выбросить все лишнее и т. д. и т. п.

Еще одна волынка произошла в Пскове с 8-м Новгородским полком, который считался боевым полком и около 2 месяцев участвовал в боях в рижской группе. После того как нашу дивизию посетил т. Лепсе, бывший тогда членом Реввоенсовета 7-й армии, нам обещали солидное подкрепление именно передачей этого полка. Прибытие 8-го Новгород-

ского полка в Псков совпало с наступлением противника почти по всему фронту, а главным образом со стороны Чудского озера на г. Гдов и ст. Ям. Поэтому, спустя 2—3 дня после его прибытия, полку был отдан приказ выступить на ст. Ям в распоряжение 3-й бригады. С большой волейной, митингами и пр. удалось посадить в вагоны людей и отправить из Пскова.

Но по приезде на ст. Ям полк, вопреки запрещению комиссара, самовольно собрал митинг и вынес решение «отдыхать две недели», так как в Пскове им не дали достаточно отдохнуть. На фронт он постановил не выступать и решил требовать, чтобы его отправили обратно в Псков.

По получении об этом сообщения от военкома бригады мы решили полк отозвать обратно в Псков и здесь уже привести его в порядок. Но, приехав в Псков, красноармейцы из вагонов не вылезают и не расстаются с оружием. Отводим им квартиры в городе. Назначаем собрание. На собрание полк выходит в боевом походном порядке. Мы окружаем собрание кавалерийским отрядом; пулеметную команду разоружаем. Я с начальником особого отдела т. Лацисом находимся в окружении вооруженного полка. Стоя на автомобиле, мы предлагаем всем тем, кто не хочет идти против Советской власти, немедленно же сдать оружие и выдать зачинщиков. Поднялся невообразимый шум, крики: «Стаскивай комиссара, бей его!», потянулись руки к автомобилю. Наши два грузовика с пулеметами подъезжают к толпе с направленными на нее дулами. Это сразу же отрезвило толпу. Держа маузер наготове, прошу внимания. Наконец, замолкают крики и шум. Заявляю, что все они окружены кавалерией и пулеметами и малейшее с их стороны поползновение расправиться с нами двоими вызовет необходимость уничтожить всю толпу. Одно из двух: или они должны немедленно сдать оружие, или сейчас же пулеметы откроют огонь. Все сразу затихли. Стало ясно, что настал решающий момент—и или они сейчас сдадутся, или мне и Лацису—крышка. И те, которые 5 минут назад тянулись к нам, чтобы стащить с автомобиля, первыми положили винтовки в наш автомобиль. Один из красноармейцев выступил с призывом покончить бузу и сдать оружие. Подошел грузовик, на который начали складывать оружие. Некоторые попытались ускользнуть, но наши кавалеристы их задерживали, обезоруживали и возвращали обратно. Перелом произошел. Оружие было сдано, и грузовик его увез. Приказываем выступить два шага вперед комсоставу до взводного командира включительно и политсоставу (партийцев, правда, в полку осталось очень мало—всего лишь 5—6 человек, так как в последнем бою они почти все были или убиты, или ранены). Когда командиры и политработники вышли, объявляем, что они передаются в распоряжение военного трибунала. Красноармейцам предлагаем выдать тех, кто их сагитировал. Начали выкрикивать фамилии, назвали до 10 фамилий. После тщательного разбора этого дела особым отделом и следствия Ревтрибунала выяснилось, что и здесь действовали шпионы белых.

После того как белые пробовали безуспешно наступать как со стороны Чудского озера, так и со стороны Изборска, они однажды попробовали повести наступление между Чудским озером и Изборском на дер. Нейрапин... На этом участке стояла 2-я бригада с довольно слабыми частями.

Комсостав одной роты совместно с политруком, готовясь к налету, достали офицерские погоны и, нацепив их на себя, оставили позади себя сильный отряд и пришли прямо к заставам белых. Застава же белых, увидя погоны, опешила. Наши этим воспользовались и уничтожили заставу, а в прорыв кинулся и весь отряд, учинив панику среди белых. Отряд разделился на две части: одна начала преследовать противника, ударяя во фланги; вторая же половина отряда занялась увозом трофеев—продовольствия, снаряжения, вооружения и пр., так как наши совершенно не думали, да и не было смысла удерживать невыгодные в стратегическом отношении позиции. Когда все трофеи были вывезены, отряд возвратился обратно, потеряв одного красноармейца убитым и 4 ранеными. Все это произошло в одну ночь.

Оправившись от паники, противник начал на этом участке наступление. Наши красноармейцы отразили несколько атак противника, но все же долго они держаться не могли, так как резерва никакого не было (полк дать сюда подкрепление также не мог). Снеслись по прямому проводу с дивизией. Дивизия обещала немедленно выслать в помощь коммунистический отряд, только что пришедший из Питера. Белые ожесточенно напирала, пустив в ход артиллерию и пробуя вылезать в атаку. Нужно было продержаться до прихода подкрепления. Появились убитые и раненые, но все же позиции не сдавали. Наконец, красноармейцы заметили едущих на подводах коммунаров. Раздалось «ура». Белые, думая, что мы хотим идти в контратаку, замолчали и приготовились нас встретить. Но мы, конечно, в контратаку не пошли, так как в этом не было никакого смысла, а коммунары заняли окопы, сменив усталых красноармейцев, выдержавших без смены около 2 суток натиск белых.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

Через некоторое время после этого боя я получил приказ о моем переводе на Восточный фронт. Реввоенсовет Восточного фронта направил меня в 5-ю армию. Там я получил назначение военкомом 2-й дивизии.

В дивизию я прибыл в конце апреля. Дивизия состояла из трех бригад. Первая бригада была брошена под Астрахань в распоряжение 4-й армии. На Восточный же фронт пришли две бригады в шесть полков. Артиллерия, отдел снабжения, инженерная часть, санитарная и, к сожалению, политотдел были расквартированы в г. Самаре, тогда как части были уже на фронте. Полевой штаб дивизии шел сзади полков верстах в 40. Части дивизии были расположены по фронту от ст. Шафраново Самаро-Златоустовской железной дороги по направлению к г. Бугульме. Белые отступали иногда, не принимая боя, линия фронта была очень зиг-

загообразная и быстро менялась, так что точных сведений о местонахождении частей нельзя было получить не только в штабе дивизии, но иногда и штаб полка не знал, где наступал или отступал тот или иной батальон.

Формировалась дивизия в г. Рязани, и состав ее красноармейцев был, главным образом, из крестьян бывших Рязанской и Воронежской губерний. Что касается комсостава дивизии, то бросалось в глаза обилие бывших кадровых офицеров. Начальником дивизии был бывший генерал Мерро, старик лет 70. Командиром рот были старые офицеры, которые в царской армии состояли в чине не ниже штабс-капитана или поручика. Во время разговора с начдивом последний выразил сожаление, что некоторые командиры полков всего лишь бывшие штабс-капитаны. «Ну, какой он командир полка, подумайте!»—так восклицал бывший генерал. По его мнению, командиром полка мог быть не меньше чем бывший полковник. С этой именно точки зрения и подбирался комсостав. Что касается комиссаров полков, то это были довольно крепкие большевики. Зато партийная прослойка в рядах красноармейцев была чрезвычайно тонка. Были такие роты, где было всего лишь 3—4 партийца.

По ознакомлении с состоянием дивизии я прежде всего попросил о замене начдива. Вторая моя просьба была усилить дивизию партийцами.

Через два дня меня известили, что начдив будет заменен; мне же приказано было не отлучаться из штаба дивизии, пока не прибудет новый начдив. Новый начдив вскоре прибыл. Это был т. Спижарный. До своего назначения начальником дивизии он был командиром одной из бригад 25-й, ныне Чапаевской, дивизии. Немедленно по принятии своей новой должности Спижарный принялся за очистку штаба от разных адъютантов, работников для поручений и т. д. Когда ему доказывали необходимость иметь адъютанта, он неизменно указывал на своего ординарца-казака и говорил: «А это мой «отец» выполнит с честью». Спижарный в отличие от прежнего начдива хорошо знал, что такое военком, и по всем принципиальным вопросам советовался со мною. Вообще отношения у нас сразу установились хорошие.

В начале мая вторая дивизия, так же как и стоявшая справа от нее 20-я железная и слева—Чапаевская, перешла в ведение Южной группы, командующим которой был М. В. Фрунзе.

Направление на г. Бугульму было как раз стыком 25 Чапаева и нашей 2-й стрелковой дивизии левого ее фланга. Но так как противник все время отступал, то и фронт ежедневно менялся, и регулярной связи между частями не было; особенно трудно было держать связь на стыке с другими дивизиями. Каждый полк стремился продвинуться и опередить своего соседа. Так получилось и под Бугульмой. Подступы к Бугульме атаковались красными частями с двух сторон, двумя полками: шестнадцатым полком 2-й дивизии и одним из полков 25-й дивизии. Чтобы обеспечить возможность отступить в порядке, белые после оставления города еще часа 3 держались на станции. В город первыми вступили части 25-й дивизии.

Свое наступление мы вели почти по открытому полю, не имея на железной дороге никакого подвижного состава. Сначала мы начали подготовку нашего наступления артиллерийским огнем; после же того как удачным попаданием мы заставили замолчать орудия белых, мы начали перебежку. Только что мы начали подвигаться к полотну железной дороги (это было версты $1\frac{1}{2}$ —2 от станции), как почти у самого семафора вышел блиндированный вагон белых и начал обдавать нас градом пуль из пулемета. Место открытое и ровное; нужно было сделать перебежку до железнодорожной канавы. Некоторые падают ранеными; другие ложатся на виду у белых. Наша артиллерия начала пристреливаться по броневнику; после первого же снаряда прекратил, наконец (хотя и на очень короткое время), свою стрельбу пулемет белых. Мы достигаем железнодорожного полотна, бросаем несколько гранат на полотно, броневик отступает, отстреливаясь. Наши части стали подтягиваться и двигаться дальше. Броневик белых полным ходом начал отходить от станции, и мы дальше беспрепятственно дошли до железнодорожного депо, из которого вышли около 10 башкир с поднятыми руками и передали нам винтовки и автомат «Люис». Они, оказывается, были оставлены как заслон и должны были отступить вместе с броневиком. Заняв станцию, две роты двинулись вслед за противником. Из города же к нам навстречу была выслана разведка 25-й стрелковой дивизии, уже занявшей город. В этом бою мы потеряли 6 человек убитыми и 18 или 20 ранеными. В Бугульме мы получили приказ о том, чтобы части 2-й дивизии изменили направление вправо, предоставив линию железной дороги Бугульма—Уфа 25-й дивизии. Что касается нашего правого фланга, то от ст. Шафраново мы все время шли по линии Самаро-Златоустовской железной дороги. Не имея в своем распоряжении броневика, мы встречали сопротивление белых главным образом на станциях; по линии же железной дороги они катились к Уфе без остановки.

Имея сведения о недостаточной активности правого фланга дивизии, где были полки 10-й, 11-й и 12-й, я отправляюсь на правый фланг. На левый же участок прибыл начдив Спичарный. Добравшись до нашего правого фланга, я в одной из деревень, неподалеку от ст. Раевка, застал совещание командиров указанных выше полков, совместно с командирами батальонов и некоторых рот. Совещание собралось для того, чтобы обсудить, как на другой день начать решительное наступление на ст. Раевка. На этом совещании я передал командирам мнение дивизии о неудовлетворительности действий этого участка, о том, что их медленное продвижение дает возможность противнику организованно отходить, ничего почти не теряя.

Совещание длилось до поздней ночи, а с рассветом все три полка выступили, сразу же сбив сторожевое охранение противника, и, только что начало всходить солнце, мы с трех сторон обложили ст. Раевку и поджидали прихода артиллерии. Противник вел ружейный и пулеметный обстрел, открывая в некоторых местах орудийный огонь.

Не успела подойти наша артиллерия, которая опоздала, противник на-

чал обстрел наших цепей. Для корректирования стрельбы у нашего противника были прекрасные наблюдательные пункты: водонапорная башня на железной дороге и вышка паровой мельницы. Артиллерия белых била поэтому прямо в цель. После разрыва нескольких снарядов, причинивших нам некоторые потери, одна наша рота дрогнула и повернула обратно. Мы с комиссаром полка начали восстанавливать порядок. Противник, увидя бегущих в лесок красноармейцев, начал нас обстреливать шрапнелью. Наконец, добрую половину роты мы положили в цепь на опушке леса и приказали окопаться. Противник, воспользовавшись замешательством этой роты, послал свой отряд пехоты в обход ей. И только мы с командиром полка собрались пойти в следующий батальон, как с правого фланга послышались ружейные выстрелы. Но раз уж часть один раз дрогнула, то вторично она еще скорее подвержена панике. Так получилось и здесь. Стоило одному паникеру крикнуть магические слова «нас обошли!», как обезумевшие от страха люди кидались, шарахались друг от друга, бросали оружие, снаряжение и пр., и из всей роты нам с военкомом на этот раз удалось задержать не более 2 десятков красноармейцев. Людей точно ветром выдуло, а на месте, где лежала цепь, валялись винтовки, скатки шинелей с котелками, ранцы и даже фуражки. 5 человек, с военкомом во главе, мною были отправлены по следам бегущих паникеров, с приказом расстреливать на месте всех тех, кто не возвратится немедленно.

Вторая задача заключалась в том, чтобы своевременно предупредить соседний батальон о совершившемся и о наступлении белых с правого фланга. Откомандировав 2 партийцев в соседний батальон, мы, оставшиеся, залегли на опушке леса, имея один пулемет. Прежде чем занять лесок и брошенные ротой позиции, белые должны были пройти открытое, ровное место.

Как только белые начали перебежку, мы открыли по ним пулеметный огонь. У пулемета работал сам командир роты. Когда мы останавливали стрельбу, начиналась стрельба со стороны белых, но их ружейный и пулеметный огонь беспокоил нас мало, так как мы были в прикрытии. Наконец, забухала и наша артиллерия. Это сразу подбодрило нас, так как без подкрепления мы долго продержаться не могли. Стоило белым вновь открыть огонь шрапнелью, и они бы нас очень быстро выбили из опушки леса. Но теперь артиллерии противника приходилось отвечать нашей артиллерии и нащупывать своим огнем именно ее, а не нас. Слишком длинными нам показались те 3—4 часа, в течение которых мы удерживали белых и тем самым не давали им возможности занять лесок и ударить на наш оголенный правый фланг. Наконец, подошел взвод соседнего батальона и сообщил нам, что наша артиллерия сбила водонапорную башню, а значит и наблюдателя противника. По лесу начали подходить убежавшие, рассказывая, что они не сами бежали, а «останавливали» других. Белые прекратили пулеметный огонь. Замолкли отдельные выстрелы. Мы уже растянулись в довольно длинную цепочку, по которой прошла весть, что белые отступают. Нам осталось начать преследование про-

тивника. Выйдя из леса, мы увидели, что на станции пожар. Очевидно, наши «послали» несколько зажигательных снарядов. Пробежав из леса саженей 50, мы увидели, как убегают от нас белые.

При взятии Раевки нам сдалось около 150 башкирских солдат. Все они были одеты в лохмотья, обуты в лапти и истощены от отсутствия питания и изнурительных переходов. Они проклинали Колчака, просили пощады и говорили, что они готовы вместе с красными бить Колчака.

После поражения под Бугульмой и др. узловыми пунктами белогвардейцы стремительно отступали к р. Белой, где они собирали все свои лучшие силы для того, чтобы не только отразить наступление красных, но и перейти самим в наступление. Таковы были многочисленные сведения от захваченных нами пленных, из попавших в наши руки документов и пр. Естественно, что перед Красной армией встала задача помешать белым собрать свои силы. Для этого нам нужно было стремительным натиском форсировать р. Белую и взять базу нашего противника — г. Уфу. Поэтому, как только наши части достигли р. Белой, на фронт приехал командующий Южной группы М. В. Фрунзе и вызвал к себе на совещание всех начальников дивизий и военных комиссаров.

В распоряжении Южной группы тогда находились четыре дивизии: 25-я Чапаевская, 2-я стрелковая, 20-я железная дивизия и 31-я. На совещании начальников и комиссаров дивизий был разработан план взятия г. Уфы. 25-я дивизия получила задачу атаковать и взять г. Уфу, 2-я дивизия должна была привлечь на себя внимание противника, отвлекая силы с участка 25-й дивизии, и 20-я железная должна была форсировать р. Белую и повести наступление на Стерлитамак. 31-я осталась в резерве. Тут же обо всем этом был вручен приказ начдивам.

На этом совещании я первый раз увидел и познакомился с Чапаевым. Это был среднего роста худощавый блондин, лет 35. Несмотря на начало июня, он был в папахе и в бурке; приехал он верхом в сопровождении человек 8 казаков. Мы со Спижарным также приехали верхом и на обратном пути нам верст 15 нужно было ехать по дороге с Чапаевым. Помню, как он ругал Спижарного (бывшего комбрига Чапаевской дивизии) за то, что во 2-й дивизии кашеварами мужчины, и что у нас слишком много кадрового офицерства на командных должностях. «Кадровых офицеров в армию пускать надо осторожно, да и то следить и следить за ними. А вот бывших унтеров или фельдфебелей старой армии надо выдвигать — они своей породы». Такие наставления давал Чапаев Спижарному.

Сосредоточив три полка по берегу р. Белой, мы начали готовить переправу. Понтонных сооружений не было, делать их было не из чего, так как весь подходящий для этого материал был передан в 25-ю дивизию. Поэтому полки 2-й дивизии начали готовить лес для плотов. Были найдены места, где от р. Белой в нашу сторону заходили закрытые кустарником заводи. И в одной из таких заводей мы начали готовить плоты. Находившаяся подле этой «верфи» башкирская деревня стояла на высоком берегу, которую белые все время держали под огнем. Мы успели связать

только один плот, и белые открыли по заводу артиллерийский огонь. Пришлось приостановить работу, пока наша артиллерия не заставила замолчать пушки противника. Накануне наступления в 15-м полку было готово 5 плотов, и на каждом из них можно было поместиться 30—35 человек. Началась довольно сильная артиллерийская подготовка. После того как под огневою артиллерийскую завесу был взят берег противника, первые два плота вышли из затона. Как только первый плот, унесенный течением воды из зоны огневой завесы, выплыл на середину реки, белые открыли по нему пулеметный огонь. Только благодаря тому, что на этом плоту находился комиссар 15-го полка т. Нефтерев, который повернул плот обратно, только благодаря его мужеству и энергичным действиям, плот со всеми людьми не попал к белым или не был уничтожен. Правда, скоро наша артиллерия заставила замолчать пулеметы противника, но больше половины людей все же спрыгнули с плота в воду.

На втором плоту плыл комиссар бригады т. Фунтиков и командир роты, плот доплыл до берега противника, и тогда уже и 1-й плот, оправившись от неудачи, снова поплыл на другой берег. Остальные плоты уже переправили людей без препятствий. Но противник тоже не дремал. Как только смолкла наша артиллерия, так, направив значительные силы, белые начали наступать на переправившуюся группу с тем, чтобы опрокинуть ее в реку. У высадившихся произошло некоторое замешательство. В нашем распоряжении были 2 лодченки. На одну из них сажусь я совместно с еще четырьмя товарищами (в том числе командиром полка), мы ставим пулемет и переправляемся на берег к высадившимся. Артиллерия наша снова начинает бить. Некоторые красноармейцы уже стараются кинуться вплавь на свой берег, но, увидев нас, снова надевают одежду и скрываются в кустарники. Слышна сильная пулеметная и оружейная стрельба. Только мы доплыли до берега, как прямо на нас выскакивает из кустов группа красноармейцев, которых мы немедленно же заворачиваем, приказывая всем высадившимся отступать к берегу, дав возможность нашей артиллерии взять под обстрел противника. Лодку мы отправляем на свой берег для того, чтобы она вновь привезла людей. К тому же времени удалось переправить на нашу сторону 2 плота, чтобы доставить на них подкрепление.

Наше присутствие и особенно работа артиллерии, которая всегда воодушевляет бойцов, восстановили порядок, и исчезла всякая паника.

Переправа наша производилась через р. Белую там, где она делала некоторую петлю. Поэтому распространиться нам вдоль берега после того, как мы переправились, не представлялось возможным: стоило артиллерии перенести огонь дальше по берегу, как белые начинали наступление на петлю. Не меньше чем часов 6—8 прошло, пока на плотках и лодченках переправился, примерно, батальон. Тогда решительным наступлением противник был отброшен от берега в сторону г. Уфы. Заняв выгодные позиции, мы для закрепления за нами занятого берега продолжали переправу. При том наличии «судов», которое у нас было, это протекало

довольно медленно. Было переправлено одно 3-дюймовое орудие и снаряды. Белые все время пробовали сбить нас то с одного, то с другого фланга. Но вот орудийные выстрелы белых сделались все реже и реже. Это было признаком того, что либо идет перегруппировка сил для нового натиска, т. е. имеет место затишье перед бурей, либо противник отступает.

Послали вперед разведку. Вторую и третью группы разведчиков мы посылаем с командиром батальона и командиром роты. Наконец, получаем с того берега сведения, переданные из 25-й дивизии, что Уфа занята чапаевцами. Держим связь с 20-й дивизией, которая, оказывается, даже не переправлялась. Устремляемся разведкой вглубь. Снова целые группы башкирских солдат сдаются красным.

После падения г. Уфы колчаковцы безудержно отступали, и красные войска едва успевали их догонять. Та концентрация сил, которая была необходима, чтобы сломить наступление врага, теперь являлась лишней. Южная группа поэтому была расформирована, и дальнейшее преследование Колчака было возложено на 5-ю и 3-ю армии. В направлении же Ташкентской железной дороги был образован Туркестанский фронт, командующим которого был назначен М. В. Фрунзе.

25-я Чапаевская дивизия получила приказ выступить под г. Уральск; 2-й же дивизии приказано было свертываться для перехода на Питерский фронт.

ПРОТИВ ЮДЕНИЧА

Около 9—10 июня 1919 г. штаб и политотделы 2-й дивизии погрузились в вагоны и выехали с Восточного фронта под Петроград.

По приезде на место я и начдив должны были явиться в Совет обороны Петрограда к т. Сталину и Зиновьеву для доклада о политическом и боевом состоянии 2-й дивизии. Было несколько страшновато. Волновался изрядно т. Спижарный, уверяя меня, что он обязательно провалится. Ни т. Сталина, ни т. Зиновьева я раньше не видел, но по портретам я их сейчас же узнал. Тов. Сталин, как это у него осталось и до сих пор, ходил около стола, за которым сидел т. Зиновьев. Когда мы вошли, т. Сталин, приветливо улыбаясь, подошел к нам и, поздоровавшись за руку, спросил, как мы доехали. Затем мы поздоровались с т. Зиновьевым, и нас пригласили сесть. В зале еще находились 2 товарища. Кто они, я не знаю.

Сначала стали опрашивать о боевом состоянии дивизии начдива. Спижарный сперва тушевался. Но потом, видя, что разговор ведется в простом товарищеском тоне, он стал посмелее и совсем не плохо, как мне казалось, рассказал о материальной части, комсоставе и др. вопросах, связанных с состоянием дивизии. После этого Спижарного отпустили, и настала моя очередь. Мне пришлось рассказывать побольше, чем ему. Особенно много вопросов задавал т. Сталин. Имеются ли,—спрашивал он,—списки семей и адреса бывших офицеров в дивизии, какой стаж у

коммунистов и т. д. В заключение он спросил, верю ли я в преданность Советской власти начдива Спичарного.

После окончания разговора нам был вручен приказ принять командование участком, занимаемым особой бригадой Шиповаленко, которая переходила в наше распоряжение. Штабу дивизии предписано было встать на ст. Волосово, Балтийско-Белорусской железной дороги; дивизия же в целом заняла фронт в Ямбургском направлении. С нашей стороны здесь действовали отдельная бригада Шиповаленко и особый отряд. Справа от 2-й дивизии находилась 6-я стрелковая дивизия во главе с начдивом т. Солодухиным и военкомом т. Булиным. С левого фланга 2-й дивизии была так называемая Лужская группа, с которой, кстати сказать, было чрезвычайно трудно держать связь.

В числе наших противников были как русские белогвардейцы самых разнообразных категорий, так и эстонцы с английскими и французскими инструкторами. Все они находились под общим командованием ген. Юденича. Длина фронта, который должна была занять 2-я дивизия, равнялась около 40 верст.

С Восточного фронта под Петроград была отправлена всего лишь одна бригада из 3 полков; вторую же бригаду забрал к себе на Туркестанский фронт т. Фрунзе. Перегруппировав части из переданных в наше распоряжение отрядов и особой бригады Шиповаленко, мы сформировали еще 2 бригады с присвоением им нумерации полков 2-й дивизии. Таким образом организовались полностью 3 бригады.

Первый период нашего пребывания на Питерском фронте, т. е. в течение 2-й половины июня и всего июля, мы неуклонно продвигались вперед. Но, примерно, в конце июля начались провалы. Как бы тщательно ни был проработан план наступления или занятия той или иной позиции нашими полками, противник неизменно предупреждал нас своим наступлением и разбивал наши планы. Как мог противник узнавать секретнейшие приказы? Правда, иногда нам удавалось выполнять отдельные задачи на небольших участках, но об общем наступлении всей дивизии не приходилось и говорить. Снесшись с особым отделом 7-й армии, в распоряжении которой находилась 2-я дивизия, мы пришли к заключению, что, очевидно, в полках, бригадах и в самом штабе есть предатели. Мы начали поэтому готовить изъятие особо сомнительных элементов из состава.

Обилие бывшего кадрового офицерства во 2-й дивизии и явное предательство с чьей-то стороны заставляли нас тщательно проверить персонально всех тех, о которых было недостаточно сведений и которые почему-либо вызывали у нас сомнение.

Объехав те части, в которых предполагался арест комсостава, наметив им замену, проинструктировав комиссаров,—я приехал в Гатчину в особый отдел армии, и там мы совместно с начальником особого отдела проработали список лиц, которые были намечены к изъятию. Всего во

2-й стрелковой дивизии нужно было арестовать из числа бывших офицеров 62 человека.

Получив секретный приказ Реввоенсовета армии, я отправился производить изъятие. Изъятие такого количества комсостава усложнялось тремя причинами. Во-первых, части находились на фронте, и, при малейшем подозрении о предстоящем аресте, намеченные лица могли уйти к белым. Поэтому арест надо было производить в сугубо строжайшем секрете. Во-вторых, заменить всех 62 арестованных достаточно квалифицированными специалистами было чрезвычайно трудно. В-третьих, после ареста нужно было суметь объяснить остальным бывшим офицерам, что политика доверия к честным военспецам остается прежней, что этот арест ни в какой мере не является признаком общего недоверия к ним и т. д. Кроме того, в связи с имевшим в то время место спецееством, немалую работу нужно было провести среди комиссаров и политсостава, чтобы после ареста не было перегибов по отношению к остающемуся комсоставу. В общем, задача заключалась в том, чтобы арест 62 бывших офицеров не послужил причиной для распространения спецеества и не ослабил бы дисциплину в частях.

Взвесив эти трудности и разработав детальный план, мы приступили к изъятию. Начали мы со штаба дивизии, арестовав бывшего полковника Пермякова и отправив его первого в штаб армии. Особенно трудно было изымать командиров рот, эскадронов и взводов, стоявших на передовой линии фронта. Несмотря, однако, на все трудности, удалось бежать только двоим, остальные 60 были отправлены в особый отдел армии.

В некоторых полках комиссары заняли посты командиров. Всюду по полкам были проведены собрания комсостава и политсостава, на которых объяснили создавшееся положение и необходимость освежения комсостава и ареста предателей.

После этого изъятия в первое время стало как будто лучше: дивизия вновь стала подвигаться вперед, занимая деревню за деревней. Но это был небольшой промежуток времени, а потом опять все пошло так, как было до ареста: противник снова узнавал о наших планах заранее. Оказалось, что корни предательства находились в самом штабе армии. Причиной наших неудач была работа начальника штаба армии, Люндеквиста, оказавшегося агентом ген. Юденича и сообщавшего ему о всех намерениях Красной армии. После ареста Люндеквиста и его шайки мы продвинулись до р. Луги, на берегу которой укрепился противник.

В то время штаб нашей 3-й бригады, которой пришлось форсировать реку, стоял в деревне Мышкино—Слепино. План нашего наступления был разработан детально. Форсирование р. Луги решено было произвести у дер. Малый Сабск, так как река здесь была с отлогими берегами и ее наполовину можно было перейти вброд... Спичарный остался в штабе дивизии, я же отправился на место боя за день раньше,

чтобы иметь возможность своевременно наблюдать за приготовлением к наступлению.

Для проведения операции в 3-ю бригаду перебрасывались 2 батареи легкой, 1 батарея тяжелой артиллерии и отряд моряков.

Когда я приехал в штаб бригады, то комбрига и военкома в штабе не было. Они уже два дня были на месте, где предполагалась переправа через реку. Приезжаю в М. Сабск. Здесь идут усиленные приготовления: строятся мостки и козлы, чтобы перекинуть их через реку, как только белые будут отходить от берега.

Деревня М. Сабск расположена на самом берегу реки, к реке выходят огороды, клуни, бани и др. хозяйственные постройки. На берегу стоит паровая мельница. От берега до опушки леса расстояние около $1\frac{1}{2}$ —2 верст, слева пойдут пашни, и лес отдалится от берега еще дальше. С правой же стороны от нас лес подходит почти к самой реке. Деревня М. Сабск уже наполовину сожжена, жителей здесь можно встретить очень редко. Большею частью это какой-нибудь старик или женщина, пришедшие узнать, стоит ли их изба или же она сожжена: белые то-и-дело посылали в деревню зажигательные снаряды. Но наши устроились главным образом в каменных клунях или амбарах, которые расположены на берегу реки, а страдали от этих снарядов, в первую очередь, крестьяне. Как известно, в атаке решающую роль по обеспечению успеха в большинстве случаев играет работа артиллерии. Надо, чтобы артиллерия взяла верный прицел по пулеметным гнездам противника, по линии окопов и т. д. В это наступление на М. Сабск артиллерия подготавливалась слишком вяло. Начальник артиллерии дивизии, который должен был по приказу лично руководить артиллерийской подготовкой к наступлению, начал это руководство по телефону из штаба бригады, не осмотрев не только передовую линию фронта, но не посетив даже места стоянки артиллерии. Комбриг, встревоженный поведением начальника артиллерии, просит моего распоряжения, чтобы к начальнику артиллерии был послан комиссар бригады или его помощник. Еду на место расположения артиллерии я сам. Вызываю сюда же начальника артиллерии. Но, явившись, он вдруг заболел. Остается брать команду самому. Созываю начальников батарей, объясняю им задачу артиллерийской подготовки. После этого мы вырабатываем план действий и распределяем между отдельными батареями задания. Командование артиллерией передаю одному из командиров батареи и, оставив на месте пом. военкома 3-й бригады, еду к месту наступления.

Приезжаю перед самым моментом наступления. К рассвету уже все было готово. Комбриг отдает приказ артиллерии, стоявшей на самом левом фланге нашей позиции, отвлечь внимание противника от центрального места боя, открыв огонь. Раздаются первые выстрелы из нашей легкой артиллерии. У комбрига полевой штаб с телефоном организован почти у самого берега реки Лути в клуне, сложенной из дикого камня,

из окон или, вернее, отдушин которой нам прекрасно виден весь участок, где наши части должны переходить Лугу вброд.

Идем, вернее ползем, по линии фронта совместно с военкомом бригады Дукальским. Люди в большинстве молчат, говорят шопотом и только необходимое. Артиллерия белых не сразу стала отвечать на наш артиллерийский огонь, да и отвечала она сначала редко. Наконец, со стороны белых начинает бухать «тяжелая б». Начинают работать пулеметы. Раздается частая ружейная стрельба. На главном же участке почти тихо, лишь кое-где идет редкая перестрелка.

Наконец, заговорили сразу наши 18 орудий. Прицел взят правильный. Нам видно, как взрываются снаряды на том берегу Луги. Взрывы все чаще и чаще заслоняют лес, поднимая облака земли и дыма. Это делают огневую завесу. Подается команда выходить к переправе. Те красноармейцы, которые находились напротив самой переправы, уже вышли из окопов и с винтовками наперевес кинулись вброд через реку. Но вот застрекотал с противоположного берега пулемет белых, красноармейцы вновь залегли, но 2—3 человека все же остались убитыми. Мы с военкомом бригады шопотом ругаем комбрига—«рано, мол, вывел ребят». Но вот наш снаряд угодил по пулеметному гнезду. Теперь артиллерийская завеса окончательно закрыла весь горизонт на стороне белых. Раздаются крики «ура», выскакиваем и мы с Дукальским вперед. Коммунары и военком полка впереди красноармейцев уже на половине реки. Артиллерия белых тоже перенесла внимание на этот участок. Начинают падать снаряды то там, то сям. Стреляют, видимо, без особого прицела.

Переходим на тот берег все мокрые. Наша артиллерия прекращает огонь. Занимаем позиции белых и начинаем веером расширяться по обоим флангам. С опушки леса все еще идет стрельба со стороны белых, но чувствуется, что это лишь прикрытие отступления. Мы заняли позиции белых, форсировав р. Лугу. Быстро соорудили сходни на козлах, по которым начал переходить уже 2-й полк. Белые отступают, наши их будут преследовать до следующей деревни. На берегу оставаться слишком опасно, необходимо закрепиться несколько дальше от реки, чтобы не быть опрокинутыми в воду.

Бой окончен, задача выполнена, подошедший отряд моряков занял новые позиции и начал преследовать противника, чтобы не потерять его из вида.

Связываюсь со штабом дивизии. Спичарный поздравляет нас с успехом, но разносит комбрига за то, что тот рано вывел красноармейцев в наступление и что, благодаря этому, мы потеряли много людей. В то же время он сообщает, что на нашем левом фланге, во 2-й бригаде, батальон 13-го полка отказался идти в наступление, и поэтому наступление на М. Сабск не развивается.

Совместно с конным отрядом и вызванным мною ранее военкомом 1-й бригады я помчался к месту расположения 13-го полка. Приезжаем в Гостятино, находим квартиру военкома. Заходим в избу. Комиссара мы

застали... за игрой на скрипке. Молодая особа сидела и жадно слушала комиссарскую игру. Спрашиваю, где полк и почему он здесь. Своим приходом мы нашего комиссара-музыканта сильно смутили: он никак не ожидал, что в этот момент я окажусь здесь. Он, оказывается, ждет распоряжений комиссара бригады, а батальон действительно отказался идти в наступление и предъявил ряд требований военкому. Требования эти он переслал, по инстанции, комиссару бригады.

Забираем комиссара и едем в батальон, отказавшийся идти в наступление.

Батальон этот расположился, примерно, в 50 саженях от дер. Гостятино на пригорке, в полном вооружении, имея при себе 3 пулемета. Наш приезд сразу вызвал и беспокойство и любопытство. Зову командира и комиссара батальона (в то время в батальонах была еще должность военкома). Командир подходит, а комиссар пошел в деревню пить молоко. Приказываю выстроиться. Подходят красноармейцы и говорят— «нечего строиться, надо нам дать поесть: мы голодные». Командир батальона подает команду командирам рот, начинается суматоха. Одни красноармейцы хотят выполнить приказ и построиться, другие—их большинство—возражают и требуют устроить митинг.

Ко мне подходит группа красноармейцев и говорит: «Тов. Авдеев, ты сначала выслушай нас, а потом пусть говорят комиссары».

Вижу, что с построением людей по-ротно ничего не выходит. Я тогда приподымаюсь в седле и подаю команду: «Смирно!» Сразу замолкают. Говорю, что с требованиями батальона я знаком, и все они будут исполнены лишь после того, как батальон выполнит боевой оперативный приказ. Немедленно выдается дополнительно по одной банке мясных консервов, с тем чтобы имеющийся у каждого запас по одной банке остался неприкосновенным. Комиссар полка и военком батальона переводятся из военкомов в рядовые стрелки и идут в первой цепи в наступление с батальоном. С батальоном в наступление иду и я. Никаких дискуссий и митингов я не позволю. Каждый, кто не согласен идти в наступление,— пусть отходит в сторону. Наступило молчание. «Правильно!—закричал кто-то из красноармейцев.—Дайте нам только пообедать; в кухне уже почти готов обед». Говорю, что даю на обед один час, после которого батальон должен выступить. Созываю всех коммунаров и назначаю нового комиссара полка.

Через час батальон выступил с песнями, а в первом ряду шагал громче всех запевая, музыкальный военком полка.

А. Авдеев

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЗАГРАНИЧНОГО БОЛЬШЕВИСТСКОГО ЦЕНТРА С М. М. ЛИТВИНОВЫМ (1904—1905 годы)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В эпоху партийного раскола (1904—1905 гг.) М. М. Литвинов был одним из видных и наиболее активных сторонников большинства из числа практических партийных работников. Он вел большую работу по транспорту, «заведывал» западной границей, работал в качестве агента ЦК, уполномоченного по Северо-Западному краю; одновременно (с осени 1904 г.) он был членом Рижского комитета, затем членом Бюро комитетов большинства. Эта роль М. М. Литвинова в партийной работе и во внутрипартийной борьбе периода 1904 и начала 1905 гг. усугубляет интерес к имеющейся в архиве Института Ленина переписке его с В. И. Лениным и Н. К. Крупской.

Переписка эта охватывает период с весны 1904 г. по январь 1905 года. Значительная часть переписки за 1904 г. опубликована в Ленинском сборнике XV, другая ее часть (конец 1904 г.—начало 1905 г.) была напечатана раньше в № 2 (37) «Пролетарской революции» за 1925 год. Наконец, та ее часть, которая охватывает первую половину 1904 г. и 1905 г., намечена к опубликованию в одной из книжек «Архива ВКП(б)».

В настоящем номере «Пролетарской революции» публикуются остальные, до сих пор еще нигде не опубликованные, письма. Несмотря на некоторую отрывочность печатаемой здесь части переписки, которая объясняется указанными выше обстоятельствами, она представляет собой все же большой интерес, поскольку в ней достаточно ярко отражается живое взаимодействие между заграничным большевистским центром и активными сторонниками большинства в России.

Публикуемые здесь письма отражают ряд обстоятельств, сопровождавших конфликт внутри ЦК, показывают отношение мест к перевороту в ЦК («к июльской декларации и к последующим действиям ЦК»), к декларации 22-х. Они освещают ход работы по собиранию сил и по объединению комитетов большинства в России на основе открытой борьбы за созыв III съезда и по подготовке к изданию собственного органа большинства «Вперед».

1

Н. К. КРУПСКАЯ—М. М. ЛИТВИНОВУ

В Ригу

Феликсу 1

[Первая половина сентября, позднее 7 (25 августа) 1904 г. Женева²]

Дорогой друг, письмо Ваше от 15/28—VIII получено³. Оно произвело на нас самое ободряющее впечатление. Приехала Жозефина⁴ и сообщила, что Одесса, Екатеринослав и Николаев настроены очень твердо. Барон⁵ уехал на север. Пишет, что Москва сплошь твердые, Питер половина на половину, туда послано подкрепление. В Твери провал. Повторите, пожалуйста, явку к вам и дайте еще явку для оказий. С оказиями можем посылать новинки и пр. Хорошо бы также иметь адрес для картин, альбомов и пр.⁶ Вам скоро пришлем новые, совсем чистые адреса для писем к нам, хотя и старые, как видите, действуют отлично.

Не может ли кто съездить при случае в Полесский комитет? В Гомеле Шенфинкель⁷. Он все время держится большинства, хотя неосведомленность там страшная. Недурно было бы завоевать этот комитет, явка туда*. Нил⁸ приехал, привез возмутительную декларацию⁹ и при содействии Сюртука¹⁰ занимается раскассированием¹¹. Декларацию, а также протест Ленина и его письмо к агентам ЦК посылаем Вам с оказией¹². Ленин не признает законности постановлений, пока не выяснится вопрос об отставке Ленина, они, повидимому, тут смошенничали. Смошенничали и в вопросе об отставке Осипова (Землячки). Но, конечно, протест этот имеет целью затянуть лишь несколько дело и показать, какими средствами они действуют. В конце концов придется уйти. Это не беда. Начнем все с начала, поведем свою чистую линию, а то все только измучились от того двойственного положения, в которое попало большинство с момента Плехановского поворота и уступок со стороны ЦК. По крайней мере, будут развязаны руки. Рот зажать они не смогут, и Россия скоро станет на нашу сторону. Больно уж они срамятся. Если бы Вы видели, как они теперь топчут старую «Искру». Это, де, был не социал-демократический, а демократический орган, больше хлопотал об организации интеллигенции, чем пролетариата. Об организации пролетариата думает новая «Искра», лозунг которой «в массу! к массам!». Лицемеры! Это пишет Дан, пишет Троцкий, поддерживают Мартов и Плеханов, и где у людей совесть?!

В 72 №¹³ помещена декларация «уполномоченных меньшинства», которые предлагают ЦК известный план действий. В этот план входит возобновление популярного органа¹⁴ и пр. Вся декларация—какое-то сплошное фразерство. Все болото здешнее хлынуло в объятия примиренцев, но тут ничего не поделаешь. Надежды на Россию и на то, что наше дело правое. Молодые свежие силы пойдут за нами, и посмотрим, что заговорит болото, когда сила будет за нами.

* Явка в тексте письма не приведена. Ред.

Скверно то, что нет денег и что Нил с Сюртуком, кажется, приняли меры, чтобы отрезать от нас переправу.

Пятница что-то не отвечает на письма. Ну, бывайте здоровы, дорогой друг, пишите. Всем шлем горячий привет.

¹ М. М. Литвинов (см. Ленинский сборник VII, стр. 57).

² Дата установлена на основании выхода «Искры» № 72 от 25/VIII (7/IX) 1904 г., упоминаемого в письме.

³ Речь идет о письме М. М. Литвинова — В. И. Ленину и Н. К. Крупской, где он сообщает, что в Риге им образована группа из твердых и надежных сторонников конференции и о сделанном им предложении Р. С. Землячке составлять такие же неофициальные группы во всех городах, об отъезде В. А. Носкова за границу с «июльской декларацией ЦК», о предстоящей упорной, ожесточенной борьбе большинства с ЦК и ЦО и др. (Письмо хранится в архиве Института Ленина, докум. № 1734. Письмо намечается к опубликованию в сборнике «Архива ВКП(б)»).

⁴ В. В. Воровский (см. Ленинский сборник VII, стр. 215).

⁵ Э. Э. Эссен (см. Соч. Ленина, т. VII, стр. 513).

⁶ Речь идет об адресах для пересылки литературы в заделанном виде в альбомах и пр.

⁷ М. К. Шенфинкель — данных для биографической справки о нем пока нет.

⁸ В. А. Носков (см. Ленинский сборник VI, стр. 78).

⁹ Речь идет о «июльской декларации» ЦК (см. письмо В. А. Носкова — В. И. Ленину от 31/VIII Ленинский сборник XV, стр. 123).

¹⁰ В. Л. Копц; умер 26/V 1930 г. (см. о нем Ленинский сборник VI, стр. 289).

¹¹ По приезде В. А. Носкова в конце августа в Женеву он первым делом приступил к расскассированию Женевской группы агентов ЦК, на основании тех пунктов «июльской декларации ЦК», которые относились к этой группе агентов ЦК. Эта группа в лице В. Д. Бонч-Бруевича, П. Н. Лепешинского и М. Н. Лядова состояла из активных сторонников твердого большинства (см. письма П. Н. Лепешинского, М. Н. Лядова и В. Д. Бонч-Бруевича — В. А. Носкову и М. Н. Лядова и П. Н. Лепешинского — М. М. Литвинову, Ленинский сборник XV, стр. 128 и 137).

¹² Речь идет о письмах В. И. Ленина к пяти членам ЦК от 18/VIII и к агентам ЦК и членам комитетов РСДРП, высказавшимся за большинство II партийного съезда от того же числа (см. Ленинский сборник XV, стр. 111 и 113).

¹³ См. «Искру» № 72 от 25/VIII (7/IX) 1904 г.

¹⁴ Позднее вышел популярный орган меньшевиков «Социал-демократ», имевший подзаголовок «Рабочая газета». Всего вышло 16 №№; № 1 датирован 1 октября (старого стиля) 1904 г. (подробно см. Соч. Ленина, т. VII, стр. 473, прим. 165).

2

М. М. ЛИТВИНОВ — В. И. ЛЕНИНУ И Н. К. КРУПСКОЙ

В Женеву

22(9)—IX [19]04. Дорогие друзья! В Орле мне случайно попало на глаза письмо, подписано «чл. ЦК Ленин», не разобранным, ввиду того, что плохо проявилось. Если письмо нужное (я полагаю, что это протест Ленина)¹, то пошлите вторично. Вообще надо Вам знать, что там в бюро² страшнейший хаос. Повар³ из-за слежки сбежал и больше не вернется, и там решительно ни одного человека нет. Случайно узнал я еще и то,

что Барон был в Самаре, намереваясь, очевидно, проехать в восточные комитеты и на Урал, но ему там не дали явок и сообщили комитетам, что он едет не от ЦК и потому можно с ним не разговаривать. Оттуда же пишут, что за съезд высказалось 10 комитетов. Если можете, направьте дельного товарища на восток и тогда у нас будет необходимое число голосов для созыва съезда. Проеду на-днях, через Гомель, но, к сожалению, не имею сейчас явки, не знает ее и ЦК. Раздобуду ее все-таки. Забыл еще сообщить в последнем письме, что конференцию с меньшинством предполагено устроить в России⁴. На мой вопрос, поставлен ли в известность Ленин, как член ЦК, относительно всех этих условий ведущихся переговоров,—мне ответили утвердительно. Интересно выяснить, верно ли все это, или нас думают околпачить на время. Пока что мы, конечно, агитацию продолжаем. Миссия Бориса⁵, говорят, не совсем удачна. Редакция дает все уклончивые ответы. Ну, и отлично, пишете. Горячий привет Владимиру Ильичу. Жму руку.

Феликс

¹ Речь идет о письме Ленина от 18 августа пяти членам ЦК с мотивированным протестом против декларации ЦК (см. Ленинский сборник XV, стр. 111).

² Речь идет о Бюро ЦК, которое в данный период находилось в Орле и которое позднее перебралось в Москву.

³ Ф. И. Щекотин (см. Ленинский сборник VII, стр. 90).

⁴ Конференция позднее состоялась в России (см. письма В. Н. Крохмалю и В. Н. Розанова — редакции «Искры» — Ленинский сборник XV, стр. 170—171).

⁵ В. А. Нсков (см. Ленинский сборник VI, стр. 78).

3

Н. К. КРУПСКАЯ — М. М. ЛИТВИНОВУ

Феликсу. Личное.

25[12]/IX. [1904 г.]. Дорогой друг! Ваше письмо от 20/IX¹ получено. Ленин пока из ЦК не уходит, хотя фактически он устранен от всех дел². Нил окончательно перешел в меньшинство. Кооптация уже состоялась, но не представителей меньшинства, а 3 примиренцев³. Ленин, как вы знаете, опротестовал декларацию ЦК и отказался вступать в какие-либо разговоры о кооптации до получения удовлетворительного ответа. Нил заявил, что он, не получая ответа от Ленина, считает его воздержавшимся, а кооптацию состоявшейся. Ленин опротестовал это решение⁴. Совет собирается без Ленина⁵. Ленину даже не сообщаются протоколы его заседаний. Все там, очевидно, происходит по-домашнему. Совет постановил, между прочим, что частное лицо не имеет права ставить на своих изданиях заголовок: Российская социал-демократическая рабочая партия, и требует от Бонча, чтобы он снял с изданий большинства этот заголовок. Вот уж поистине Совет лицемеров! Они, видите ли, борются против формализма и бюрократизма и принимают постановление о заголовке.

когда большинство заговорило! Что же они молчали, когда Рязанов и Акимов ставили на своих сочинениях этот заголовок! Заголовок с изданий снят не будет, теперь издательство будут вести Бонч и Ленин. Пусть принимают постановление об исключении Ленина из ЦК! Хорошо было бы, если бы комитет принял резолюцию о поддержке изданий большинства и стал посылать большинству корреспонденции, листки и пр. «Наши недоразумения» уже вышли⁶, а также брошюра «К партии»⁷. В ней напечатаны резолюция 22-х, Рижская и Московская; Петербургская еще не получена. Резолюции Южных комитетов не получили. Конференция «твердых» комитетов крайне желательна, съезду, ведь, она помешать не может, а даст возможность публике столкнуться. Что касается съезда, то из 20 комитетов, имеющих право голоса, за съезд высказалось уже 12, не высказались за съезд: Северный комитет, Саратов, Урал, Горнозаводский, Ростовский, Киевский, Харьковский, Крым. Но теперь Совет дал право голоса еще комитетам: Смоленскому, Орловско-Брянскому (?), Самарскому и Астраханскому,—Нил утверждает, что эти комитеты были утверждены ЦК более года тому назад. Мартов заявил на Совете, что права, по его мнению, имеют Кременчугский и Полтавский комитеты, так что скоро, вероятно, состоится постановление Совета и относительно них*.

Воронежский, Рижский и Курский (?) получают право голоса с января 1905 г., а Полесский, Северо-Западный и Уральский с апреля 1905 года. Как видите, комитетов будет намечено не мало.

Что касается принципиальных разногласий, то Одесский комитет прав⁸. Та беспринципность и лицемерие, которые теперь царят в ЦО, разве это не определяет новое направление новой «Искры»? Нил передал Ленину от имени ЦО приглашение войти в редакцию. Это после того, как Плеханов в своих фельетонах доказывает, что Ленин не социал-демократ! Ленин ответил на это приглашение отказом⁹, заявив, что**.

Вы пишете, что надо сговориться, как действовать на случай, если меньшинство откажется от кооптации. Но теперь, ведь, это дела не изменит, теперь не важно даже, кооптирует ЦК меньшинство или нет. Хуже он от этого не станет. Его декларация¹⁰, его поведение в вопросе о съезде, его преследование большинства за агитацию за съезд наложили на него такое пятно, так изменили всю ситуацию, что теперь вопрос о кооптации утратил свою остроту. С таким ЦО и ЦК, которые фальсифицируют общественное мнение партии для того только, чтобы отсрочить съезд, по отношению к которому они являются подотчетными учреждениями, с такими ЦО и ЦК, которые действуют вопреки воле партии и в то же время ее именем—приходится уже бороться революционным путем. Такой революционный акт уже есть, если хотите, издательство большинства, Сами ЦО и ЦК толкали большинство систематически на этот путь. Изда-

* Со слов: «Мартов заявил» и до слов: «относительно них», позднее Н. К. Крупская вычеркнула. *Ред.*

** Со слов: «Что касается» до слов: «отказом, заявив, что» позднее Н. К. Крупская вычеркнула; письмо Ленина не приведено. *Ред.*

ния большинства издаются, конечно, для России, поэтому придется озаботиться их перевозкой, придется заводить свою особую кассу и пр.

Об организации перевозки вам надо будет позаботиться, также о паспортах.

Что знает о провале в Вильно и о провале Мыши ¹¹?

Барон объезжает север, на восток его не пустили. Несомненно, что резолюции против съезда там взяты. Хитростью, только благодаря тому, что комитеты тамошние, благодаря деятельности примиренского Восточного бюро, совершенно отрезаны от сношений и с заграницей и с другими комитетами. Людей у нас много, но нет денег на посылку. Жозефина хворает и поэтому гнать ее в Россию обратно сейчас нельзя. Никаких заявлений о том, что они примирятся с меньшинством, если они откажутся от кооптации, Жозефина, конечно, не делала и не могла делать. Примиренцы многое искажают «для ради мира». Так они страшно кричат о положительной работе ЦК, и все это вздор. Не знаете ли чего о Циле ¹²? Где она?

П[етро]в ¹³ настроен достаточно твердо. Декларация ЦК вызвала на Кавказе негодование. Бакинской резолюции мы не видали, пришлите ее нам, если она у вас есть. Мы вам послали всякие документы с Днепровским ¹⁴, но он отдал их в Вильно, где они, кажется, влетели. Ну всего лучшего.

¹ Речь идет о письме М. М. Литвинова от 20 (7) сентября, которое является ответом на письмо М. Н. Лядова и П. Н. Лепешинского — М. М. Литвинову от 3/IX (21/VIII) см. Ленинский сборник XV, стр. 138).

Письмо М. М. Литвинова хранится в архиве Института Ленина, № док. 1254.

² В пункте 12 «июльской декларации ЦК» говорится: «12) Установить за границей между т Глебовым и т. Лениным следующие отношения:

а) Тов. Глебову поручается заведывание всеми делами ЦК за границей, как то: сношения с ЦО, посылка людей в Россию, касса, экспедиция, типография, разрешение к печати в партийной типографии различных произведений и проч.;

б) Тов. Ленину поручается обслуживание литературных нужд ЦК; печатание его произведений наравне с произведениями остальных сотрудников ЦК происходит каждый раз с согласия коллегии ЦК» (см. Ленинский сборник XV, стр. 124).

³ 3 примиренца — Л. Карпов, А. Любимов и И. Дубровинский (см. письмо В. А. Носкова от 28 августа Ленину — Ленинский сборник XV, стр. 119).

⁴ См. письмо Ленина от 30 августа В. А. Носкову — Ленинский сборник XV, стр. 121.

⁵ Сентябрьская сессия Совета 3, 8 и 13 собиралась без Ленина.

⁶ Речь идет о брошюре Галерки и Рядового «Наши недоразумения» 1904 г. Женева (см. перепечатку в сборнике «Как рождалась партия большевиков», стр. 133).

⁷ Брошюра «К партии» вышла в 1904 г. в Женеве. В ней напечатаны декларация 22-х, резолюции Рижского и Московского комитетов, Женевской группы большинства за созыв III съезда партии и о присоединении к декларации 22-х и др. (Декларацию 22-х см. в Соч. Ленина, т. VI, стр. 353).

⁸ Вероятно, речь идет о резолюции Одесского комитета, в которой он постановил выразить свое недоверие составу ЦК и вместе с тем призывает партию к возможно скорому созыву III съезда (см. Н. Шахова, «Борьба за съезд», перепечатку в сборнике «Как рождалась партия большевиков», стр. 354).

⁹ Речь идет о письме Ленина от 11 сентября В. А. Носкову с мотивированным отказом вступления в состав редакции ЦО (см. Соч. Ленина, т. VI, стр. 360).

¹⁰ См. письмо 1, примечание 9.

¹¹ П. И. Кулябко (см. о ней Ленинский сборник VII, стр. 67).

¹² Ц. С. Бобров кая-Эзликсон (см. Ленинский сборник XV, Словарь-указатель имен).

¹³ Вероятно В. С. Бобровский; он работал в это время в Бакинском комитете (см. Ленинский сборник VII, стр. 68).

¹⁴ Кто такой Днепровский — установить не удалось.

4

Н. Н. КРУПСКАЯ—М. М. ЛИТВИНОВУ.

28[15]/IX [1904 г. Женева].

Феликсу.

Дорогой друг. Ваше письмо от 22/IX получено¹. На восток должен поехать Демон². Что Ленин осведомлен относительно конференции, ложь. Ему не сообщают ничего, даже протоколов Совета. Совет постановил признать издания большинства непартийными, объявляет, что ничего общего с социал-демократической рабочей партией они не имеют. Совет теперь будет требовать подписи фамилий под резолюциями и, буде таковые не будут представлены, будет считать резолюции недействительными*. Вообще Совет постарался обставить дело так, чтобы сделать съезд невозможным. Надо торопиться с конференцией.

Куда посылать вторично для ЦК протест Ленина?³ Вот явка в Гомель**.

¹ См. выше письмо М. М. Литвинова от 22 (9) сентября.

² Р. С. Землячка (см. о ней Ленинский сборник VI, стр. 143).

³ См. выше письмо М. М. Литвинова от 22 (9) сентября, прим. 12.

5

М. М. ЛИТВИНОВ—Н. К. КРУПСКОЙ ИЛИ М. Н. ЛЯДОВУ

Для Шарко или Лидина.

[10/X] 27/IX [19]04 [Рига].

Простите, друзья мои, что давно не писал Вам. Был страшно занят и с месяц все разъезжал, заглядывая домой лишь на день, на два. О получении всех Ваших писем я Вас известил¹ при отсылке резолюции Рижского комитета². Кстати, в этой резолюции пропущено во 2-м пункте слово «принципиальных»; исправьте, пожалуйста, таким образом: 2. «Признавая наличие принципиальных разногласий между большинством и

* Со слов «и, буде таковые» до слова: «недействительными» позднее Н. К. Крупской вычеркнуто. *Ред.*

** Явка не приведена. *Ред.*

меньшинством» и т. д. Резолюция эта вышла несколько сухой, резкой и необработанной, так как мы были страшно возмущены сообщенными Вами фактами и спешили тотчас же вылить свое негодование в форме резолюции. Уполномочиваем издательство Бонч-Бруевича напечатать ее, если не будет помещена в «Искре». От Землячки имели за все время одно только письмо еще из Москвы да несколько открыток. Антон получил от нее вчера письмо с известием, что Кавказский союз весь присоединился к званию 22-х ³. Это бесспорно крупная победа. Едет она снова в Одессу, но адреса не сообщает. Землячка почему-то решила, что Антон из наиболее твердых, а посему поручила ему быть посредником в ее переписке, основала у него, так сказать, свой штаб. Хотя он действительно до сих пор выдавал себя за твердокаменного и все обещал даже провести в Северо-Западном резолюцию о съезде, но я все-таки предупреждал Землячку, что он человек ненадежный, несамостоятельный, флюгер. Последнее время он стал вести себя подозрительно, наконец, вчера заявил мне, что просит нас не считать его больше своим. Вообще, в Северо-Западном нет ни одного революционера, там задают тон обыватели (Антон и Ефим) ⁴. Эммануил ⁵ еще тверд, но его там оттирают и, пожалуй, скоро вытурят совсем. Вчера они кооптировали одного — из меньшинства, так что там будет, вероятно, 3 примиренца и 2 твердокаменных. Предупредите, пожалуйста, Землячку, чтоб она больше не писала Антону. Недавно один молодой человек, член Северо-Западного комитета, поехал за границу. Он будет у Вас в Женеве, — назовется Павлом ⁶. Хотя он в Россию не скоро вернется, но все же он может еще влиять на местную публику своими письмами, так что не мешало бы приблизить его. Из лагеря примиренцев идут противоречивые слухи о ходе переговоров. С одной стороны, как будто меньшинство даже от конференции отказывается и совершенно примирилось с ЦК, а, с другой стороны, меньшинство как будто настаивает на новых 3 требованиях: создании популярного органа, сохранении южного транспорта за меньшинством, учреждении центральной агитаторской группы. На это будто бы ЦК не согласился и дал 3 дня на размышления, грозясь съездом. Какие из этих слухов вернее — Вам лучше известно.

Направленный Вами в Россию товарищ (привезший документы) меня дома не застал. Проваландавшись недельку, он поехал искать меня в Вильну, но и там ему пришлось ждать меня неделю, буквально голодая. Направил я его в Питер, ввиду слухов о новом провале там, с тем чтобы он, если окажется лишним там, поехал в Северный союз. Как видите, ко мне направлять людей не совсем-то удобно, так как бываю редко дома. Да я и не приготовился к такой роли, так как русское бюро назначена Землячка и мне она никаких явок не передавала, кроме одесской и питерской. Пока бюро неуловимо, и с посылкою людей надо обождать, пока оно оснуется где-нибудь.

ЦК относится ко мне подозрительно и явки, конечно, прячет от меня. Главная беда в отсутствии денег. Комитеты страшно бедны, не платят за

литературу даже, а о содержании людей и говорить нечего. Без предварительного согласия комитетов (даже своих) посылать к ним нелегальных невозможно, если не желаем ставить товарищей в неприятнейшее положение. Люди обеспеченные, конечно, могут и должны ехать немедленно в Россию, недостаток в силах громаднейший. Необходимо вытурить Жозефину в Россию, совсем не время ей сидеть теперь за границей. Издательство Бонч-Бруевича необходимо поддерживать, но устроить собственный транспорт нам не удастся, для этого потребуются крупные деньги и сложная организация. Если б с той стороны был свой человек, который контрабандой в партийный транспорт клал бы и литературу большинства, а я здесь получал бы и отдельно доставлял бы. Можно еще так устроить. Доставлять нашу литературу какому-нибудь немцу в Тильзите (только не тому, который получает литературу ЦК) и сообщать мне его адрес и пароль, тогда мои контрабандисты уже забирали бы и доставляли мне. Но опять-таки нужны деньги для этого, в особенности для развозки по комитетам. Что касается паспортов, то надо Вам заметить, что живем мы тут все по фальшивкам, и никаких других ЦК не дает. С одинаковым успехом можно их фабриковать за границей. Бланки и книжки могут Вам доставлять.

Меня дома разыскивал кто-то самым глупым образом. Бомбардировал он меня по конспиративному адресу письмами, в том числе открытками, в которых называл меня «Папашей» (кличка эта известна жандармам). Не получая ответа (меня не было дома тогда), он посылал комиссионера, требуя, чтобы мой адресат расписывался в получении. Само собой, на назначаемые им свидания я не ходил, так как не знал, кто меня вызывает. Подписывался он Савельев⁷. Лишь из Вашего письма я узнал, кто это был. Признаться, я не жалею, что не видал его. Ведь это нелепейший субъект, болтун, и ничего больше. Он еще за границей надавал мне обещаний, но ни одного еще не выполнил. Питаю к нему глубокое недоверие и никогда бы никаких адресов и явок к товарищу, да еще нелегальному, не давал бы.

Адреса мои все действуют, также и на Курм[ановского?]⁸, но пишите мне лучше всего на Александр [...]⁹, как последние письма. Искру и новинки посылайте по следующим адресам:

1) Frl. Alvine Löbmann bei Engel et Co. Kleine Königstrasse (Малая Королевская) № 8.

2) Редакция Рижского Вестника Александре Александровне Трескиной.

3) Frl. Olga Dröschner. Romanowstrasse, 36.

4) Адрес Тагера у Вас имеется. У нас еще нет даже № 71.

Агитация страшно затруднена без литературы.

⁷ Имеется в виду письмо М. М. Литвинова от 5 октября (22 сентября), письмо хранится в архиве Института Ленина.

⁸ Речь идет о резолюции Рижского комитета, принятой им 20 сентября по поводу «июльской» декларации ЦК. Резолюция была напечатана в брошюре Н. Шахова «Борьба за

съезд» (см. перепечатку брошюры в сборнике «Как рождалась партия большевиков», стр. 356) без той поправки, которую предлагал здесь сделать М. М. Литвинов.

³ Повидимому, здесь идет речь о резолюции Кавказского союзного и Тифлисского комитетов, принятой ими в сентябре и напечатанной в брошюре «Борьба за съезд (см. перепечатку в сборнике «Как рождалась партия большевиков», стр. 351).

⁴ Кто такие Антон и Ефим — установить не удалось.

⁵ М. Кореневский (см. Ленинский сборник V, стр. 554, 2 изд.).

⁶ Кто такой Павел — установить не удалось.

⁷ Кто такой Савельев — не установлено.

⁸ О Курмановском — за отсутствием материалов биографическую справку дать не удалось.

⁹ Кто такой Александр [. . .] — не установлено.

6

М. М. ЛИТВИНОВ—Н. К. КРУПСКОЙ И В. И. ЛЕНИНУ

[12/X] 29/IX [1904 г.] *

Дорогие друзья! На-днях я Вам послал письмо с оказией¹; там я ответил Вам на все Ваши вопросы. Полесского комитета никак не могу поймать, ибо он странствует постоянно. Я оставил ему воззвание 22-х. Бобруйская группа, которую я ознакомил на-днях с положением дел в партии, весьма сочувственно относится к нашим лозунгам и будет нас поддерживать (обращаю ваше внимание на это потому, что эта группа может оказывать значительные услуги по технической части). Возможно, что и другие группы Северо-Западного комитета также будут на нашей стороне. Если б у меня были средства, то мог бы в свободное время выезжать и «за черту оседлости» и усилить агитацию. Впрочем, это скоро разрешится очень просто, так как уверен, что с приездом Н[ила] буду раскассирован, если не раньше.

Теперь нужны нам только деньги, все остальное приложится. Не знаю, успела ли в этом отношении Землячка **. Против нее ЦК выставляет один только довод: что она вступила в Питерский комитет и этим самым признала себя выбывшей из ЦК.—В последнем письме Вы писали, что необходимо поспешить с конференцией. О какой конференции тут речь идет—не понимаю. Затем, мне не ясно, для чего Вы просите корреспонденций, намерены ли Вы издавать что-нибудь периодическое? Нужны ли Вам паспортные бланки? *** Если будет оказия—пришло Вам раздобытые мною. Сообщите, какие из прежних адресов еще действуют. Парижским я еще могу пользоваться, но не всякому россиянину его можно давать: перепутают, уж очень он длинный.

Всяких благ. Ваш Феликс

¹ См. предыдущее письмо от 27 сентября 1904 г.

* В рукописи дата стоит в конце письма. *Ред.*

** Слово «Землячка» в рукописи зашифровано. *Ред.*

*** Слова: «паспортные бланки» в рукописи зашифрованы. *Ред.*

Н. К. КРУПСКАЯ—М. М. ЛИТВИНОВУ

17[4]/X [1904 г. Женева].

Феликсу личное, новым ключем.

Дорогой друг, письмо, посланное Вами с оказией, получено¹.

С Кавказа пришли резолюции за съезд (присоединились к резолюции 22-х) от Союзного Совета, Тифлисского и Мингрело-Имеретинского комитетов². Саратов, оказывается, тоже высказывался за съезд, хотя условно, и к декларации ЦК отнесся отрицательно. Теперь, по нашему счету, выходит, что за съезд высказалось 14 комитетов, имеющих право голоса, да 4 не имеющих.

То, что Вы сообщаете относительно Антона, крайне неприятно, удивительно все же, как люди легко меняют фронт.

Как идут дела у «примиренцев» с ЦО, не знаю. Весьма вероятно, что меньшинство от конференции отказывается. На что она им теперь, когда ЦК теперь в их распоряжении! № 1 популярного органа «Социал-демократ» уже вышел, насчет южного транспорта и агитационной группы ничего не слыхали.

Бланки и книжки пришлите поскорее, у нас нет. Думаем устроить дело с Тильзитом. Пошлем Шаги³ и новые брошюры, за Шаги комитеты дадут деньги, кто-нибудь сможет забрать по дороге литературу и развезти, явки в комитеты у нас есть. Первый раз пошлем пуда два. Приходится действовать революционным путем, за нас комитеты, а они хотят нам зажать рот. Позаботьтесь о том, чтобы сохранить связи с контрабандистами, денег мы надеемся получить все-таки.

Крепко жмем руку.

Известите о получении письма и о том, разобрали ли шифр.

¹ См. письмо М. М. Литвинова от 27 сентября.

² Резолюции были напечатаны в брошюре Н. Шахова «Борьба за съезд» (см. печатку в сборнике «Как рождалась партия большевиков», стр. 351—352).

³ Брошюра Ленина «Шаг вперед, два шага назад» (см. Соч. Ленина, т. VI, стр. 155)

М. М. ЛИТВИНОВ—В. И. ЛЕНИНУ И Н. К. КРУПСКОЙ

19 (6) октября [19]04 года. [Рига?].

Дорогие друзья! Вернувшись домой, я застал Ваше письмо от 25/IX¹. Вы меня немножко не поняли. Я вовсе не спрашивал, как мне держать себя в случае отказа меньшинства от конференции и от кооптации. Я писал лишь, что необходимо нам всем столкнуться по этому поводу, необходимо нам всем одинаково относиться к этому вопросу. Меня

смущало приписываемое Жозефине заявление о нашем примирении с таким исходом, а раз она от этого отрекается,—тем лучше. Для меня лично и вопроса тут нет, и я совершенно согласен с Вами, что теперь дело не в кооптации. Карфаген должен быть разрушен... Я читал в бюро ЦК корректуры № 74 с постановлениями совета от 13 сентября и с обвинительным актом против Ленина за неявку в суд². Что Совет и ЦК пытаются всякими правдами и неправдами затормозить созыв съезда—станет ясным для всех скептиков даже. Нас всех страшно возмутило награждение правом голоса несуществующих вовсе или существующих только на бумаге организаций. Во-1-х, всем известно, что Брянский и Орловский комитеты одно и то же, а во-2-х, там вообще пустое место. Ровно ничего нет там. То же можно сказать и относительно Смоленского комитета, не имеющего даже своей техники и не выпустившего, кажется, ни одного собственного листка. Над этими комитетами сам ЦК постоянно издевается. Агитационного материала у нас теперь вдоволь, но доказывать приходится с документами в руках, ибо ныне в России на слово никому не верят. Конференция русских твердых комитетов необходима, и мы ее устроим, как только Землячка кончит свой объезд и оснуется где-нибудь. Дело это тормозится оттого, что у нас нет в России своего центра, который объединял бы нас. Выбранное на конференции 22-х бюро все время кочует и с ним невозможно списаться. Землячка пишет о своих успехах на юге, в особенности на Кавказе, и о готовности всех наших комитетов созвать свой съезд, если не удастся общий. Кстати, Северный комитет, ведь, тоже высказался за съезд. Итак, за нас: Питер, Москва, Тверь, Северный комитет, Нижний, Казань, Одесса, Николаев, Екатеринослав и Сибирь по 2 голоса = 20 + +Кавказ 8 = 28. Требуется, значит, всего еще 4 голоса. Получим их обязательно. Нам всем страшно хочется, чтобы поскорее выяснилось наше положение. Полулегальная, полуреволюционная тактика чрезвычайно тяготит нас. Прежде чем сделать решительный шаг—надо будет все хорошенько взвесить. Дело в том, что если порвем с легальностью и созовем свой съезд, мы от ЦК ничего не получим, ни инвентаря, ни денежных связей. Придется новому центру все начать с начала, завести, наладить весь центральный механизм, а это задача чрезвычайно трудная. Хватит ли у нас сил для этого? При страшной бедности комитетов ЦК и теперь не имеет от них никакой поддержки; наоборот, им приходится доставлять бесплатно и шрифт, и литературу, и пр. Деньги ЦК все время черпает из одного лишь источника, находящегося в руках Никитича³. Вот где заковыка. (Кстати, не странно ли, что в такое время *наш* Нижегородский комитет передает ЦК 1000 рублей?) Но все это выяснится несколько на конференции. Лучше было бы, конечно, если б удалось заставить Совет созвать общий съезд. ЦК в России чувствует уже, в какое он попал нелепое положение. Леонид поехал *на 3 дня* за границу предъявить меньшинству ультиматум: либо, мол, откажитесь от своих требований, или ЦК в 2 дня (!) созовет съезд⁴. Вы, конечно, знаете, что меньшин-

ство, между прочим, настаивает на оставлении за ним южного транспорта и выставляло даже такое требование: меньшинство должно посылаться ЦК на юг, а большинство на север. Мир, соглашение, слияние и черта оседлости!!! Недурно, а? Вероятнее всего, что Леонид очутится в объятиях Дана и сделает им еще уступочку, от себя. Это ведь типичный представитель «болота». Нил превысил свои полномочия, разрешив издание популярного органа за границей, так как состоялось постановление ЦК об издании этого органа непременно в России. Кроме ЦК, этим еще недобольно русское меньшинство (Харьковский комитет). И тот, и другой мечтали о подчинении заграницы России. Но это, конечно, сойдет заграничному представителю, избравшему себе девиз «моя рука владыка», тем более что ЦК, по собственному его признанию, охвачен апатией, и ему ни до чего нет дела. Ну и ЦК же у нас! Валентин ⁵, все-таки, снова поехал на север агитировать. Многие из примиренцев начинают, кажется, приходить к убеждению, что раскол на съезде сомнителен, а без съезда—неизбежен. Еще важнее, что после съезда, в худшем случае, от партии могут только отколоться Заграничная лига да 2—3 комитета, без съезда же партия раздробится на множество групп. Говорят, что на юге уже образуется самостоятельная экономическая рабочая партия с изгнанием интеллигентов, и что от Одесского комитета будто бы откололось уже несколько районов. Правда ли, что рабочие собрания в Одессе приняли резолюции в пользу декларации ЦК? Что Вы знаете об этом? Любопытно и новое явление: движение пропагандистов и, вообще, подкомитетских групп. Редакция, потерпев фиаско в комитетах и не встретив сочувствия со стороны рабочих, продолжает нащупывать все новые слои партии, на которые она могла бы опираться, и в данное время, очевидно, будет апеллировать к перифериям. Тут-то она может натолкнуться на самую благодарную почву, ибо, как известно, подкомитетские группы зачастую любят изображать из себя оппозицию по отношению к комитетам. У нас в Риге резолюцию в пользу декларации ЦК приняли несколько мальчишек из группы 3-й степени, не признаваемой комитетом за партийную организацию, так называемого кружка организаторов (задачи его: подыскание адресов, квартир и т. п.). Мутит у нас публику Гуревич ⁶ из Дармштадта. Он обижен тем, что я не пускаю его ни к своей работе, ни в комитет. Удивительно нелепый субъект, ничего в русских делах не смыслит, а самомнение огромное. Только такие господа и могут стать сторонниками редакции. Прилагаю при сем резолюцию комитета по поводу издательства Бонч-Бруевича. Наша здешняя публика недоумевает, зачем Вам нужны корреспонденции, раз Вы не издаете периодического органа. По-моему, это нужно хотя бы уже для того, чтобы наши литераторы были осведомлены о положении дел в России. На это возражают мне, что необходимо пока до поры до времени сохранять хоть видимость лояльности, чтобы мы не сбились на тактику меньшинства, а потому некоторые товарищи полагают, что Бонч-Бруевичу следовало бы ограничи-

ваться изданием брошюр по организационным вопросам, предоставляя остальную литературу по неспорным *...

¹ См. выше письмо Н. К. Крупской — М. М. Литвинову от 25 сентября.

² Речь идет о решениях Совета, опубликованных в приложении к №№ 73 и 74 «Искры». Здесь устанавливается, что эти решения были приняты Советом 13 сентября. «Обвинительным актом против Ленина» М. М. Литвинов называет здесь резолюцию II из числа решений Советов — об «обстоятельствах, сопровождавших участие делегатов партии в работах международного Амстердамского конгресса». Далее Литвинов высказывается по поводу решения Совета о порядке созыва III съезда.

³ Упоминаемый здесь денежный источник представлял орехово-зуюевский фабрикант С. Т. Морозов.

⁴ И. Ф. Дубровинский («Леонид») в это время действительно приезжал за границу с каким-то предложением от ЦК к редакции «Искры». Он вел отдельные личные переговоры по этому поводу с Плехановым, Мартовым и Аксельродом. Плеханов и Мартов склонялись на предложение ЦК, переданное Дубровинским, Аксельрод был против. Неполные указания на это имеются в письме Мартова к Аксельроду и в примечании к нему (см. «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. Ю. Мартова», берлинское изд. 1924 г., стр. 109 и 110).

⁵ Л. Е. Гальперин (см. Ленинский сборник VI, стр. 75).

⁶ Кто такой Гуревич — не установлено.

9

Н. К. КРУПСКАЯ—М. М. ЛИТВИНОВУ

Феликсу. Ключ новый.

25[12]/X [1904 г. Женева]. Дорогой друг, письмо от 6/X получено¹, но резолюции об издании Бонч-Бруевича вы забыли прислать, пишите химией, а то очень уж откровенно, затем в парижском адресе вы не написали фамилии, для кого из-за этого вышло недоразумение, и адрес отменяется. Посылаем новый. На юге дела, повидимому, обстоят недурно, но меньшинство поднимает периферию и рабочих, пуская в ход самую грубую демагогию, с этим придется серьезно бороться. Необходимо, чтобы кто-нибудь поскорее объехал север и восток. На востоке такая история. В № 75 Искры напечатано, что «в пользу партийного мира» (?) высказались комитеты Самарский, получивший только что право голоса, Астраханский (тоже) Саратовский и Урал. Они же выразили доверие ЦК. Писано это, очевидно, со слов Леонида. Достоподлинных резолюций не напечатано. Между тем мы вчера получили письмо с Урала, где говорится, что о ЦК они не слышали ничего несколько месяцев и не знают даже, существует ли вообще теперь ЦК и партия (?!!). Лицо, приехавшее из Саратова, рассказывало, что к декларации ЦК отношение комитета было крайне отрицательно. Очевидно ЦК пользуется тем, что восток отрезан от всех и живет, как в яме, и спекулирует на незнакомстве их с положением дел в партии. Необходимо как можно скорее туда поехать. Между прочим, Орловско-Брянский комитет Совет считает за один, а не за два. Одновременно с Рижским получил право голоса какой-то Курский комитет. Это еще что за зверь?

* На этом письме обрывается. Ред.

Необходимо также объехать север. Мы не имеем ни малейшего представления, что теперь делается в Нижнем, Туле, Твери, Москве, Северном комитете? Где их резолюции? Если послано непосредственно в ЦО и ЦК, то никто о них никогда не узнает. До сих пор напечатаны лишь те резолюции, которые прошли через наши руки, остальные «пропали».

Землячке пишите в Одессу.

Туда ЦК послал забавное письмо, где утверждает, что ЦК никакого меньшинства не кооптировал, что собрание ЦК, составившее декларацию, было законно, а что касается протеста одного его бывшего члена (Ленина, что ли? о том, что он исключен из ЦК, ему заявлено не было), то ЦК обратится для разбора этого конфликта в Международное бюро (нашли чем пугать!), а меньшинству уступок сделано не будет, и если они не распустят своей тайной организации, то ЦК приступит к созыву экстренного съезда. Что за гнусное торгашество съездом. Не сторгуемся, тогда съезд. Чорт знает что такое!

Относительно периодического органа у нас вполне определенные намерения². Литературные силы уже подобраны, деньги тоже, вероятно, будут, ибо хотя в руках ничего нет, но обещанием одного серьезного источника заручились³. Раньше, чем через месяц, вряд ли можно будет выступить с органом. Конечно, лучше бы поскорее кончилась эта неопределенность, но ничего тут не поделаешь. Транспорт свой большинство вынуждают заводить, ибо на вопрос большинства, будет ли ЦК перевозить литературу большинства, получился ответ: «Об этом не может быть и речи». Популярные брошюры большинство тоже вынуждено издавать само. Брошюра о социализме была передана в ЦК около полугода тому назад, одобрена им и затем погребена. Брошюра о стачках, переданная в ЦО давным давно, «затерялась». Затем, зачем же давать меньшинству чужими руками жар загребать и хвалиться «положительной работой», которую делают не они.

Паспорта пришлите поскорее. Из тюрем отовсюду шлют резолюции о своей солидарности с большинством. Ну, бывайте здоровы. Крепко жмем руку.

¹ См. предыдущее письмо М. М. Литвинова от 19(6) октября.

² Речь идет об издании органа большинства «Вперед».

³ О каком денежном источнике идет речь, не установлено.

М. М. ЛИТВИНОВ—В. И. ЛЕНИНУ и КРУПСКОЙ

Письмо Папаши

[8/I 1905 г.] 26/XII [1904 г.]¹.

Дорогие друзья. Сейчас объезжаю границу, меняю пароль, чтобы затруднить для ЦК самостоятельные действия в случае разрыва. Результатами поездки я доволен. Считаю дело с этой стороны налаженным.

Если и с вашей стороны все устроено, то скоро можно будет приступить к делу. Главное, о чем Вам надо бы сейчас же позаботиться, о связях с пограничными немцами. Но все же без поездки за границу мне, видно, не обойтись. Вернусь домой дней через 10—12 и, если не будет непредвиденной задержки, тотчас же отправляюсь на ту сторону. Для сапожного дела * я тоже нашел ценные источники. Нужны только деньги. Щетинщика задержите пока. Думаю, что для него работа найдется. Узнайте, может ли он жить в Сувалкской губернии. До моего возвращения из-за границы, людей мне не посылайте.

Привет Теофилия**.

¹ М. М. Литвинов отвечает на письмо Н. К. Крупской от 20 декабря, в котором она пишет о положении дел с транспортом и спрашивает, как обстоят дела с транспортом и у него (см. Ленинский сборник XV, стр. 268).

* Для паспортного дела. *Ред.*

** Письмо — копия, написанная рукой М. И. Ульяновой. *Ред.*

ПАМЯТИ ТОВАРИЩЕЙ

ПАМЯТИ ТОВ. А. М. ЭССЕНА (БУРА)

Александр Магнусович Эссен (Бур) родился в 1880 году. В 1899 г. он принимает участие в революционном студенческом движении, а с 1902 г.—активное участие в социал-демократических организациях, сначала искровских, затем большевистских. А. М. был членом Екатеринославского комитета с июня по сентябрь 1903 г., членом Петербургского комитета в 1903 г., московского комитета в 1904 г. и снова членом Петербургского комитета в 1905 году. В декабрьские дни он был арестован и сидел 8 месяцев в Петербургской предварительной тюрьме. По освобождении он перешел на работу в московскую организацию, где работал до конца 1906 года. Перед этим он в 1904 г. был делегатом от Петербургского комитета на совещании Северных комитетов большинства. На III съезде он был делегатом с совещательным голосом. С июня по август 1905 г. А. М. работал как агент ЦК, объезжал с докладом о III съезде

Северные, Южные и Северо-западные комитеты. Он организовал конференции Северных и Южных комитетов. Был представителем ЦК на II всероссийском студенческом съезде в Финляндии. С июня по декабрь 1906 г. был членом Московского комитета. В 1907 г. он, по болезни (туберкулез), от активного участия в партийной работе отошел. В 1917 г. А. М. работал агитатором при Тифлисском Совете рабочих депутатов, был редактором интернационалистской газеты в Тифлисе. С 1920 по 1925 г. заведывал издательским отделом Закавказского краевого комитета, был ректором политехникума и работал в Наркомземе Грузии и Закавказском Госплане. В 1925 г. переехал в Москву, где работал в Госплане РСФСР заместителем председателя, и с 1929 г. в НКПС.

В последние годы жизни А. М. часто и сильно болел и поэтому целый ряд работ был ему недоступен. Ему трудно было выступать на собраниях, и все время, которое оставалось у него от основной работы, и партийной нагрузки, он отдавал литературной деятельности. За последние годы им написано несколько крупных работ: «Три Интернационала» (1, 2 и 3 издания), «Пути строительства СССР», «Как складывалась программа ВКП(б)», «Основы генерального плана народного хозяйства СССР», «Что делает Советская власть, чтоб не попасть в кабалу к империалистам», «Куда ведет Советская власть народное хозяйство СССР», 2 главы в «Рабочей книге по обществоведению для 7 гр.», статья «Современная Германия» в сборнике: «Проблемы германской революции». Им же составлена хрестоматия «Четверть века борьбы за социализм».

Кроме того, им написано большое количество статей в журналах «Экономическая жизнь Кавказа» и «Кавказский рабочий», а также в «Бюллетене Госплана РСФСР» и в «Пролетарской революции». Активное участие А. М. принимал в Малой Советской и Технической энциклопедиях, для которых им также написан ряд статей (гидрология, гидрография, гидрометрия, гидроэлектрические станции и много других).

Из этой небольшой сводки его литературных работ видна не только огромная продуктивность, но и чрезвычайная разносторонность А. М. Им написан ряд книг по вопросам общественным, народного хозяйства, истории партии, международного движения, а также ряд работ, связанных с его основной специальностью.

Несмотря на разрушительное действие болезни, его работоспособность была изумительная. Он работал даже в постели, в санатории. В те месяцы, когда он чувствовал себя более или менее здоровым, он почти ежедневно после короткого отдыха проводил до 2 часов ночи за письменным столом. Писал он с исключительной легкостью, без единой помарки, с необычайной продуктивностью. Так, например, книгу «Три Интернационала» он написал в течение нескольких месяцев. А. М. сотрудничал в целом ряде органов, в Энциклопедии, и статьи, которые ему заказывались, он представлял в недельный—двухнедельный срок, работая над ними с исключительной добросовестностью, прочитывая часто для небольшой заметки огромную специальную литературу.

Он умел так организовать свое время, что никогда никто, даже близкие люди, не слышал от него ни слова об усталости, о перегрузке, о том, что ему некогда. Слова «некогда» в его лексиконе не существовало.

Он всегда был ровен, спокоен и всегда продуктивно умел использовать каждый час. Но в то же время это не был человек, ушедший только в книги, в науку, в работу. Он любил жизнь во всей ее многогранности, любил театр, музыку, искусство и находил время для этого. Много времени уделял семье, воспитанию своих сыновей. Это был не только крупный общественный работник, но и прекрасной души человек, отзывчивый товарищ, всегда находивший время помочь товарищу, облегчить жизнь другому. Он не замыкался в узкие рамки семейной жизни, хотя это был исключительный семьянин.

25 лет мы шли с ним рука об руку. Бывали минуты сомнений, тяжелых переживаний, колебаний, все это переживалось вместе. В 1917 г., когда началась Великая революция, нас как вихрем выбросило на улицу, и он со своими больными легкими, надорванным голосом целыми днями выступал на собраниях и митингах, пока не свалился и его не привезли с улицы больным. После недолгого пребывания в санатории он вновь вернулся к партийной работе, которую он не прекращал до самой смерти. Партии он был предан до самозабвения, твердо стоя на генеральной линии партии. Он остро переживал всю ту борьбу, которая велась с оппортунистическими уклонами. Он мучился, что благодаря болезни он не может, как он говорил, «вовсю поработать, как встарь».

Основной чертой его характера была изумительная скромность, которая, быть может, не давала возможности иногда дать ему нужную оценку. Больше всего он боялся помешать другим, причинить неприятность. Во время своих частых заболеваний он страдал больше за семью, за то, что приходится причинять, как он говорил, неприятности, беспокоить окружающих. Я ему всегда говорила: «Ты будешь умирать и извинишься за причиненное беспокойство». Так и вышло. Когда он заболел в последний раз в Кисловодске, он шесть дней провел без сна, без пищи, задыхаясь от нарыва в горле, но не написал ни строчки, боясь обеспокоить, и только на шестой день своей болезни он прислал письмо, когда ему показалось, что ему стало лучше:

«У меня шесть дней тому назад разболелось горло,—пишет он,—врачи предсказали обыкновенный горловой нарыв, а не ангину, так как налетов не было, температура была низкая—37,1 или 37,2°. На практике этот необыкновенный нарыв—это целый сад пыток, прежде всего, я абсолютно ничего не могу есть, твердое не проходило через минимальную остающуюся щель; жидкая пища вызывала такие кашлевые толчки, что фактически не мог ничего пить. Если к этому присоединить сильные боли, захватившие все лицевые нервы, то ты поймешь, что и спать я не мог».

От 17 сентября, за день до смерти, я получила от него два письма, написанные твердым почерком, с сообщением, что он поправляется, что

опухоль рассасывается, что сиделку ликвидировали, так как он совершенно в ней не нуждается.

«Я терпеть не могу,—пишет он,—злоупотреблять положением больного и за все бессонные ночи ни разу не позвонил. Сейчас мечтаю, чтобы хоть одну ночь поспать целиком. Пока еще не приходилось. Пишу довольно сумбурно и все о себе, так как ночь всю прокашлял и сейчас глаза почти слипаются».

Вечером того же дня он пишет: «Мои дела попрежнему, опухоль в горле рассасывается. Хотя у меня сейчас времени более чем достаточно, но я к литературной работе не приступаю, так как все время клонит ко сну».

18-го он пишет: «Обидно, что приходится так много писать о себе, но мне хочется держать тебя в курсе дела».

18-го в ночь его не стало.

Мария Эссен

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XIV

В литературе по ленинизму весьма значительное место, несомненно, займет «Ленинский сборник» XIV. В этом сборнике дан богатейший материал по трем разделам: 1. Заметки и выписки В. И. Ленина в первые месяцы империалистической войны (сентябрь—ноябрь 1914 г.). 2. Материалы по Циммервальду (конец июня—конец сентября 1915 г.) и, наконец, 3. Материалы по подготовке брошюры «Государство и революция» (январь—февраль 1917 г.), объединенные одним общим названием «Марксизм о государстве».

Все эти разделы составлены из заметок, выписок, писем, резолюций и воззваний, представляющих из себя ценный материал для изучения тактики и теории ленинизма. Нужно заметить, что все материалы объединены между собою одной основной мыслью: решительная и беспощадная борьба *против оппортунизма* за революционный марксизм. Годы войны, когда были написаны помещенные в сборнике материалы, были годами особо напряженной борьбы Ленина не только против российского, но и против международного оппортунизма. Это была борьба за создание нового III Интернационала на теоретической базе революционного марксизма.

Вторым моментом, характеризующим данный материал, является то, что Ле-

нин с особым вниманием и тщательностью разрабатывал интересующие его темы. В этом отношении разработка тем, напечатанных в данном сборнике, является классической. «Ленинский сборник» XIV представляет из себя поэтому весьма ценный образец для всех тех, кто приступает к марксистской разработке тех или других вопросов. Ленин детально делает выписки из различных газет; он тщательно собирает все выписки, относящиеся к тому или другому вопросу; эти выписки подвергаются самой внимательной разработке, делаются сравнения, сопоставления, выводы. И все это направлено на одну цель: доказать реакционную сущность оппортунизма, доказать необходимость восстановления истинно-революционного марксизма, как орудия пролетариата в классовой борьбе.

I

С первых же дней империалистической войны Ленин приступает к самому внимательному изучению причин этой войны и отношения социалистических партий к ней. Все это делается со специальной целью: выяснить и конкретно наметить задачи революционной социал-демократии в европейской войне. В этом отношении имеет огромное зна-

чение первоначальный текст тезисов о войне, написанный в первых числах сентября 1914 г. в г. Берне. В этом первоначальном тексте Ленин дает уже четкую формулировку идейного краха II Интернационала. «Основной причиной этого краха,—пишет он,—является фактическое преобладание в нем мелкобуржуазного оппортунизма, на буржуазность коего и опасность давно указывали лучшие представители пролетариата всех стран» (стр. 10). Исследуя деятельность оппортунистов по подготовке империалистической войны и происшедшего в связи с этим краха II Интернационала, Ленин в этих тезисах четко противопоставляет войну «против своих братьев наемных рабов других стран» войне «против реакции буржуазных правительств и партий всех стран». Таким образом с первыми раскатами грома империалистической бойни Ленин занимает четкую идейную позицию, намечая конкретные задачи для революционно-социалистической партии.

Более подробную характеристику положения социалистических партий в связи с империалистической войной Ленин дает в конспекте своей брошюры на тему «Европейская война и европейский социализм». Эта брошюра не была написана. Бурно развертывавшиеся события отняли все время у вождя рабочего класса, и он смог лишь использовать подобранные им материалы для этой брошюры в своих выступлениях, рефератах и отдельных статьях, напечатанных в «Социал-демократе».

Из конспекта брошюры «Европейская война и европейский социализм» необходимо отметить несколько основных мыслей, имеющих огромное принципиальное значение. Так, напр., Ленин проводит различие между национальной и империалистической войной, отмечая,

что национальные войны были началом буржуазной эпохи в отличие от империалистических войн, характерных для ее конца. На основе этого отличия Ленин ставит вопрос о целях той и другой войны. Он пишет: «*Национальная война*: сплотить национальную территорию, как базу развития капитализма, смести докапиталистические остатки. *Империалистическая война*: всем уже тесно в гибнущем капиталистическом корабле, отгеснить других и оттянуть конец капитализма» (стр. 15).

Для характеристики диалектического метода Ленина необходимо отметить, что у него отсутствует голое противопоставление империалистической войны—войне национальной. Четко отличая национальную войну от империалистической, Ленин в то же время подчеркивает, что в современной империалистической войне имеются моменты национальной войны. Таков, напр., «побочный характер национальной войны (Сербия) в современной войне». Диалектическая постановка вопроса о соотношении империалистической и национальной войн и о роли национальных войн в эпоху империализма основана у Ленина на его теории империализма как последней стадии развития капитализма и, в частности, подчеркивании им значения закона неравномерности капитализма в эпоху финансового капитала.

Дальше из конспекта названной брошюры необходимо отметить чрезвычайно важный момент о конкретных задачах социалистических партий на данный период. Описывая практическое поведение социалистов в отношении войны, союз «демократии» с царем, рост шовинизма во всех странах, Ленин ставит вопрос: что делать? На этот вопрос он дает ясный и четкий ответ: «Проповедывать и готовить граж-

данскую войну. Переходить не в министры, а в нелегальные пропагандисты» (стр. 17).

Ленин обращает особенно большое внимание на левое революционное течение в социализме. Констатируя глубочайший идейный крах II Интернационала, иллюстрируя этот крах фактами из социал-демократических газет, Ленин все время доказывает необходимость организации Интернационала, освобожденного от перебежчиков. В левых революционных социалистах, выступивших против войны, Ленин видит «элементы III Интернационала». Главной задачей этих элементов является беспощадная и решительная борьба с оппортунизмом, ибо, как не раз отмечает Ленин, «причина краха Интернационала: оппортунизм» (стр. 19).

Наряду с решительной борьбой против оппортунизма и в процессе этой борьбы Ленин неустанно выдвигает задачу превращения империалистической войны в войну гражданскую. Отмечая исторический характер этого превращения, автор конспекта четко различает два момента, а именно, *быстроту* этого превращения и *направление* к нему. «Одно дело быстрота этого превращения, другое—направление к нему» (стр. 19). Здесь Ленин ставит вопрос принципиально: необходимо сплотить возможно большее количество революционных сил, имеющих своей задачей превращение империалистической войны в войну гражданскую. Как быстро пойдет процесс превращения, когда совершится самый факт превращения—это будет зависеть от того, насколько энергично и решительно поведут свою работу те товарищи, которые выбрали это принципиальное «направление».

Война,—подчеркивает Ленин,—вскры-

ла слабость не только правительств буржуазных государств, но и социалистических партий. Это сказалось особенно ярко и наглядно на примере немецкой социал-демократии и ее центрального органа «Форвертс». Для доказательства этого Ленин берет один чрезвычайно яркий пример из статей «Форвертса» в эпоху войны. Этот пример показывает полное и недвусмысленное отступление немецкой социал-демократии с позиций классовой борьбы.

Конспект брошюры «Европейская война и европейский социализм» несомненно является первым теоретическим оформлением позиций III Интернационала. Разработка поставленных в этом конспекте вопросов имеет существенное значение не только для истории этого Интернационала, но и для его теоретического роста. Огромное значение имеет также разработка тех материалов, которые Ленин предполагал использовать для своей брошюры. Весь этот материал является обвинительным актом против оппортунизма. Особое значение имеет та действительная революционность, которой проникнут весь конспект Ленина и который учитывает все возможности и последствия войны. Здесь необходимо привести одно замечание Ленина, характеризующее ограниченность позиции Каутского в отношении войны. «Каутский—пишет Ленин—считается решительно со всеми и всяческими возможными последствиями войны,—кроме революционных движений пролетариата. Всякое движение учитывается, но молча предполагается, что пролетариат *двигаться* иначе, как в рамках, прусскими юнкерами дозволенных, не будет!!!» (стр. 23).

К конспекту брошюры приложены специальные выписки из книг о войне, выписки из некоторых литературных

произведений, вскрывающих причины войны, выписки из периодической печати о войне, вырезки из газет и, наконец, весьма ценные материалы к выступлениям Ленина по вопросу о войне. Весь этот материал тщательно проработан. Подбор этого материала показывает, что Ленин в отличие от многих литераторов, писавших о войне, ставил вопрос совершенно конкретно, оперируя фактами и событиями того времени.

Из материалов, характеризующих выступления Ленина на рефератах, необходимо отметить две записи Ленина. Одна из записей представляет из себя краткий конспект реферата и заключительного слова Плеханова, выдвинувшего целый ряд возражений против позиции Ленина и обвинившего Ленина в метафизике. Подробный разбор этих конспектов не входит в наши задачи, однако эти конспекты нуждаются в этом разборе, ибо они дают возможность глубже понять те разногласия, которые были между Лениным и Плехановым по вопросу о войне. Любопытно отметить, что Плеханов переносил центр тяжести на то, чтобы «разобраться, кому принадлежит позорная роль угнетателя, и всеми силами напасть на нее» (стр. 130). Здесь Плеханов пытался смазать специфические черты данной войны, как империалистической, чтоб обосновать лозунг защиты отечества в противовес Ленину, который эти специфичности подчеркивал, выдвигая лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. По существу здесь Плеханов выдвигал на первое место абстрактные задачи вместо конкретных, на которых настаивал Ленин, призывая к гражданской войне против империалистической бойни.

Большой интерес представляет также запись выступления Троцкого по рефе-

рату Ленина. Троцкий со свойственной ему ловкостью оперировал софизмами, стараясь противопоставить свою позицию «лозунг мира рабочих с рабочими... необходим *сначала...*» позиции Ленина. Наряду с этим Троцкий выдвинул мысль о том, что «война основана на индивидуальности, а не на *мушкетерской* массовидности...» (стр. 140). Разногласия между Троцким и Лениным по вопросу о войне вызвали довольно жаркие прения. В прениях, впервые, очевидно, в качестве намека было выдвинуто против Ленина обвинение в том, что он «агент Германии» (стр. 142). Надо отметить, что уже в это время (ноябрь 1914 г.) у Ленина зарождается мысль «пересмотреть свое старое бунтарское отношение к государству» (стр. 143).

II

Материалы, относящиеся к Циммервальду, включают в себя письма Ленина к Радеку, Каспарову, Берзину и др. Сюда же включена переписка Циммервальдской конференции 5—8 сентября 1915 г. и ленинский проект предложения об отклонении военных кредитов. Большой интерес представляет из себя проект резолюций ЦК по вопросу об империалистической войне (август 1915 года).

Из отдельных моментов, характерных для данных материалов, отметим лишь три. Во-первых, вся переписка Ленина проникнута беспощадной ненавистью к оппортунизму, к решительной борьбе с которым он призывает всех соприкасающихся с ним. Во-вторых, Ленин борется не менее решительно против тех, кто ограничивается в своей борьбе против империалистической войны лишь словесной агитацией. Так, напр., записывая прения на Циммервальдской конфе-

ренции, Ленин цитирует из речи Ледебура следующее место: «Мы не «блещем» отвагой, как Радек, но мы тоже агитируем». К этому месту Ленин от себя в скобках добавляет: «Только слова здесь, а не дела». В-третьих, Ленин обращает внимание на позицию колеблющихся, на тактику примиренцев, центристов. Так, напр., разбирая отчет Гримма о конференции, Ленин пишет, что «о нашей брошюре Гримм ни слова. Ну и жулик...». В другом месте Ленин прямо заявляет, что «*лояльность* Гримма—лишь фраза» (стр. 196).

Все эти факты показывают, в каких условиях приходилось работать Ленину, отстаивавшему свою позицию превращения империалистической войны в войну гражданскую. С одной стороны, находилась сплоченная рать оппортунистов, стоящих у руководства почти всех социалистических партий, которые вросли в буржуазное государство и отдали себя на службу империалистической клике, а с другой—среди недовольных официальным социал-демократическим руководством (оппозиционные «меньшинства») еще не произошла в достаточной степени дифференциация и сильны были центристские и лево-центристские элементы, настроенные пацифистски и не решавшиеся окончательно порвать с оппортунизмом. Каутскианцы в этой обстановке занимались «жульничеством» для того, чтобы прикрыть оппортунизм и смазать решительную борьбу ленинского крыла против оппортунистической клики.

III

Особенно большое значение в «Ленинском сборнике» XIV имеет материал, подобранный Лениным по вопросу «Марксизм о государстве». Здесь Ленин со-

брал почти все, что до него писали основоположники марксизма на тему о государстве. Этот материал был использован в дальнейшем для брошюры «Государство и революция». Однако полностью он для этой брошюры не был использован. Некоторые формулировки не вошли в новую брошюру. В некоторых местах эта брошюра была дополнена новыми материалами. Подробный разбор ленинских выписок и заметок по вопросу о государстве может быть сделан лишь в специальной статье, ибо Ленин охватывает здесь почти все основные вопросы марксистского учения о государстве. Для данной статьи мы выделим лишь три основных вопроса, подробно разработанных Лениным. Эти вопросы следующие: а) значение опыта Парижской коммуны для теоретической разработки марксистского учения о государстве; б) проблема разрушения буржуазной государственной машины в процессе пролетарской революции и создание нового государственного аппарата и, наконец, в) различие между анархизмом, оппортунизмом и революционным марксизмом по вопросу о государстве.

При анализе опыта Парижской коммуны Ленин останавливается прежде всего на ошибках Коммуны. Он вслед за Марксом констатирует две ошибки Коммуны: во-первых, великодушие и стремление оттянуть начало гражданской войны и, во-вторых, поспешную передачу Центральным комитетом своих полномочий Коммуне. «Обе ошибки—пишет Ленин—состоят в недостатке *оффензивы*¹, в недостатке сознания и решимости *разбить* бюрократическо-военную машину государства и власть буржуазии» (стр. 215; курсив Ленина).

¹ Наступательных действий.

Чем объясняется особый интерес Ленина к Парижской коммуне? «Чем—спрашивает Ленин—восторгается Маркс в Парижской Коммуне?» И Ленин, отвечая на этот вопрос, пишет: *«Гибкость, историческая инициатива, способность самопожертвования у этих парижан»*. Вслед за Марксом Ленин особенно настойчиво повторяет: «штурмующие небо парижане». В другом месте Ленин, анализируя замечание Маркса в 1871 г., пишет: «Значение Парижской коммуны: попытка *разбить* бюрократически-военную машину» (стр. 243). Это замечание не противоречит тому, что Ленин говорил выше, отмечая в числе недостатков Парижской коммуны нерешительность в разрушении буржуазной государственной машины. Самая проблема разрушения была поставлена верно. Попытка была, и ее нельзя смазывать, но эта попытка была нерешительной, половинчатой, недостаточной. Дальше, конспектируя «Гражданскую войну во Франции», Ленин подводит итог опыту Парижской коммуны, как определенной форме пролетарской социалистической республики.

Итог этот, по мнению Ленина, может быть суммирован следующим образом: 1. «Отмена постоянной армии». 2. «Демократически выбранное учреждение, ответственность и *сменяемость* во всякое время». 3. Коммуна, «*не* парламентарное, а работающее» учреждение «и законодательная и исполнительная власть». 4. «Полиция лишена политических функций и превращена в сменяемых исполнителей». 5. «То же все чиновники». 6. Общественная служба оплачивается не выше, чем обычная плата рабочих. 7. «Уничтожение привилегий (знатных) высших чиновников». 8. Попытка Коммуны немедленно «сломать орудие духовного угнетения, силу по-

пов». 9. Устранение кажущейся независимости судебного аппарата, открыто избираемого, ответственного и сменяемого. 10. «Национальная организация по коммунам» всей Франции. 11. Центральное правительство «из коммунальных, т. е. строго ответственных, чиновников». 12. «Коммунальное устройство и уничтожение той государственности, которая была паразитическим наростом». Другими словами, это означает, что Парижская коммуна не была старым парламентарским государством, а она была «народом, конституировавшимся по коммунам» (стр. 299—307).

Коммуна,—подчеркивает Ленин,—была новым историческим созданием, ломающим современную государственную власть. Как итог всех итогов Ленин пишет, что Коммуна—открытая политическая форма—была правительством рабочего класса, чего совершенно не понял «пошляк Бернштейн», который все свел на «муниципии» и местные самоуправления. К этому месту Ленин довольно решительно прибавляет: «идиот» (стр. 307). Суммируя высказывания Маркса о Коммуне, Ленин пишет: «Из этого сопоставления важнейших рассуждений Маркса о Коммуне ясно видно, что Маркс изо всех сил подчеркивает необходимость «упразднить» (армию и чиновничество), «уничтожить» ту государственную власть, «сломать современную государственную власть» и т. д., уничтожить, сломать, устранить, что? «*не* государство», а «современную государственную власть», «готовую государственную машину, чиновничество и армию в первую голову. Называя «государство» паразитическим наростом, Маркс «*почти*» говорит и об уничтожении государства. Но—пишет дальше Ленин—дело, конечно, не в термине, а в «*сути*» (стр. 307—309; курсив Ленина).

Сравнивая опыт Парижской коммуны с русской революцией, Ленин уже в январе 1917 г. делает одно чрезвычайно важное замечание. «Русская революция,—пишет он,—*подошла* к тому же приему, с одной стороны, слабее (более робко) подошла, чем Парижская коммуна, с другой стороны, показала *шире*—«советы рабочих депутатов», «железнодорожных депутатов», «солдатских и матросских депутатов», «крестьянских депутатов» (стр. 313). Основную идею у Маркса Ленин видит в том, что при захвате политической власти пролетариат *не просто* овладевает *готовой* государственной машиной управления, а *разбивает*, разрушает ее, заменяет ее *новой*. В чем должна заключаться эта новая государственная машина управления? На этот вопрос можно ответить лишь после изучения опыта Парижской коммуны. Новая государственная машина управления не «сочиняется», не высасывается из пальца, а «изучается» на опыте революции, извлекается из практики революционного движения.

Ленин тщательно разрабатывает вопрос об отношении к государственной машине в процессе пролетарской революции. Он детально выясняет все оттенки мысли у Маркса по данному вопросу, он исторически прослеживает отношения Маркса и его формулировку по вопросу о государственной машине. Так, напр., он подробно останавливается на выяснении в работах Маркса таких понятий, как «готовая государственная машина», «бюрократически-военная машина», «просто взять во владение», «перенести из одних рук в другие» и т. д. (стр. 217). Особое внимание обращает Ленин на выяснение вопроса о «разрушении государственной машины». В этом отношении Ленин не раз цитирует слова Маркса о том, чтобы госу-

дарственную машину «ломать» (*brechen*), о том, чтобы ее подвергнуть «разрушению» (*Zerstörung*), и, наконец, о том, чтобы ее «слопать» (*zerbrechen*) (стр. 223). Еще более четко Ленин формулирует отношение к государственному аппарату управления в процессе пролетарской революции в другом месте. Он пишет о необходимости, во-первых, устранить «машину подавления (войско, полицию, бюрократизм)», и, во-вторых, «обеспечить себя от своих собственных депутатов и чиновников». Первое достигается путем разрушения буржуазно-государственной машины управления, а второе—путем сменяемости депутатов и чиновников во всякое время и путем оплаты их не выше платы обыкновенного рабочего.

С особенным вниманием Ленин относится к заявлению Маркса о том, что в сознании многих рабочих до сих пор имеется «суеверная вера в государство», «суеверное почтение к государству». Обращая особое внимание на необходимость «выкинуть вон весь хлам государственности», цитируя это место Энгельса, Ленин на полях пишет: «долгой всю «государственную ветошь» (хлам), (дрянь)» (стр. 327).

Основная идея оппортунизма, опшляющего революционный марксизм, заключается в том, чтобы внушить рабочему классу возможность *мирного, законного вращания* капитализма в социализм. Ленин вслед за Энгельсом подчеркивает, что «честный оппортунизм опаснее» всех других видов оппортунизма. «Оппортунисты (особенно 1914—1917 гг.),—пишет Ленин,—вросли в чиновнически-военную государственную машину», которая чрезвычайно разрослась в эпоху империализма. «Задача пролетарской революции: «разбить», слопать эту машину, заменить ее полней-

шим самоуправлением внизу, на местах и *прямой* властью вооруженного пролетариата, его диктатурой, наверху» (стр. 239).

И здесь Ленин проводит весьма четко различие между анархистами, оппортунистами и революционными марксистами. Чего хотят анархисты, чем думают они заменить разбитую государственную машину? Ничем, ибо они настаивают на полной «отмене» государства, на взрыве государственности. Перед оппортунистами не стоит совершенно проблема такой замены, ибо они стоят на точке зрения скрытого или открытого отстаивания буржуазного государства, что ведет к увековечению государства. Чем,—спрашивает Ленин,—можно и нужно «объединить, связать общины»? «Союзом,—отвечает он,—организацией вооруженных рабочих (*советами рабочих депутатов!*)». Так *отвечает на этот вопрос революционный марксизм.*

Какие отсюда вытекают выводы? Анархизм ведет к аполитизму. Оппортунизм ведет к оправданию буржуазного государства. Революционный марксизм (ленинизм) ведет «к участию в политической борьбе для подготовки к революционному использованию государства (диктатура пролетариата; разбить старую машину; подавить сопротивление буржуазии; объединить и связать вполне демократические общины вооруженным, централизованным пролетариатом) для *перехода* к отмене классов, к *коммунизму*, ведущему к *отмиранию государства*» (стр. 239).

Отличие революционного марксизма от оппортунизма Ленин суммирует в следующих пунктах, в большинстве своем совершенно забытых оппортунистическими теоретиками: 1. Надо бросить всю болтовню о государстве. 2. Париж-

ская коммуна не была уже государством в точном смысле этого слова, а переходной формой от государства к не государству. 3. Нет и не может быть народного государства. Государство разлагается, распускается и исчезает, отмирает с введением социалистического общественного строя. 5. Государство—временное учреждение для революционной борьбы пролетариата за коммунизм. 6. Государство нужно пролетариату не для свободы, а для подавления противников пролетариата. 7. Когда будет свобода, тогда не будет государства. 8. Энгельс и Маркс в свое время предлагали в программе говорить вместо государство—община, коммуна. Оппортунисты, извратив марксистское учение о государстве, «ни одной из этих восьми богатейших мыслей *не* поняли!». В борьбе против анархистов за использование государства как политического орудия оппортунисты ударились в другую крайность и совершенно опошили, опоганили и извратили учение Маркса и Энгельса о государстве. Подытоживая разногласия революционного марксизма с оппортунизмом по вопросу о государстве, Ленин считает необходимым отметить следующие пункты различия: а) о временном характере государства, б) о вреде болтовни о государстве, в) о совсем государственном характере диктатуры пролетариата, г) о противоречии государства и свободы, д) о более правильной идее (понятии, программном термине)—общины вместо государства, е) о разбитии бюрократически-военной машины. Таков итог разногласий с оппортунистами.

«От анархистов,—пишет Ленин,—нас отличает: а) использование государства теперь и б) во время революции пролетариата («диктатура пролетариата») — пункты, важнейшие для практики,

тотчас (их-то и забыл Бухарин!...)» (стр. 257). Ленин предвидел, что ошибки анархистов по вопросу о государстве будут иметь особенно вредное влияние на революционную практику тотчас же по установлении диктатуры пролетариата. Отмечая ошибочность позиции Бухарина по вопросу о государстве, непонимание им наших различий с анархистами, Ленин пишет: «Бухарину было написано в VIII—1916 г.: «Дай *дозреть* твоим мыслям о государстве». Он же, не дав дозреть, полез в печать, как «Nota bene», и сделал это так, что вместо разоблачения каутскианцев помог им своими ошибками!». А по сути дела Бухарин ближе к истине, чем Каутский» (стр. 259). Для выяснения различий между оппортунистами, анархистами и революционными марксистами имеет большое значение следующее замечание Ленина: «Использование современной государственной власти и парламентов—спрашивает он—остается или нет? Нет, отвечают анархисты—Да, *по-старому* у, также тем путем, который привел к краху 1914 г., отвечают оппортунисты прямые и косвенные (каутскианцы). Да, отвечаем мы, *но не по-старому*, а *только à la* Карл Либкнехт, т. е. (α) для революционного выступления *во главе*, а не в хвосте движения; (β) для служения массовому революционному движению;—(γ) под контролем его;—(δ) в постоянной связи легальной работы и нелегальной;—(ε) в постоянной борьбе до конца, до раскола с оппортунистами и *чиновниками* рабочего движения» (стр. 315).

Это место у Ленина имеет огромное теоретическое значение, так как оно суммирует суть нашей борьбы с оппортунистами и анархистами. С другой стороны, здесь Ленин теоретически опровергает возможность достижения

социализма методами хозяйственной демократии и демократического управления: «Буржуазное государство—пишет он—*впускает* рабочих и социал-демократов в свои учреждения, в *свою* демократию так и только так, что оно (α) процеживает их, отцеживая революционеров; (β) измором «берет» их, превращая в чиновников; «стратегия, направленная на изнурение наших противников, врагов; *стратегия, направленная на изнурение противника с другой стороны!*» (γ) подступом берет их: «*вы их обучайте, а мы их купим*»... (δ) кроме грубого подкупа практикует тонкий, вплоть до *лести*, их задабривают и т. д., (ε) «занимает», заваливает «работой», душит под стопами «бумаг», гнилым воздухом «реформ» и реформочек, (ζ) развращает мещанским уютом «культурню» сносной филистерской жизни...» (стр. 317).

Описав эти методы обволакивания буржуазным государством социал-демократии, Ленин решительно подчеркивает: «борьба с этим по всей линии». Как, спрашивает он, бороться? И дальше следует ответ: «Не отказом от участия (в буржуазной жизни?)—это возможно *лишь* в исключительные моменты,—а созданием направления и партии *для* такой борьбы» (стр. 317).

Как видно из этих выдержек, Ленин сугубое внимание обращает на необходимость создания особого направления и особенно сильной партии для борьбы не только с буржуазией, но и с оппортунизмом, ибо в конечном счете вопрос разрешается не только «объективной обстановкой», но и субъективными факторами, наличием дисциплинированной партии, имеющей определенную программу действия (направление) и сплачивающей свои силы для решительной борьбы. Подчеркивая необходимость та-

кого направления, Ленин пишет: «Карл Либкнехт не одиночка, он вырос из левого направления в германской социал-демократии. Большевики не «казус», они выросли из борьбы с оппортунизмом в 1894—1914 гг.!» (стр. 317).

* * *

«Ленинский сборник» XIV, на важнейших моментах которого мы остановились в данной статье, но всю сумму материалов которого мы, разумеется, далеко не использовали, представляет из

себя огромную теоретическую ценность для разработки вопросов большевистской тактики для Коминтерна вообще и для разработки теоретических вопросов о пролетарском государстве в особенности.

Эти материалы необходимо использовать со всею тщательностью для борьбы на два фронта, для разрешения стоящих сейчас перед Коминтерном и нашей партией труднейших задач по дальнейшей разработке ленинизма и по социалистическому строительству.

А. Ангаров

ТОВАРИЩ ТЕОДОРОВИЧ В ПЛЕНУ У НАРОДНИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

(По поводу книги т. Теодоровича «Историческое значение партии «Народной воли» изд. Общества политкаторжан, Москва 1930 г.).

Рецензируемая нами книга является сборником всех тех статей, речей и выступлений т. Теодоровича, которые имели место в течение последнего года в связи с развернувшейся полемикой вокруг пятидесятилетнего юбилея «Народной воли». Начало дискуссии, как известно, положила статья т. Теодоровича «Историческое значение партии «Народной воли» в № 8—9 «Каторги и ссылки» за 1929 год. Она явилась сигналом для целого ряда ответных статей, помещенных в разное время на страницах большинства наших исторических журналов («Пролетарская революция», «Каторга и ссылка», «Историк-марксист», «Большевик» и т. д.) и по существу оказалась тем стержнем, вокруг которого развевалась вся полемика в Обществе историков-марксистов на заседаниях, посвященных пятидесятилетнему юбилею «Народной воли». Уже одно это подчеркивает значение и интерес книги т. Теодоровича, в которой собрано все то, что может помочь читателю составить себе ясное представление о точке зрения рецензируемого автора.

Собранные воедино все статьи и выступления т. Теодоровича, с одной стороны, облегчают читателю знакомство с ними, избавляя его от необходимости разыскивать их по отдельным журналам, а с другой—еще более наглядно и выпукло подчеркивают *цельность* точки зрения автора и исключительную последовательность и упорство в ее защите. Тов. Теодорович, начиная с первой же своей статьи, исходя из того, что «научно-историческое изучение идеологии народолюбия ни в коем случае не может считаться законченным» и что «по целому ряду самых основных вопросов мы имеем прямо противоположные, исключают друг друга, суждения», ставит перед собой большой важности задачу дать четкую и ясную, в определенной мере исчерпывающую и оригинальную трактовку проблемы революционного народничества и народолюбия. При этом трудность задачи усугубляется, по мнению т. Теодоровича, тем фактом, что «в коммунистической литературе о народолюбии

стве существуют две *основных* (курсив автора) концепции: В. И. Ленина и М. Н. Покровского. *Моя работа ставит своей целью показать ошибочность точки зрения т. Покровского и развернуть всю возможную аргументацию в пользу концепции Ленина*¹ (курсив мой. Э. Г.). Задача, как видим, чрезвычайно ответственная и важная: защита ленинских позиций в вопросах народовольчества против всяких попыток искажения ленинизма в этом вопросе. И т. Теодорович считает, что он эту задачу полностью и с честью выполнил:

«Результатом этой очень длительной и кропотливой работы, незаметной для легкомысленных моих критиков, и явилась моя работа о народовольчестве, которую я называю попыткой реставрации взглядов Ленина, попыткой «прорваться» к Ленину»² (курсив мой. Э. Г.).

Этими словами т. Теодорович констатирует не только то, что научно-историческое изучение народовольчества не закончено, и не только то, что по этому вопросу существуют различные, часто взаимно исключают друг друга точки зрения, но что на историческом фронте до вмешательства т. Теодоровича в этом вопросе царил полный хаос и даже чистейшей воды ревизионизм, выразившийся в отходе от Ленина. Для защиты же ленинских позиций надо в наших условиях «с боями» «прорваться» к Ленину, реставрировать ленинизм! И т. Теодорович со всем, свойственным ему, энтузиазмом, пылом и энергией призывает всех честных людей, «не ослепленных штампом и не сбитых с толку

уныло-бездарными шпаргалками», вместе с ним прорваться к Ленину.

А между тем, всякому хоть немного знакомому с ходом дискуссии, известно, что точка зрения т. Теодоровича встретила единодушный отпор как в Обществе историков-марксистов, так и на страницах наших исторических журналов, как *неленинская*, в корне ошибочная и ложная по существу концепция народовольчества. Тезисы Культпропа ЦК, которые автор поместил в качестве приложения к своей работе, подводят печальный итог, итог, с которым по существу полностью расходится сам автор всей книги. Они констатируют, что т. Теодорович *пересматривает* ленинское понимание революционного «наследства», вошедшего в арсенал ВКП» и что его статья является попыткой «смазать различие между научным и утопическим социализмом, попыткой прикрашивания народовольчества».

Таким образом, судя по всему, в лагере ревизионистов, которым следует «прорваться к подлинному живому Ленину», оказался сам т. Теодорович, а не его критики. Между намерениями, желаниями и задачами, которые ставил себе автор, и *объективными результатами* всей его работы, как мы видим, существует огромная дистанция.

Любопытно, что т. Теодорович, выпуская книгу, уже после дискуссии, ни в какой мере не учел всех тех указаний, поправок и замечаний, которые так единодушно делались по поводу его статей и высказываний. Статьи до-дискуссионного периода, перепечатываемые в сборнике, и статьи последискуссионного периода настаивают упорно на одной и той же точке зрения. Автор на всем протяжении книги остается верен своим положениям и с упорством, достойным лучшей участи, продолжает на них на-

¹ И. Теодорович, «Историческое значение партии «Народной воли», стр. 142.

² Там же, стр. 247.

стаивать. А между тем, никто иной, как сам т. Теодорович неоднократно напоминал, что «в хорошо организованном споре рождается истина». В данном случае истина не родилась для т. Теодоровича, и его книга в то же время является примером неленинского, а значит и не марксистского, анализа интересующей нас проблемы.

Правда, некоторые указания дискуссии т. Теодорович как будто учел. Его основная статья («Каторга и ссылка» № 8—9), как оговаривает в примечании сам автор, перепечатывается с «небольшими изменениями». Присмотримся поближе к характеру этих изменений. Если не считать некоторого количества новых примечаний, не имеющих принципиального значения, то основные изменения идут по линии широкого применения курсива там, где его раньше не было. Оставляя в силе все свои положения о том, что народовольцы «предвосхитили» идею переходного периода, идею советов, идею нэпа, Красной армии и т. д., автор всюду дает курсивом следующие три слова: «в зародышевой форме». Это, очевидно, прежде всего, для невежественного читателя и критика, который на эти слова не обращал внимания.

А между тем, неоднократно указывалось, что спасительная оговорка насчет «зародышевой формы» ничего по существу не меняет, ибо мы имеем принципиально (*качественно, а не количественно*) разные вещи, т. е. мы имеем переходный период, нэп, советы, как идеологию мелкого производителя, а не пролетариата (т. е. не переходный период, не советы, не нэп в нашем понимании). Всюду здесь не хватает одной «мелочи» — пролетариата и пролетарской идеологии. И никакой курсив не может

исправить исходное неверное положение.

Любопытна еще одна, по внешнему виду незначительная, но по существу глубоко принципиальная поправка, которую т. Теодорович вносит на протяжении всей статьи. Всюду, где в старом тексте писалось «мелкий товаропроизводитель», в новом тексте заменяется просто мелким производителем (приставка «товаро» исчезает).

Для незнакомого с ходом дискуссии читателя это изменение совершенно незаметно, во-первых, и совершенно непонятно, во-вторых. Мы остановились на этой поправке только потому, что она несомненно имеет серьезное значение, еще более подчеркивая противоречия т. Теодоровича. Если считать, что термин «мелкий производитель» и «мелкий товаропроизводитель» понятия равнозначные, то тогда замена не играет существенной роли. Но, как считает сам т. Теодорович, это понятия не равнозначные, и потому поправка касается не столько стиля, сколько содержания. Классовая характеристика «мелкий производитель» в противопоставление мелкому товаро-производителю может означать только одно: производителя, еще не втянутого в орбиту капитализма, почти не затронутого товарным хозяйством, не знающего еще производства на рынок, товарного производства, т. е. категорию *в основном* докапиталистического общества. Но в таком случае, как это согласовать со старым текстом статьи, который т. Теодорович оставил без всякого изменения и куда *механически* вклеен мелкий производитель, вместо товаропроизводителя? В окружении старого текста у т. Теодоровича выступает «мелкий производитель», стонущий под прессом капитала, «мелкий производитель», гибнущий от капитали-

стической конкуренции, «мелкий производитель», который лишается своей самостоятельности и превращается «в пролетария отца», т. е. категория, несомненно, уже капиталистического общества. Тут такая путаница понятий, в которой сам автор, вероятно, не может разобраться. И главное, что при такой постановке вопроса совершенно исчезает *четкая, классовая характеристика народничества*¹. Остается простой «мелкий производитель» вне времени и пространства, вне ясной экономической характеристики, и в связи с этим невольно вспоминается та полемика, которую вел т. Ленин с представителями Рабочей оппозиции, выдвинувшими еще более общий термин «производителя» вообще. В резолюции X съезда партии об анархо-синдикалистском уклоне сказано следующее: «Понятие «производитель» объединяет пролетария с полупролетарием и с мелким товаропроизводителем, отступая, таким образом, коренным образом от основного понятия *классовой борьбы* и от основного требования *точно различать классы*»² (курсив мой. Э. Г.).

Отсутствие четкого классового анализа—основной методологический грех т. Теодоровича. Этой основной ошибке мы и намерены посвятить свою статью, минуя массу других фактических и методологических ошибок, которые более или менее подробно были подвергнуты критике в соответствующих статьях наших исторических журналов и в ходе самой дискуссии.

¹ Критика т. Теодоровича по этой линии была широко развернута во время дискуссии. См. по этому поводу материалы дискуссии («Дискуссия о Народной воле», изд. Ком. академии) и в частности статью пишущей эти строки в «Пролетарской революции» № 2—3 за 1930 г. «Ленин о революционном народничестве и народофильстве».

² Ленин, Сочинения, т. XXVI, стр. 262.

Спор с т. Теодоровичем, как известно, шел по линии защиты основного, центрального ленинского положения, определяющего классовую сущность народничества и его объективно революционное значение, как борьбу за победу фермерского пути развития, за крестьянскую революцию в России. Оппоненты т. Теодоровича, исходя из совершенно ясных и недопускающих никаких кривотолков ленинских указаний, доказывали, что основное прогрессивное, революционное в народничестве—его демократическая сторона, его борьба против крепостничества и крепостнического самодержавия, а не его утопическая, социалистическая доктрина. Тов. Теодорович, сначала в менее резкой форме, а затем все более и более решительно и прямолинейно, выступил против этого положения. В своем заключительном слове на дискуссии он прямо заявил, что это ложная точка зрения, ложное утверждение и что здесь налицо не ленинская трактовка вопроса, а очередное искажение ленинизма, «*грим, наложенный на Ленина*» (стр. 217).

Как же аргументирует свое обвинение против вышеприведенного тезиса т. Теодорович? Прежде всего тем, что революционно-демократическую сторону народничества ценил также и Плеханов (?!). Плеханов же меньшевик, и его концепция народничества, действительно, во многом отличается от ленинской; следовательно, Ленин не мог говорить того, что говорит Плеханов и вслед за Плехановым ценить именно демократическую сторону революционного народничества. Но как же в таком случае объяснить следующее, довольно определенное замечание Ленина? «Марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего,

решительного, боевого демократизма крестьянских масс. В *старой марксистской литературе* 80-х годов прошлого века (каждому читателю, я думаю, понятно, что речь идет о группе «Освобождение труда» и, следовательно, возглавляющем ее Плеханове. Э. Г.) можно найти систематически проведенное стремление выделять это ценное демократическое ядро. Когда-нибудь историки изучат систематически это стремление и проследят связь его с тем, что получило название «большевизма» в первое десятилетие XX века¹ (курсив мой. Э. Г.).

Кажется, ясно, что в данном случае Ленин говорит о заслугах Плеханова и группы «Освобождение труда» как в критике народничества, так и в оценке основного в народничестве наследстве. Подобных замечаний у Ленина можно встретить довольно много, и это не противоречит другому, довольно определенному положению, что ленинская и плехановская трактовки народничества во многом не совпадают, а часто даже находятся в резком противоречии друг с другом. В частности, там, где Плеханов трактует народничество, как движение узкой прослойки интеллигенции, где он говорит о реакционности народничества и крестьянского движения, там он целиком становится на позиции меньшевизма и заслуживает самой резкой критики. Но верхом нелепости является брать то, что есть правильного у Плеханова, и этим аргументировать против основного ленинского положения, которое он защищал на протяжении всей своей жизни, которое красной нитью проходит через все его работы о народничестве и от которого он никогда не отказывался и не отступал.

Вторым аргументом против вышеуказанного ленинского тезиса о ценном демократическом наследстве революционных народников является, по мнению автора, наша современность, современная политика партии, сплошная коллективизация и массовая тяга крестьянства в колхозы (?!).

Для того, чтобы понять смысл этого призыва к современности, обратимся лучше всего к объяснениям самого т. Теодоровича: «Мои оппоненты в дискуссии о «Народной воле» ложно утверждают, будто Ленин в крестьянском движении видел и ценил только буржуазно-демократическую сторону. На деле, конечно, он, как и Каутский (как и все образованные марксисты), понимал колоссальную важность «крестьянского социализма», «крестьянской социалистической революции», как он выражался, «направленной против основ современного общества» (т. I, стр. 179). Почему? Да потому, что, решительно отметая нелепую мысль о возможности некапиталистического развития мелкого производителя в обществе капиталистическом (курсив автора), он вслед за Марксом признавал эту возможность в обществе, возглавляемом диктатурой пролетариата (курсив автора). Хотя он никогда не забывал того, что «за социалистическую революцию всерьез идет только (курсив автора), пролетариат, а мелкая буржуазия (курсив автора) идет к ней колеблясь», тем не менее он не впадал в другую крайность—неверия в реальную возможность переделки мелкого земледельческого хозяйства с его согласия в крупное—социалистическим пролетариатом»¹ (курсив мой. Э. Г.).

Остановимся подробнее на разборе

¹ Ленин, Сочинения, т. XVI, стр. 166.

¹ Теодорович, «Историческое значение партии «Народной воле», стр. 180.

этой цитаты, ибо в ней ключ к пониманию всей схемы нашего автора. Основные положения этой схемы можно сформулировать, приблизительно, следующим образом:

1. Если рассматривать революционное народничество только как борьбу за фермерский путь развития, то это значит предать забвению основное положение ленинизма о двойственности социальной природы крестьянства, о двух душах крестьянина, из которых одна буржуазна и тянет к капитализму, к крестьянской *буржуазной* революции, а другая—душа труженика и тянет к социализму, к крестьянской *социалистической* революции.

2. Революционное народничество и народофильство представляло в основном вторую душу крестьянина и боролось не столько за фермерский путь развития, сколько за *некапиталистическую эволюцию* крестьянского хозяйства, за его социалистическую переделку.

3. Поэтому революционное наследство, революционный опыт и революционные заслуги народников и народолюбцев не столько в их демократической программе и в их борьбе против крепостничества, сколько, прежде всего, в их борьбе за некапиталистическую эволюцию крестьянского хозяйства, за «крестьянский социализм» и «крестьянскую социалистическую революцию».

4. Отсюда вывод: всякий, кто иначе расценивает революционную сущность народничества, забывая про вторую душу крестьянина, неизбежно скатывается к чистейшей воды оппортунизму, неизбежно должен прийти к неверию в возможность социалистической переделки крестьянского хозяйства. Ибо как в таком случае понять, почему крестьянин

пошел в колхоз, неожиданно грозно вопрошает т. Теодорович своих оппонентов? А раз пошел, значит он все-таки способен на некапиталистическую эволюцию, на крестьянскую социалистическую революцию?

5. Поэтому всякую защиту положения о том, что основная заслуга народников заключается в их борьбе против крепостничества и за фермерский путь развития, т. Теодорович рассматривает как своего рода удар по современной политике партии. Логическим выводом и вершиной теоретических изысканий т. Теодоровича является таким образом положение, которое автор не договаривает, но которое мы можем договорить за него и которое сводится к прямой необходимости стать *на народническую точку зрения* для того, чтобы объяснить возможность социалистической переделки крестьянского хозяйства, а всякая критика народнической утопии некапиталистического развития означает чуть ли не поход против современной линии партии!

Мы передали, по мере возможности, объективно сущность схемы т. Теодоровича. Таково ее подлинное лицо, если логически довести ее до конца и освободить от всяких привесков, от внешне-ортодоксальных утверждений, которыми автор умело пересыпает свою ложную по существу схему. Итак, основная заслуга народников и революционное наследство, вошедшее в арсенал ВКП,—это их теория некапиталистической эволюции. Правда, справедливость требует отметить, что т. Теодорович неоднократно напоминает и подчеркивает различие между теорией некапиталистической эволюции народников и той же теорией у Маркса и Ленина. Это различие идет по линии того, что народники мечтали о некапиталистической

эволюции при капитализме и без *руководства пролетариата*, а революционные марксисты говорят о возможности такой эволюции только в эпоху диктатуры пролетариата и *только* при условии его гегемонии. Но вся беда в том, что т. Теодорович стирает крупнейшую и исключительно принципиальную важность этого различия всем ходом своего изложения и сводит это различие опять-таки не к *качественной*, а к *чисто-количественной* стороне: не годилось, было утопично для эпохи 70-х годов, годится для сегодняшнего дня, для эпохи империализма и пролетарской революции. Таким образом сблизается мелкобуржуазная утопия некапиталистической эволюции и марксистско-ленинское учение о возможности некапиталистического развития отсталых стран в условиях эпохи мировой социалистической революции.

И недаром один из сторонников т. Теодоровича, положения которого последний нигде и никогда не подверг критике, четко и недвусмысленно ставит все точки над *i*, во всеуслышание заявляя, что основная заслуга народников, которая будет занесена «в идейный инвентарь пролетарской революции в качестве ценного наследства», это—их теория, их «взгляд о некапиталистическом пути развития докапиталистических общественных форм. *Трудно сказать, кому принадлежат здесь «авторские права»: Марксу—Энгельсу или русским народникам*»¹ (курсив мой. Э. Г.). Тут уже попросту, без всяких замалчиваний ставится знак равенства между некапиталистической эволюцией народников и Маркса. Это и есть под-

линное воскрешение неонародничества в его самом неприкрытом и худшем виде.

Создавая и защищая свою схему, т. Теодорович забывает одно коренное и общеизвестное положение Ленина: «Не всякая буржуазная революция есть крестьянская революция, но *всякая крестьянская революция есть буржуазная революция*». А т. Теодорович упорно грезит о крестьянской *социалистической* революции, забывая, что таковой в природе нет. Ибо есть либо крестьянская буржуазная революция, либо *социалистическая* революция пролетариата. Поэтому народники, *субъективно* мечтая о крестьянской социалистической революции, объективно в условиях России 70-х годов под социалистической утопией некапиталистического развития скрывали, как говорит Ленин, «*чисто-капиталистическую* (курсив Ленина), *максимально-капиталистическую* аграрную программу!»¹ (курсив мой. Э. Г.).

Все это кажется до прозрачности ясно всем знакомым с ленинской концепцией народничества, но безуспешно и очевидно бесполезно мечтать о возможности убедить в этом т. Теодоровича. Никто из марксистов до сих пор не оспаривал также и другое, само собою понятное, утверждение, что теории некапиталистической эволюции Маркса и народников в корне противоположны. Если Маркс в определенной мере повторил и согласился с теорией народников о некапиталистическом развитии России (как утверждают гг. Рындин и Теодорович), тогда действительно непонятной становится вся борьба русских марксистов (и в том числе Ленина, как застрельщика этой борьбы) против общины, против народнических теорий о возможности некапиталистиче-

¹ Рындин, «К вопросу о классовой природе революционного народничества», «Пролетарская революция» № 5, 1930 г., стр. 204.

¹ Ленин, Сочинения, т. XXVI, стр. 29.

ского развития России. При такой постановке вопроса русские марксисты, борясь против народников, неизбежно боролись против Маркса, якобы их защищавшего, и Ленину понадобился опыт революции 1905 г. и опыт империалистской войны, чтобы «прийти» к народникам, так как, по словам самого Теодоровича, ленинская теория некапиталистической эволюции начала складываться только в 1915 году. Сказать, что теория некапиталистической эволюции Маркса и народников совпадает— это значит сказать, что крестьянство *самотеком* придет к социализму, что возможна *самостоятельная* крестьянская *социалистическая* революция. Ибо народники как раз исходили из того, что крестьянство *само по себе*, по своей собственной «природе», социалистично и потому способно перепрыгнуть через общину прямо в лоно социализма. Этот именно тезис народников подвергся самой беспощадной критике марксизма и именно по этой линии проходит основной водораздел между марксистской и народнической идеологией. Забывать это— значит забывать азбуку марксизма. И недаром, несмотря на все оговорки т. Теодоровича, основной тон его рассуждений таков, что тезисы Культпропа ЦК, подводя итоги дискуссии, прямо вынуждены констатировать, «что точка зрения т. Теодоровича *ведет к возрождению старой народнической теории о том, что крестьянство самостоятельным путем, «самотеком» идет к социализму.*

Такая точка зрения, к которой склоняется т. Теодорович, объективно делает высказывающих подобные взгляды, по выражению т. Сталина, «крестьянскими философами». Эти взгляды т. Теодоровича ведут к неправильному представлению о том, *каким путем* крестьянство

переводится на рельсы социализма в обстановке диктатуры пролетариата, *к уменьшению руководящей роли пролетариата».*

Таким образом, призыв т. Теодоровича к современности в качестве аргумента явился как нельзя более кстати, но вся беда в том, что эта современность бьет самого т. Теодоровича, а не его оппонентов. В развернутом виде ложная концепция Теодоровича с неизбежностью приводит его к повторению *основного народнического заблуждения* о том, что крестьянство «самотеком» придет к социализму и к забвению руководящей роли пролетариата. Поэтому не случайно, а вполне закономерно, что в лагерь тт. Теодоровича и Рындича можно отнести таких непредвиденных и неприятных, как для той, так и для другой стороны, союзников, как Суханов и Зензинов.

Никто иной, как Зензинов, на страницах «Современных записок», разбирая знаменитое письмо Маркса к Вере Засулич и, главным образом, черновики этого письма, доказывает по существу то же самое, что и критикуемый нами автор, а именно, что по вопросу об общине и о возможности некапиталистической эволюции России *«Маркс был народником».*

«И разве из приведенных выдержек не ясно—доказывает Зензинов, цитируя ответ Маркса В. Засулич,—что основные вопросы народничества—особые пути России, оценка русской общины, ее жизнеспособность, возможность использования капиталистического производства на Западе для общинной России, историческая роль интеллигенции, оранжерейное происхождение русского капитализма, роль кооперации—*разве все эти вопросы Марксом не ставились и не разрешались именно в духе на-*

родничества? Совпадение доходит даже до выпадов против... «марксистов», этих русских «любителей капиталистического строя». *Во всех этих вопросах, раздиравших в течение десятилетий русскую общественную мысль* (курсив мой. Э. Г.), *Маркс был определенно на стороне народников»*¹ (курсив автора).

Неужели же и сейчас, после этой цитаты, не понятно, что отдавать Маркса народникам—это прием, достойный только эсеров и эсерствующих, но не последователей марксистов? Цель Зензинова ясна: противопоставить Маркса и его высказывания об общине марксизму в целом и доказать этим самым правоту народников. Но какую цель преследовали гг. Теодорович и Рындич, сближая марксову теорию некапиталистической эволюции с народническими взглядами на этот счет; какую они преследовали цель, выставляя то, против чего марксизм в течение целых десятилетий упорно боролся, наиболее ценным и важным, в наследстве народников, что вошло в арсенал ВКП,—уже совсем непонятно. Это в корне неверное исходное положение приводит нашего автора к тому, что он и сплошную коллективизацию и тягу крестьянина в колхоз рассматривает как нечто уже «предвосхищенное» теоретическими построениями народников. И недаром второй из союзников т. Теодоровича, из враждебного лагеря, исходя из той же методологии, упрекал большевиков за то, что они не желают проводить в жизнь заветов Маркса об общине. «Земельной крестьянской общине у нас поистине не повезло,—сетует Суханов.—Сколько ценностей радикально переоценила революция, сколько понятий она превратила в

собственную противоположность! То, что расценивалось в царском и буржуазном строе, как положительное, стало отрицательным при советской диктатуре рабочих и крестьян. И наоборот. Так свобода печати в эпоху борьбы пролетариата за политическую власть являлась благом и стала злом в эпоху борьбы буржуазии за реставрацию. Так постоянная армия была злом и стала благом. Так в области теории социалистического движения, при господстве капитализма идея вращающегося социализма в буржуазный строй была проявлением самого скверного вида реформизма, оппортунизма, ренегатства и она же по *сю сторону* революции стала лозунгом социалистического строительства. Во всех этих вывертываниях наизнанку общественных явлений смелость и ясность мысли сделали свое дело. Но общине не повезло»¹.

Хотя Суханов здесь взывает к диалектике, но вся его аргументация—пример самого *метафизического* толкования Маркса, какое только можно представить, ибо, как правильно замечает т. Кубанин, критикующий это положение Суханова на страницах журнала «На аграрном фронте», Суханов мыслит по следующей логической схеме: «Движение крестьянства к социализму идет через коллектив. Община,—думает он,—коллектив; следовательно, через общину—к социализму!» Суханов—продолжает далее т. Кубанин,—берет во внимание лишь *количественную сторону* (курсив мой. Э. Г.) вопроса, но про самое важное—*качественную сторону* (курсив автора)—он вовсе забыл»².

¹ Суханов, «Община в советском аграрном законодательстве», «На аграрном фронте» № 11—12, 1926 г., стр. 99.

² М. Кубанин, «Община при диктатуре пролетариата», «На аграрном фронте» № 11—12, 1926 г., стр. 122.

¹ Зензинов, «Пропащая грамота», «Современные записки», т. 24, стр. 401.

То же самое, ту же самую ошибку, как мы неоднократно указывали выше, повторяет и т. Теодорович, не замечая именно *качественного* различия между взглядами Маркса на русскую общину и взглядами народников. Маркс и Энгельс, именно в связи с запросами народников и отвечая им, освещали тем самым большой теоретической важности вопрос о том, что в условиях мировой революции «развитие отсталых стран может пойти сокращенным путем». И не прав Бернштейн, когда в своей брошюре «К. Маркс и русские революционеры» смазывает принципиальность этих ответов указанием на то, что «Маркс и Энгельс сдерживали временами выражение своего скептицизма просто из уважения к идеологии русской революции» (стр. 60).

Несомненно, что ответы Маркса и Энгельса русским народникам, несмотря на мягкость тона, своей принципиальной установкой были направлены *против* народнической идеологии, шли в разрез с основными положениями народников и ни в коем случае не смазывали действительные взгляды Маркса и Энгельса в угоду народничеству. На вопрос народников—«может ли община послужить исходным пунктом для коммунистического развития»—Маркс и Энгельс, как известно, давали по существу *условный* ответ: может, если налицо будут определенные условия. Но вся беда народников заключалась именно в том, что эти условия, о которых говорил Маркс, были *принципиально противоположны* всей народнической установке и потому ни в какой мере народниками не могли быть восприняты. Каковы же эти условия? Их два. О первом из этих условий мы неоднократно говорили: община только тогда может явиться исходным пунктом ком-

мунистического развития, когда «русская революция послужит сигналом для революции пролетариата на Западе» (Маркс), когда руководство в этой революции обеспечено за пролетариатом, когда передовые страны, осуществив социалистическую революцию, дадут «пример для подражания» и послужат «толчком извне» (Энгельс) для отсталых стран. Ясно до очевидности, что это первое условие противоречит всей методологии народников, как сторонников самостоятельной крестьянской революции и крестьянского «самотека» к социализму. А это именно то коренное разногласие во взгляде на крестьянство, которое всегда разделяло на два непримиримых лагеря марксистов и народников.

Но есть и второе условие, которое Маркс и Энгельс выдвигали как обязательное и о котором т. Теодорович совсем забыл: община только тогда может послужить исходным пунктом для коммунистического развития, когда мировая социалистическая революция *уже* подспела, а община *еще не разложена капитализмом*. Если же страна *уже* вступила на путь капиталистического развития и «тлетворные» влияния этого капитализма *уже* проникли в общину и разлагают ее, то в таких условиях община *не может* служить исходным пунктом коммунистического развития.

И недаром Энгельс в своем письме к Н.—ону от 1893 г., когда несомненно было и капиталистическое развитие России и разложение общины и затыжка мировой социалистической революции, уже ясно ставит все точки над *i*. «Что касается до «общины», то она остается возможной только до тех пор, пока ее члены отличаются друг от друга богатством лишь в ничтожной степени. Как

только эти различия станут бóльшими, как только некоторые ее члены станут должниками, рабами других, более богатых членов, так община не может более жить. Афинские кулаки и мироеды перед появлением Солона разрушили афинский род с такой же немолимостью и беспощадностью, с какими кулаки и мироеды вашей страны разрушат вашу общину»¹.

Следовательно, классовая дифференциация внутри общины сразу снимает вопрос о возможности ее использования как формы для социалистической переделки крестьянского хозяйства. Этого указания Энгельса не понял, конечно, Суханов, когда говорил об общине как о социалистическом базисе в наших условиях,—этого же не понимает и т. Теодорович. В понимании т. Теодоровича положение о возможности некапиталистического развития деревни равносильно утверждению о «*взрастании*» крестьянства в социализм, это звучит как забвение основного—той *классовой борьбы*, которая разворачивается вокруг коллективизации деревни, и как игнорирование факта *классового расслоения, классовой дифференциации* в нашем крестьянстве. Тов. Теодорович забывает и не может объяснить с точки зрения своей методологии, почему сплошная коллективизация проходит успешнее в тех районах, где дальше и глубже зашла классовая дифференциация и где классовая борьба более резко и отчетливо выражена. Здесь у т. Теодоровича опять бессознательное подражание и повторение другого методологического греха народничества: «забвение классового антагонизма внутри крестьянства» (Ленин). Таким образом, по трем основным направлениям т. Теодорович попа-

дает в плен народнической методологии, во-первых, забывая основное требование марксистского анализа, необходимость четкой классовой характеристики изучаемого явления; во-вторых, становясь на народнические позиции в вопросах оценки крестьянского движения (теория «самотека», крестьянская социалистическая революция, отрицание руководящей роли пролетариата) и, наконец, в-третьих, в вопросе об условиях переделки крестьянского хозяйства при диктатуре пролетариата, о классовой борьбе, сопровождающей эту переделку и о классовой дифференциации в нашей деревне.

Поэтому и поучительна дискуссия с т. Теодоровичем, что в ней, как в фокусе, проявляется не только историческая, но и политическая актуальность разбираемого вопроса. Отсюда понятно, почему ошибки т. Теодоровича выходят за рамки чисто-теоретических заблуждений, а также принимают актуальный политический характер.

В качестве заключительного аккорда ко всей концепции т. Теодоровича, который может служить лучшим эпиграфом ко всей его книге, приведем следующее положение нашего автора: «Возьмите те штурмы, которые начались в 1879 г. и закончились в 1917 г.; мы их различаем, а ведь будущий историк, с высоты трех-четырёх столетий после нас, забудет различия и скажет обобщая: *движение началось тогда-то, потерпело поражение там-то, закончилось победой тогда-то и потому-то*». Мы ответим т. Теодоровичу словами автора, которого он преимущественно критикует и против которого по существу направлена вся книга т. Теодоровича:

«Те, кто видит в якобинцах или в народовольцах прямо «предшественни-

¹ Маркс и Энгельс, Письма, стр. 340, 341.

ков» большевизма, становится как явно не марксистскую позицию—скатываются к представлению о революционном движении, как о чем-то внеклассовом, несущемся самостоятельно и независимо над общим процессом экономической и социальной истории. Ленин этого, разумеется, никогда не делал. Свои «три поколения» русских революционеров он сейчас же поясняет как «три класса, действовавшие в русской революции»; сначала дворяне и помещики, затем «революционеры-разночинцы» («начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли»), наконец, «пролетариат». *И в этой классовой основе вся суть дела*¹ (курсив мой. Э. Г.).

У т. Теодоровича эта классовая осно-

ва полностью исчезает, он не видит различных классов, представлявших различные этапы революционного движения в России, а видит революционное движение вообще, начавшееся в 70-х годах и кончившееся победой в 1917 году. Что в этом движении было два, связанных между собою, но в то же время принципиально различных, этапа (движение *мелкой буржуазии* и движение *пролетариата*), это т. Теодорович полностью смазывает своей постановкой вопроса. И мы предоставляем читателю судить, кто из двух вышецитированных историков народничества в данном случае и по данному вопросу стоит на правильной позиции и кто из них ревизует ленинский анализ. Э. Генкина

ПО ЖУРНАЛАМ

«КАТОРГА И ССЫЛКА»

1929 г., №№ 8—9, 10, 11 и 12 и 1930 г. №№ 1, 2, 3, 4 и 5. Тираж 3 000—3 500 экз. Цена №—1 р., 50 к. Объем 200—250 стр. Журнал Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев.

Журнал «Каторга и ссылка» существует уже не первый год—всего вышло 66 номеров—и его литературно-исторический облик вполне определился. Все эти бурные годы исканий и решительных сдвигов не могли не найти соответствующего отражения и в периодической литературе, в частности в революционных журналах. Значительно возросшие требования массового читателя, не удовлетворяющегося больше революционными анекдотами и воспоминаниями, а желающего получать научно-проработанные исторические материалы, заставили редакции наших основных историко-революционных журналов основательно заняться самокритикой и реши-

тельно изменить содержание редактируемых ими изданий. Однако этот живительный дух самокритики не проник еще в редакционные аппараты Общества политкаторжан, и журнал «Каторга и ссылка» стойко выдерживает взятое им при своем основании направление.

В Третьяковской галлерее имеется прекрасная картина В. М. Максимова «Все в прошлом», изображающая старую даму, целиком ушедшую в воспоминания о прожитых ею днях молодости и равнодушную ко всему, ее окружающему. Такая дама любовно и подолгу перебирает все сувениры ее молодых лет и нежно вспоминает малейшие эпизоды, связанные с этими сувенирами. Ведь известно, что к старости память с особой отчетливостью воскрешает мелкие детали отдаленного прошлого, тогда

¹ М. Н. Покровский по поводу юбилея «Народной воли», «Историк-марксист» № 15, стр. 75.

как значительные события последних лет не оставляют почти никаких следов. И тот, кто «весь в прошлом», легко теряет историческую перспективу, он легко наряжает в героические одежды и себя, и своих современников:

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри — не вы!

Так же, как и старая дама на картине Максимова, «весь в прошлом» и журнал «Каторга и ссылка».

Значительное место занимает в нем отдел «Лики отошедших». Не говоря уже о названии, уместном скорее в издании какого-нибудь религиозно-духовного общества, специализировавшегося на «житиях» и «ликах», само содержание этого отдела крайне бедно и ничего не дает современному читателю, пытающемуся критически освоить революционный опыт прошлой борьбы. В 9 последних книжках журнала на 320 страницах говорится о 50 «отошедших». И все это — отдельные штрихи, случайные воспоминания, некрологи, полные общих мест и личных излишаний!

Современное поколение должно знать и ценить отошедших борцов, и серьезный исторический журнал может поставить такое изучение деятелей прошлого. Для этого, однако, менее всего пригоден тот путь, на который вступил журнал «Каторга и ссылка», так как из мозаики мелких и случайных статей, наполняющих собой отдел «Лики отошедших», решительно никаких общих характеристик получить нельзя, а как материал для последующих обобщений и выводов большинство этих статей так же мало пригодны. Документального материала в них вообще приводится мало, случайные же воспоминания, как известно, являются одним из наименее надежных исторических свидетельств. Возь-

мем статью А. Прибылева о Ин. Фед. Волошенко, помещенную в № 3 за 1930 г. журнала (стр. 127—147). Это одна из больших статей, пытающихся дать биографию и характеристику Ин. Фед. Волошенко. Однако редакция указывает, что «по отзывам других товарищей, знавших И. Ф. Волошенко, он не играл такой руководящей роли, какую ему приписывает А. В. Прибылев». На этом примере мы видим, насколько разнятся субъективные оценки отдельных товарищей; со стороны же редакции журнала не приводится никаких объективных материалов или разъяснений, которые позволили бы ориентироваться читателю, пожелавшему разобраться в этой страничке прошлого.

Однако главный дефект всех этих «ликов отошедших» не в мозаичности и незначительной исторической ценности приводимого материала, а в политической беспринципности даваемых характеристик, беспринципности не случайной, а введенной в систему. Октябрьская революция оказалась тем порогом, о который споткнулось немалое число революционеров. Ведь до сих пор еще преобладающим мотивом не только всей белогвардейской, но и так называемой «социалистической» прессы являются демагогические завывания о жестокостях большевиков, дерзнувших поднять руку на «революционеров», посвятивших свою жизнь борьбе с царизмом, оплативших свои убеждения каторгой и ссылкой. Мерилом истинной революционности отдельного лица мы считаем, и другого мерил быть не может, его отношение к тому этапу борьбы за социализм, которую российский пролетариат начал в октябре 1917 года. Если просмотреть все характеристики, приводимые в «Каторге и ссылке», то в подавляющем большинстве этот основной вопрос об-

ходится молчанием, или приводятся очень скользкие, а часто и совершенно недопустимые, положения. Приведем несколько примеров: А. Ф. Михайлов с 1907 г. «работал в кооперативном страховом деле в Ростове-на-Дону, где он и прожил до своей смерти в 1929 г.» («Каторга и ссылка» 1929 г., № 10, стр. 181). О последних 22 годах жизни видного революционера ничего больше не говорится, а ведь для характеристики его революционного «лика» не малое значение имеет и то, как отнесся он во время гражданской войны к засевшей в Ростове генеральской контрреволюции. В том же номере о Тихоцком сказано, что он «до конца своей жизни проявлял глубокий интерес к вопросам общественного порядка, был поразительно молод душой, радостно откликаясь на все положительные стороны современной жизни» (Ibid. стр. 186). Достаточно скользкая характеристика, тогда как читатель вправе ожидать в этих вопросах наибольшей четкости. Так же расплывчато говорит в своей автобиографии («Каторга и ссылка» 1930 г., № 5, стр. 209) П. П. Викторов о том, что в «дни Советской республики моя деятельность, сохраняя свой прежний социалистический характер, вновь устремляется к науке и *мирному* (? курсив наш. А. Б.) строительству». Группа товарищей, характеризуя С. С. Айнзафта, как «стойкого революционера», указывает, что «ошибочность его политической позиции не мешала ему *субъективно* быть очень преданным делу рабочего класса» («Каторга и ссылка» 1930 г., № 1, стр. 188). Оценка значения и стойкости революционера с точки зрения его субъективной преданности делу рабочего класса вводит новый критерий, применение которого заставило бы переоценить и реабилитировать

большое число развенчанных «героев», оказавшихся по ту сторону баррикад. Мы привели только несколько примеров, но они достаточно характеризуют всю беспринципность позиции журнала «Каторга и ссылка».

Не лучше обстоит дело и с вторым крупным отделом журнала «Тюрьма, каторга, ссылка и эмиграция». Из 20 статей только две, Г. Бакалова «Русская революционная эмиграция среди болгар» (1930 г., №№ 2—5) и Сургутянина «Сто лет сургутской ссылки» (1929 г., № 12), носят законченный общий характер. Все же остальное—опять-таки отдельные воспоминания, случайные эпизоды. А между тем каторга и ссылка ждут еще своего исследователя, и журналу Общества политкаторжан надлежало бы взять на себя инициативу исследовательской работы в этой области. Читатель же вправе ждать в этой области не эпизодических воспоминаний, а отдельных монографий и исследований.

Если отделы об отошедших, а также о каторге и ссылке, ни в какой степени не могут остановить на себе внимание массового читателя, то последний вправе ожидать большего от отдела «Из истории революционного движения, особенно за 1929 и 1930 гг., на которые приходится ряд революционных юбилеев, связанных с пятидесятилетием борьбы конца семидесятых годов. И, действительно, в целом ряде номеров журнала (1929 г., № 8—9, и 1930 г., №№ 1—4) помещено несколько статей о «Народной воле». Посвящая почти целиком № 8—9 журнала 50-летнему юбилею «Народной воли», редакция обещает в следующем номере «отметить юбилей другой революционной организации, возникшей одновременно с «Народной волей»—группы «Черный передел»—в связи с зарождением и развитием мар-

ксистских идей в России». Однако для всего облика журнала «Каторга и ссылка» характерно, что это обещание осуществлено не было. Не только в следующем, но в восьми вышедших с тех пор номерах журнала юбилей «Черного передела» не отмечен ни одной строчкой.

Характерно и то, что поднимаясь в связи с статьей И. Теодоровича «Историческое значение партии «Народной воли» широкая дискуссия, далеко вышедшая за рамки журнала «Каторга и ссылка», не нашла на страницах этого журнала никакого отклика со стороны непосредственных участников борьбы конца семидесятых годов, которым бы, казалось, и книги в руки для разъяснения вопроса о том, в ком видят они «наследников» и продолжателей начатой ими борьбы. Получается очень своеобразное положение. В журнале Общества, активными членами которого является целый ряд передовых борцов конца семидесятых годов, в разгар широкой дискуссии о значении, взглядах и программе партии «Народной воли», не помещается ни одной статьи этих ветеранов революции, ни одного воспоминания, подтверждающего, опровергающего или разъясняющего основные положения, высказанные Теодоровичем.

В своей статье И. Теодорович считает, что народовольцы «уже нащупывали, в одних случаях—более, в других—менее ясно» основные моменты, характерные для Октябрьской революции («Каторга и ссылка» 1929 г., № 8—9, стр. 36). И разбор основных теоретических документов народовольчества заставляет его говорить о «богатейшем, первоклассной ценности, идейном наследии, оставшемся от покойной «Народной воли» (Ibid., стр. 46). Другая статья, небезызвестного В. Левицкого (тоже не народовольца, а меньшевика),

«Народная воля» и рабочий класс» считает «совершенно установленным, что пропагандистская деятельность народовольческих организаций и групп, несмотря на все недостатки их программы, в очень большой степени содействовала выработке классового самосознания передовых русских рабочих. В этом отношении... народовольцы были, несомненно, предшественниками первых социал-демократических групп...» («Каторга и ссылка» 1930 г., № 1, стр. 65).

Российский марксизм, выросший и воспитавшийся на борьбе с народнической идеологией, всегда считавший еще со времен «Что делать?» Ленина, что «ошибка их (народовольцев) была в том, что они опирались на теорию, которая, в сущности, была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества» (Ленин, Сочинения, т. IV, стр. 464),—не мог, конечно, принять такую новую трактовку проблемы «наследства».

Признавая все революционное значение народовольчества, Ленин всегда и неустанно указывал на утопичность народнических теорий, и связь большевизма с народовольчеством находил не по линии идейных основ, как И. Теодорович («богатейшее идейное наследство»), а в революционной непримиримости, боевой тактике, четкой организации. Ленин указывал, что еще первые марксистские произведения 80-х годов стремились выделить «из шелухи народнических утопий ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс». И он предсказывал, что «когда-нибудь историки изучат систематически это стремление и проследят связь его с тем, что получило название «большевизма» в первое десяти-

летие XX века» (Ленин, Сочинения, т. XVI, стр. 166). Широкая дискуссия в прессе и Комакадемии восстановила ленинскую постановку вопроса о «наследстве»: революционный марксизм не может говорить о «богатеишем, перво-классной ценности, идейном наследии, оставшемся от покойной «Народной воли».

В журнале «Каторга и ссылка» имеет ряд статей И. Теодоровича, в том числе и его доклад и заключительное слово в Комакадемии. Однако следивший за всей дискуссией читатель должен будет признать, что т. Теодоровичу не удалось осуществить своего намерения «сквозь строй комментаторов прорваться к подлинному живому Ленину» («Каторга и ссылка» 1930 г., № 3, стр. 44).

Нельзя не остановиться и на том, как освещается в журнале «Каторга и ссылка» вопрос об индивидуальном терроре. Страстная полемика между «Искрой» и эсерами по этому вопросу является уже достоянием истории, на опыте трех революций полностью доказавшей всю непригодность революционной тактики, основывающейся на террористических выступлениях одиночек. Однако этот опыт не обязателен, повидимому, для «Каторги и ссылки». Статьи, описывающие отдельные террористические акты, полны славословия и восхищения перед героями-террористами, и ни авторы, ни редакция ни одним словом не пытаются осветить действительное историческое значение индивидуального террора. Вместо критического освоения прошлого опыта получается недопустимая и вредная идеализация обанкротившейся тактики.

Возьмем, хотя бы, статью С. А. Никонова «Как был убит адмирал Чухнин» («Каторга и ссылка» 1929 г., № 12).

Честь «организации дела Чухнина выпала на долю Х., для характеристики беззаветной преданности и бесстрашия которого автор ссылается на бесспорный, очевидно, для него авторитет Е. К. Брешковской, непримиримейшего врага пролетарской революции, прозавшей Х. «орленком, обещающим в будущем вырасти в революционного орла» (Ibid., стр. 59). Про Акимова, убившего Чухнина, «доходили впоследствии слухи о каких-то недоразумениях между ним и эмигрантами в Париже, но им нельзя придавать значения. Во всяком случае это был истый революционер и герой» (Ibid., стр. 63). Приводимый автором рассказ Акимова—сплошная идеализация террора... «Слышу призыв: «Иди! Иди вперед! За народ, за счастье его!». Я почувствовал какую-то особую до самозабвения радость, торжество. Необычайная сила вошла в мою душу и тело, и я без малейшего чувства колебания снова поднял ружье. Снова прицел... Падает курок... Громким эхо отозвался по бухте оглушительный выстрел. И взвился, и рассеялся передо мною столб дыма... Свершилось. Адмирал пал» (Ibid., стр. 62).

Такое идеализирование революционного авантюризма эсеров не допустимо. Ведь и покушения на вождей Октябрьской революции, отравленные пули, выпущенные эсеркой Каплан в Ленина, находятся в прямой преемственной связи с прежней террористической тактикой эсеров. А если, как это делается на страницах «Каторги и ссылки» («Каторга и ссылка» 1930 г., № 1, стр. 180), оценку людей производить с точки зрения их субъективных переживаний, то нетрудно представить себе, что и кулаки в своих террористических выступлениях против селькоров, колхозников и т. п. слышат, подобно эсеру Акимову, при-

зв: «Иди! Иди вперед! За народ, за счастье его!». Если бы редакция «Каторги и ссылки» находилась в руках бывших эсеров, то, может быть, от последних было бы трудно требовать полной переоценки своих прежних взглядов. Но мы не можем понять, как революционные марксисты, воспитавшиеся на борьбе с народничеством и с эсерами, могут проявлять такую, мягко выражаясь, терпимость в данном вопросе.

Таким образом, журнал «Каторга и

ссылка», как по характеру помещаемого в нем материала, состоящего в подавляющем большинстве из случайных, отрывочных воспоминаний, так и по некритическому отношению к историческому прошлому и по идеализации того, что осуждено уже революционным опытом, ни в какой мере не отвечает требованиям читателя, стремящегося усвоить уроки революционной борьбы старших поколений.

А. Бур

I. РЕЦЕНЗИИ

Н. Н. ПОПОВ. Национальная политика советской власти. Издательство «Пролетарий». 1930 г.

Небольшая книга т. Попова о национальной политике Советской власти дает правильные теоретические установки. Но она слишком элементарна. Прав автор, когда говорит, что «в ней даются лишь самые элементарные предварительные данные» и что ряд крупных вопросов затронут вскользь.

Автором не затронуты основные вопросы практического осуществления национальной политики коммунистической партии. Поэтому понятно, что в книге не уделено внимания тем большим достижениям, которые имеются в области хозяйственного и культурного строительства, а также классового расслоения среди национальностей, бывших в угнетении. Между тем эти достижения по сравнению с дооктябрьским периодом ко времени издания книги получили четкое выражение, и их противопоставление тому, что было до Октябрьской революции, имеет огромное воспитательное и агитационное значение.

В практическом проведении партийных директив в области национальной политики имеются те или иные отклонения от линии партии. Автор достаточно внимательно остановился на разногласиях по национальному вопросу в историческом разрезе. Но он не дал нам никакого анализа тем течениям и настро-

ениям, с которыми партии приходится бороться в практике проведения национальной политики в Советских республиках и автономных областях. Единственно, что в этом отношении дано, это то, что автор «буржуазной национальной фразеологии» противопоставляет «левую» фразеологию, своего рода нигилизм в национальном вопросе. Но и это дано в историческом разрезе, без анализа с точки зрения современности. Между тем «левая» фразеология в национальном вопросе очень часто встречается и в настоящее время выдается за подлинный интернационализм. В связи с этим имеется серьезная потребность развенчивать «левых» фразеров в национальном вопросе.

Чрезвычайно мало уделено внимания вопросам коренизации аппаратов, реализации языка и созданию пролетарских кадров. Даже такие вопросы, как создание коммунистических кадров, вовлечение трудящихся масс отсталых народностей в строительство и превращение языка в орудие коммунистического просвещения автором только ставятся теоретически, как будто у нас в этом отношении в нашей практике нет ни проверенного опыта, ни достижений. Нужно было хотя бы иллюстрировать эти вопросы с точки зрения нашей действительности.

Вопросы освобождения женщины у восточных народов и вовлечения ее в

строительство имеют исключительное значение. За разрешение этих вопросов впервые взялась коммунистическая партия, и мы в этом отношении имеем огромные достижения. Автор совершенно обошел эту проблему.

Местами лекции носят фельетонный характер и мало или вовсе ничего не дают читателю. Иногда они даже могут запутать его (лекция восьмая). Вряд ли много даст, напр., вот такая выдержка: «Одним из черкесских племен являются кабардинцы, составляющие три четверти населения Кабардино-Балкарской республики. Рядом расположены Осетинская и Ингушская автономные области. Среди горских народов Северного Кавказа осетины выделяются своей культурностью. Ингуши стоят много ниже. В Чеченской автономной области мы имеем чеченцев, по языку родственных ингушам» (стр. 17) и т. д.

Несмотря на указанные недочеты, книга т. Попова очень полезная книга. Она изложена популярно, читается легко и, как правильно говорит сам автор, дает «общее представление о национальной политике Советской власти и компартии».

Наши теоретические установки по национальному вопросу целиком оправданы практикой проведения нами национальной политики среди бывших угнетенных национальностей. Одновременно с социалистическим строительством мы дали образец практического разрешения проблемы освобождения угнетенных национальностей и имеем в этой области чрезвычайно яркие достижения. Все это дает богатое содержание для литературы по национальному вопросу. А между тем у нас этой литературы чрезвычайно мало. По нашему мнению, назрел и ждет своего разрешения в ближайшее время вопрос об издании пособия-учебника по национальному вопросу.

Симон Такоев

МАКС ГЕЛЬЦ. От белого креста к красному знамени. ЗИФ, М.—Л. 1930 г. Предисловие Г. Реммеле. Стр. 278.

Имя т. Гельца достаточно хорошо известно не только в Германии. Его

мужественная борьба в течение восьми лет каторжного заключения привлекла внимание сотен миллионов трудящихся всех стран.

Талантливейший пламенный агитатор, он после Ноябрьского переворота, будучи председателем Совета рабочих депутатов в Фалькенштейне, экспроприрует буржуазию, организует снабжение продовольствием пролетариев провинций Эрцгебирге-Фогтланд. Вместе с Паулем Поппом и Эугеном Штейнертом Гельц создает Фалькенштейнскую группу КП и ведет упорную непримиримую борьбу против социал-демократических вождей, пытавшихся путем обмана рабочих масс потушить огонь революционного движения и расчистить дорогу к власти для буржуазии. Весной 1920 г., он вместе с рядом других товарищей вооружает партизанские рабочие отряды и с успехом выступает против белых капповских банд (Капповский путч). Наконец, во время известного восстания пролетариев Средней Германии, весной 1921 г., он создает рабочую Красную гвардию и ведет настоящую войну против сильнейших правительственных войск. Голова т. Гельца оценивалась немецкой буржуазией в несколько тысяч золотых марок. Его имя произносилось со звериной ненавистью. За ним германская жандармерия вкупе с социал-демократическими чиновниками организовала такое преследование, как будто это был не один человек, а, по крайней мере, сотни людей. С другой стороны, революционные рабочие сложили в честь него песни. Макс Гельц стал легендарной фигурой. Не было такого завода или фабрики, где бы имя его не произносилось с любовью. Таков автор рецензируемой книги.

Последняя не является исторической работой, с большевистской четкостью анализирующей события первого периода пролетарской революции в Германии. Наоборот, она не свободна и от таких суждений, которые носят еще следы мелкобуржуазного происхождения автора. Прежде всего, как совершенно правильно указано в предисловии т. Реммеле, бросается в глаза его примитивно-революционная идеология. Установка на

то, чтобы во что бы то ни стало оправдать себя перед буржуазным правом и законом, вера в «справедливость», вера в силу буржуазной общественной организации—«Лиги защиты прав человека», неумение «с достаточной четкостью противопоставить лживой буржуазной морали мораль пролетарскую», недооценка мотивов своего освобождения—все это, конечно, умаляет, в известной мере достоинство его воспоминаний.

Рисую картину своей жизни, т. Гельц, росший вместе с революцией, учившийся революции в вооруженных столкновениях с буржуазией, отобразил тип революционера, характерный для его эпохи. Пролетарская революция в Германии того периода, который рисует т. Гельц, была еще свободна от слабостей и ошибок и не имела подлинного твердого большевистского руководства. Книга его «обнажает перед нами идеологическую невыдержанность и половинчатость», преобладавшую в рядах борющегося пролетариата в период, когда немецкая революция возглавлялась не большевистским руководством» (стр. 3).

Однако, при всех указанных выше недочетах, воспоминания Макса Гельца все же имеют огромное революционное значение. Первая часть его книги охватывает период с 90-х годов прошлого века по 1921 г.—год его ареста; вторая—целиком посвящена восьмилетнему заключению его в каторжных тюрьмах—в Мюнстере, Бреславле, Гросс-Стрелице и Зонненбурге.

Содержание воспоминаний в общем хорошо характеризуется в сделанном им самим посвящении. «Я вношу в эту книгу много личного,—пишет т. Гельц.—Это неизбежно, поскольку все личное было одновременно и общим всем. Не у меня одного были заняты тяжелым физическим трудом бедняки-родители, не меня одного избивали, когда я был слугой, не я один убежал, голодая, искал работы, верил в бога и отправился на войну, не у меня одного открылись глаза, и не я один обратил свое оружие против угнетателей, не я один очутился перед классовыми судьями, не я один лежал голый и истекающий кровью в застенках немецких ка-

торжных тюрем! Тысячи пережили и перестрадали то же, что и я. Они молчат. От их имени говорю я».

Наиболее захватывающие страницы воспоминаний посвящены революции в Германии (1918—1921 гг.) и заключению в каторжных тюрьмах. Работая, главным образом, в провинции Эрцгебирге-Фогтланд, Макс Гельц ярко изобразил то, что было типично почти для всей пролетарской Германии того периода: мужественную борьбу за Советскую власть, вооруженную войну против белых монархических банд и рейхсвера, напутствуемого и руководимого предательской социал-демократией, готовность рабочих масс довести вооруженную борьбу до окончательной победы и слабость руководства со стороны только что нарождавшейся коммунистической партии. «Если вспомнить условия того времени,—пишет т. Гельц—становится ясным, что в эпоху Капповского путча не доставало главной предпосылки для конечной победы революции в Германии,—дисциплинированной, железной компартии с ясно осознанными задачами и революционным руководством...» Тогдашняя оппортунистическая верхушка КПП придерживалась не менее неправильных взглядов на роль партии, и в первую очередь Брандлер, стоявший во главе Хемницкого окружного комитета. Брандлер, как и другие руководители КПП, не понимал, что революционная партия должна придерживаться в революционной борьбе твердой линии: вместо того, чтобы стать истинным авангардом пролетариата и тем самым завоевать доверие широких масс, руководители партии сосредоточили внимание на социал-демократии; их решения определялись в значительной мере позицией СПГ» (стр. 72).

Книга т. Гельца многому научит читательские рабочие массы. Она прежде всего со всей яркостью вскрывает лицо германской социал-демократии и ее госпожи—германской буржуазии. Воспоминания его послужат острым оружием как против реформизма во всех его видах, так и против партии предательства рабочих.

Нельзя не отметить досадную не-

брежность издания книги. В тексте много опечаток. Вместо Бавария печатается Болгария, вместо мюнстерской—монастырской тюрьме и т. д.

Н. Нелидов

И. А. ХУДЯКОВ. Записки каракозовца¹. С предисловием М. Клевенского. Изд. «Молодая Гвардия». Москва-Ленинград 1930 г. Тираж 6 100 экземпляров. Стр. 213. Цена 1 руб. 25 коп.

«Записки каракозовца»—это, говоря официально, автобиография² И. А. Худякова, одного из выдающихся революционеров 60-х годов и, вместе с тем, хотя и молодого (умер 25 лет), но серьезного научного деятеля в области собирания и исследования произведений народного творчества. Труды его тогда пользовались вполне заслуженной известностью.

Хотя И. А. Худяков в своем введении и говорит, что «общественной истории он будет касаться лишь настолько, насколько живописцу нужна тень для портрета», тем не менее его работа дает существенные дополнения к истории Ишутинского кружка и дела Каракозова. Необходимо, однако, отметить, что, ничего не скрывая из своей личной жизни, описание которой достигает крайней и порой излишней откровенности, Худяков не так-то уж откровенен в освещении своей роли в Ишутинском кружке и в самом покушении на Александра II.

Причина этой «скромности» заключается в том, что Худяков, являясь глубоким революционером своего времени, вместе с тем был и замечательным, природным конспиратором, что и не позволило ему, как мы увидим ниже, пускаться в излишнюю откровенность. Большой талант организатора и кон-

спиратора наиболее ярко проявлен Худяковым в его меткой характеристике Ишутина и особенно Каракозова. Подвергая интересной критике приготовления Каракозова к покушению и самую технику покушения, Худяков заканчивает так: «Однако, несмотря на силу своего характера, несмотря на предостережения своих товарищей (М. Клевенский совершенно основательно утверждает, что здесь Худяков имеет в виду самого себя. М. О.), Каракозов не имел настолько ума, чтобы исполнить свое дело мастерски... Сила ума не совпала с силой характера»...

Сила ума и характера самого Худякова особенно проявилась в его необыкновенном упорстве на следствии и суде. Он абсолютно отрицал какую-либо причастность как к Ишутинскому кружку, так и к самому покушению Каракозова. Лишь 25 и 26 апреля 1866 г., вследствие физического и морального истощения и перспективы возможной пытки, Худяков написал два «подлых показания»,—как он их сам квалифицирует,—но в последующих допросах Худяков наотрез отказался от них, как от вынужденных, продолжая с еще большей силой отрицать свою виновность. Что Худяков здесь несколько не преувеличивает,—об этом свидетельствует член следственной комиссии по делу о покушении А. П. Черевин, который в своих воспоминаниях говорит, что «более, несмотря на указания других и очные ставки, ничего не сказал в течение всего следствия Худяков».

Благодаря своему искуснейшему отпирательству, не уличая наряду с этим никого из сопроцессников, Худякову и удалось избежать виселицы (а не «чудом»,—как странно объясняет это М. Клевенский) и попасть в ссылку на поселение, которая, впрочем, оказалась горше каторги, полученной его товарищами. С современной точки зрения в необыкновенном отпирательстве Худякова можно было бы усмотреть некоторую неэтичность, если иметь в виду, что революционеры позднейшего времени—своим поведением и речами—суд над ними нередко превращали в суд над самодержавием. Однако было бы непра-

¹ Из серии «Революционное движение России в мемуарах современников». Под редакцией В. Невского и П. Анатольева.

² Переиздается с заграничного издания — «Опыт автобиографии», Женева 1882 год. В русском издании работа Худякова выходит вторично; первый раз она была напечатана в «Историческом вестнике» №№ 10—12 за 1906 г. под названием — «Из воспоминаний шестидесятника». Уже одно название показывает, что текст работы Худякова был тогда сокращен по цензурным условиям.

вильно думать так в отношении Худякова, поскольку у него не было предшествующего опыта (ведь процесс каракозовцев—это первый процесс террористов!), и он, не будучи уличенным, вполне разумно и естественно исходил из намерения сохранить свои силы революционера и организатора для дальнейшей борьбы и работы.

Тщательное умалчивание в книжке о своей подлинной роли в Ишутинском кружке Худяков допускает несомненно потому, что его рукопись (написанная немедленно по прибытии в Верхоянскую ссылку в 1867 г., т. е. в момент, когда у всех еще свежо было в памяти это знаменитое покушение) могла тем или иным образом попасть в руки правительства, и Худяков при более откровенном описании в ней своей роли рисковал повредить не только себе, но и другим лицам, связанным с ишутинцами, но не раскрытым следствием. Но Худякову не удалось все же «выдержать роль человека, чуть ли не случайно пригнутого к делу о покушении». В его работе встречаются суждения и записи, показывающие, что он был не только тесно связан с ишутинцами, но был душой и руководителем этого кружка. Именно в связи с этим в свое время, в «Московских ведомостях», реакционер Катков утверждал, что «Худяков наиболее серьезный деятель всего кружка», и добивался для него виселицы... Его классовое чутье верно угадывало самого главного врага среди отданной под суд молодежи.

Очевидно, немалое значение имел Худяков, если на средства кружка поехал за границу для установления связи с эмигрантами. Именно после возвращения его оттуда произошло заметное оживление кружка; в нем стали намечаться планы широкой революционной организации с раскинутой сетью по провинции, и одновременно начались разговоры о «Европейском комитете...», ставящем целью вызвать революции в разных странах террористическими средствами. Вполне возможно, что под этим именем понималось возникновение I Интернационала, причем мистификаторское извлечение целей последнего,—предпола-

гает М. Клевенский,—сделал, вероятно, Ишутин, рассказывая об этом сообщении Худякова в московском кружке.

Можно считать вполне установленным, что Худяков «принципиально вполне одобрял тактику террористических действий» и, хорошо зная о самостоятельном возникшем в московском кружке намерении Каракозова убить царя, нисколько не возражал против этого, а, наоборот, содействовал и одновременно «вел какую-то энергичную подготовительную работу, чтобы использовать покушение в революционных целях». «Каковы именно были его планы,—говорит М. Клевенский,—мы не можем сказать при теперешнем состоянии источников».

Редакция же прямо утверждает, что «именно Худяков был главным представителем той части ишутинцев, которая... как ближайшую задачу намечала расселение по провинции, создание там ряда местных центров социалистической пропаганды и агитации в народе» и «наряду с этим... борьбу с самодержавием». Поэтому «не подлежит сомнению, что ишутинцы были народниками», объединявшими собою «в слитом, не дифференцированном виде и чисто-демократические и социалистически-утопические стремления». Все это не вызывает никакого сомнения и спора. Но вот утверждение редакции о том, что «все эти теории, которые проповедывались демократами и боевыми демократами только частично, в своей наиболее здоровой части были восприняты впоследствии пролетариатом»,—неосторожно допущенное редакцией, абсолютно неверно и вплотную приводит ее к известной концепции И. А. Теодоровича. Последний то же самое утверждает в отношении более поздних (после каракозовщины) и более ярких «боевых демократов» народовольцев, находя в их программе также «частично» чуть ли не ленинскую установку социалистической революции вплоть до идеи советов и нэпа!

* * *

Из описания личной жизни Худякова можно исключить только излишние подробности интимно-семейного характера.

Остальное—годы детства, учебы в гимназии, в казанском и московских университетах; короткие странички о «студенческих историях» конца 1861 г. и о первых литературных шагах Худякова заслуживают внимания не только с точки зрения личных переживаний и настроений автора, но, главным образом, со стороны сочной и образной характеристики социально-общественного фона, на котором развивалась и протекала жизнь и деятельность Худякова. Его записи хотя коротки и лаконичны, но зато они насквозь проникнуты стойким революционным духом и целеустремленной ненавистью к господствующему строю, особенно к «правительственной системе воспитания» и махрово-реакционному невежеству большинства преподавателей и профессуры—этих типичных жандармов в педагогической тоге. Эти строки, без преувеличения, красочно живописуют эпоху 60-х годов.

К сожалению, только первая половина книжки Худякова является более или менее литературно-законченной, а остальная изобилует оборванными фразами или вместо законченного рассказа часто встречается лишь краткий конспект содержания. Вообще болезненный и физически слабый Худяков, надломленный тюремным заключением, напряженными и тяжелыми переживаниями во время следствия и суда, еще по дороге в ссылку быстро угасал, и потому в суровой верхоянской ссылке, лишенный ухода и нормальной жизни, физически не мог писать более внятно и литературно-законченно. Возможно, что Худяков намеревался еще вернуться к своей рукописи и придать ей законченную форму, но этого не случилось, потому что он вскоре (в 1876 г.) умер. Но и в том виде, в каком издана работа И. А. Худякова, она несколько не теряет своей ценности и принадлежит к числу лучших мемуарных произведений о Каракозовском деле и вообще служит неплохим дополнением к литературе по истории революционного движения 60-х годов.

В заключение несколько слов о дефектах книжки, не зависящих от ее ав-

тора. Книжка снабжена указателем имен, встречающихся в ней, и примечаниями, имеющими, повидимому, целью ориентировать неискушенного читателя. Так вот в примечании 4 в отношении декабристов сказано, что «целью их было водворение в России конституции—либо республиканской, либо монархической» (стр. 181)... Что же, собственно, было целью декабристов, спрашиваем мы у редакции, поскольку автор примечаний неизвестен? Далее, в примечании 19 читаем: «Добролюбов Н. А. (1836—1861). Известный критик шестидесятых годов, *очень* революционно настроенный. Он написал *очень* едкую рецензию на ученую диссертацию Ветрова, как на образец оторванного от жизни ученого крохоборства» (стр. 183—184). И это все... Не правда ли, недурная ориентация для тех, кто не знает, кем в действительности был друг Чернышевского Добролюбов? Помимо принципиально-никудышной сущности такого комментария, в нем прямо замечательно звучит подчеркнутое нами «очень»! Впрочем, это не случайная ошибка неизвестного автора примечаний, а самый настоящий его стиль, встречающийся и в других местах.

Обращает также внимание, что в примечаниях 44, 46 и 53 известный революционный деятель 60-х годов П. Г. Зайчневский во всех случаях именуется как Заичневский. В примечании 71 говорится, что активный участник польского восстания 1863 г. С. И. Сераковский—«взятый в плен был повешен» (стр. 192),* а упоминающий о нем Худяков пишет, что Сераковский был расстрелян (стр. 83). Любопытно, что примечание сделано не к этому утверждению, а совсем к другому, т. е. к стр. 70, где Худяков неправильно указывает военный чин Сераковского. Мы могли бы намного увеличить перечень этих недопустимых неточностей, но ограничиваемся только наиболее характерными из них с целью показать, что примечания не подвергались серьезному редактированию; иначе многие из них не вышли бы в таком виде, скорее дезориентирующем, чем ориентирующем молодого читателя, на которого книга и

рассчитана, судя по названию ее издательства.

Тем не менее, общая ценность книж-

ки этими нашими замечаниями нисколько не преуменьшается.

М. Острогорский

НОВЫЕ КНИГИ

История ВКП (б) и ленинизм

Ленин в русской сказке и восточной легенде. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 1 000. Стр. 90. Ц. 1 руб.

Вопросы преподавания ленинизма истории ВКП (б) и Коминтерна. Стенограммы докладов Ем. Ярославского, В. Адоратского, Д. Кина и Бела Куна, прения по докладом, резолюции и тезисы, принятые на совещании, происходившем в Обществе историков-марксистов Комакадемии 9—13/II-30 г. Изд. Комакадемии. Тираж 15 000. Стр. 318. Ц. 1 руб. 50 коп.

Е. Ф. Гирчак. На два фронта в борьбе с национализмом. Перевод с украинского с предисловием Н. А. Скрыпника. Гиз. М.—Л. Тираж 5 000. Стр. 226. Ц. 2 руб.

Общество старых большевиков. От подпольного кружка к пролетарской диктатуре. Вып. 1, 1893—1898. Изд. «Молодая гвардия». Тираж 10 100. Стр. 110. Ц. 60 коп.

Общество старых большевиков. Старый большевик. Сборник № 1. Под ред. П. Н. Лепешинского, Н. М. Немцова, В. Н. Соколова, Н. Ф. Чужака-Насимовича, Е. П. Первухина, С. Н. Смидовича, П. М. Никифорова. Гиз. Стр. 191. Ц. 1 руб. 20 коп.

Революционное движение и классовая борьба в России

Н. Ангарский. Легальный марксизм. Изд. Общества политкаторжан. Тираж 7 000. Стр. 131. Ц. 60 коп.

И. Генкин. Хождение по мукам. Изд. Общества политкаторжан. Тираж 22 000. Стр. 72. Ц. 25 коп.

Н. Я. Деркач. По этапам и тюрьмам. С предисловием П. Н. Лепешинского. Тираж 5 000. Стр. 95. Ц. 75 коп.

Жуковский-Жук. Александр Иванович Баранников. Изд. Общества политкаторжан. Тираж 15 000. Стр. 36. Ц. 12 коп.

Жуковский-Жук. Мартын Рудольфович Ланганс. Изд. Общества политкаторжан. Тираж 15 000. Стр. 27. Ц. 12 коп.

Из истории московской Красной гвардии. Материалы и документы. Собраны и подготовлены к печати Г. Д. Костомаровым и В. Л. Малаховским. Истпарт МК ВКП(б). Изд. «Московский рабочий». Тираж 3 000. Стр. 207. Ц. 1 руб. 50 коп.

Крепостная Россия. Сборник статей. Изд. «Прибой». Л. Тираж 2 000. Стр. 268. Ц. 3 руб.

В. Кордес. Товарищ Иннокентий. Изд. Общества политкаторжан. Тираж 22 000. Стр. 79. Ц. 25 коп.

М. Маньковский. У подножья виселицы. Изд. Общества политкаторжан. Тираж 22 000. Стр. 70. Ц. 25 коп.

И. Мошинский. Товарищ Артем. Изд. Общества политкаторжан. Тираж 22 000. Стр. 73. Ц. 25 коп.

Е. Поморцев. Будни подпольщика. Изд. Общества политкаторжан. Тираж 22 000. Стр. 75. Ц. 25 коп.

Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Революция на Украине. По мемуарам белых. Составил С. А. Алексеев. Под редакцией Н. Н. Попова. Гиз. Тираж 5 000. Стр. 435. Ц. 2 руб. 75 коп.

Н. Смирнов. Рабочие народовольцы. Изд. Общества политкаторжан. Тираж 22 000. Стр. 84. Ц. 25 коп.

Тверская и Северная группы московской организации РСДРП. Из истории большевистской работы в Москве в годы империалистической войны. Истпарт МК ВКП(б). Изд. «Московский рабочий». Тираж 3 000. Стр. 167. Ц. 1 руб. 40 коп.

М. Теряева. Первая русская революция. 1905—1907. Научно-популярный очерк. Изд. «Работник просвещения». Тираж 15 000. Стр. 213. Ц. 1 рубль, переплет 25 коп.

Лев Тихомиров. Заговорщики и полиция. Изд. Общества политкаторжан. Тираж 5 000. Стр. 171. Ц. 1 руб. 75 коп.

Л. Фрейфельд. В горах Акатуя. Изд. Общества политкаторжан. Тираж 22 000. Стр. 66. Ц. 20 коп.

Б. Шварц. Семь лет в Шлиссельбургской крепости. Изд. Общества политкаторжан. Тираж 7 000. Стр. 155. Ц. 65 к.

В. Шпанец. Лобное место. Изд. Общества политкаторжан. Тираж 22 000. Стр. 70. Ц. 25 коп.

Международное революционное движение

Макс Гельц. Годы борьбы в рядах комсомола Гинденбургской республики. Изд. «Молодая гвардия». Стр. 110. Ц. 50 коп.

Десять лет Профинтерна в резолюциях, документах и цифрах. Составил С. Сорбонский. Под редакцией и с

предисловием А. Лозовского. Изд-во ВЦСПС. Стр. 276. Ц. 1 руб. 25 коп.

Десять лет Профинтерна. Сборник статей под редакцией А. Лозовского, Г. Смолянского и И. Юзефовича. Гиз. Тираж 5 000. Стр. 250. Ц. 1 руб. 60 коп.

Красный Интернационал профсоюзов. Мировой кризис, положение и стачечная борьба международного пролетариата. Изд-во ВЦСПС. Стр. 300. Ц. 2 руб. 50 коп.

А. Лозовский. Десять лет борьбы за Профинтерн, т. I. Изд-во ВЦСПС. Тираж 5 000. Стр. 490. Ц. 2 руб. 50 коп.

Мировое революционное профдвижение от IV до V конгресса Профинтерна. 1928—1930. Материалы к отчету Исполбюро V конгрессу Профинтерна, вып. III. Изд-во ВЦСПС. Стр. 243. Ц. 1 руб. 75 коп.

А. И. Шустер. Маркс и Энгельс об Индии. Гиз. Тираж 10 000. Стр. 141. Ц. 70 коп.

РАБОТА МЕСТНЫХ ИСПАРТОВ И ОТДЕЛЕНИЙ ЕДИНОГО ПАРТАРХИВА

РАБОТА НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЕВОГО ИСПАРТА

Работа испарта по округам и районам осуществляется через уполномоченных испарта. В Чувашской же АССР и в Сормове имеются группы содействия испарту (3—5 человек). Всех уполномоченных по краю 50 чел.; кроме уполномоченных при испарте имеется группа старых большевиков-инвалидов, которые добровольно работают по различным поручениям испарта, напр.: по выявлению литературного материала, памятников революции и т. д. Работники испарта находятся в тесном сотрудничестве с филиалом Общества старых большевиков, и ряд мероприятий проводят совместно с ним.

Значительная часть работы испарта в 1929/30 г. заключалась в подготовке к празднованию юбилея революции 1905 года. В связи с этим юбилеем ведется работа по изданию трех литературных работ: научно-популярной брошюры «Революция 1905 г. в Нижегородском крае», книжки «Сормово в первой русской революции» и сборника статей, посвященных революции 1905 года. Кроме того, намечено: помещение ряда статей в периодической печати, устройство стационарной выставки в музее революции по революции 1905 года; устройство передвижных выставок для рабочих районов, установка мемориальных досок на зданиях, связанных с событиями 1905 года, открытие памятника революции 1905 года и ее жертвам на Острожной площади в день Октябрьской революции, открытие 2 камер бывш. царской тюрьмы (острога), наименование вновь открытых общественных учреждений (школ, колхозов, клубов, нардомов и пр.) именами погибших борцов революции данного района, проработка вопроса о ре-

волюции 1905 года в школах и, наконец, экскурсии в Москву и в краевой центр.

В едином краевом партархиве в настоящее время ведется работа по стягиванию партийных и комсомольских архивов, ликвидированных укомов и волкомов, а также архивов бывших губернских центров. Взятие на учет всех партийных и комсомольских архивов края идет недостаточно быстрым темпом. Краевым партархивом подобраны полные комплекты периодических изданий: «Нижегородская коммуна» за 1918—1929 гг., «Правда» за 1920—1929 гг., «Известия ЦК ВКП(б)» за все годы, а также издания местной периодической печати, листовки и плакаты. Помещение для партархива отводится во вновь строящемся Доме Советов в Кремле.

Нижегородский Музей революции получает более обширное и более удобное помещение и начал реорганизовываться, стремясь приблизить свою работу к массовому посетителю. В экспозиции музея представлены по преимуществу подлинные материалы, фотографии и документы. В целях лучшего сохранения подлинников их решено заменить дубликатами. В плане работ музея предусмотрено устройство передвижных выставок, но осуществить это будет трудно, так как нет достаточных сил. В августе 1929 г. при музее была устроена антимилитаристическая выставка в связи с 15-летием мировой войны и передвижка в Сормове на тему «Сормово в прошлом». В текущем году была выставка по истории комсомола и выставка о Ленине.

О РАБОТЕ ИСПАРТА СРЕДНЕВОЛЖСКОГО КРАЙКОМА ВКП(б)

В течение 1929/30 г. работа испарта, вследствие долгого отсутствия заведующего, протекала в крайне неблагоприятных условиях. Несмотря на это, была выпущена брошюра В. Троцкого «Революционное движение в Среднем Поволжье». Кроме того, В. Троцким составлено за это время 402 карточки к подготавливаемой им к печати «Хронике революционных событий в Средневолжском крае за 1919 г.» (выпуск книги предполагается в 1931 г.).

Под общим руководством испарта проходила и работа Средневолжского краевого партархива. Партархив, находящийся временно в здании краевого архбюро, в новом своем помещении приступил к работе с 24 ноября 1929 года. В первую очередь была начата концентрация партийных и комсомольских архивов г. Самары. Сконцентрированы следующие фонды: 1) Дела Самарского губернского комитета ВКП(б) с 1919 по 1928 г., 2) Дела I райкома г. Самары с 1919 по 1928 г., 3) Дела II райкома г. Самары с 1921—1928 гг., 4) Дела III райкома г. Самары с 1918 по 1927 г., 5) Дела IV райкома г. Самары с 1919 по 1928 г., 6) Дела Самарского укома с 1918 по 1928 г., 7) Материалы самарской организации ВЛКСМ с 1920 по 1928 год. Все материалы за исключением комсомольского архива разобраны по организациям, годам соответственно структуре каждой организации; все они разложены и скреплены в связки и установлены по стеллажам, но еще не описаны. К составлению описи будет приступлено по окончании разборки россыпи. Материалы ВЛКСМ разобраны только по годам.

Историко-революционный музей в г. Самаре находился за истекший период в свернутом состоянии, так как помещение его было отведено в 1929 г. под Самарский окружной комитет ВКП(б). В декабре 1929 г. под музей было отведено помещение закрытой Николо-Софийской церкви, которая после капитального ремонта может быть использована для музея. Помещение церкви имеет общую площадь около 400 кв.

метров. В 1931 г. намечено произвести надстройку 2-го этажа, где будет помещаться архив музея, фотолаборатория, окантовочная мастерская, комната научных работников и канцелярия.

Ввиду невозможности за истекший период вести постоянную работу Историко-революционным музеем в январе 1930 г. была проведена трехнедельная передвижная выставка, посвященная памяти В. И. Ленина, обслужившая два больших предприятия г. Самары—Самаро-Златоустовскую ж. д. во время происходившего железнодорожного делегатского съезда и Средневолжский металлургический завод. Вторая выставка: «Женщина в революционном движении Средневолжского края» в течение 5 дней обслуживала I краевой съезд колхозниц. Кроме того, музеем была выделена часть экспонатов и для организации Ленинской выставки в Государственном краевом музее. Юбилейной комиссией по проведению празднования революции 1905 г. дано Историко-революционному музею задание подготовить материалы к устройству выставки: «Революция 1905 года в Средневолжском крае».

Что касается истпрофа, то с образованием в 1928 г. Средневолжской области работа его совершенно прекратилась, так как заведывающая истпрофом была переброшена на культурную работу, а назначенный на ее место товарищ был в постоянных командировках и работы вести не мог.

В таком же положении, как истпроф, находится и истмол. Вопрос об истмоле неоднократно возбуждался перед секретариатом и бюро Средневолжского крайкома ВЛКСМ, сообщалось об этом в истмоле при ЦК комсомола, но положительных результатов пока нет. Истмол попрежнему бездействует.

С крайархбюро у испарта постоянная живая связь. Зав. крайархбюро г. Михайлов работает над составлением брошюры: «Гражданская война в Средневолжском крае», которая должна в скором времени выйти из печати.

Филнал Общества старых большеви-

ков и филиал Общества политкаторжан, существующие в Самаре, находятся в состоянии застоя и, хотя и имеют связь с истпартом, но, кроме выступлений на вечерах воспоминаний, никакой помощи ему не оказывают. Общество партизан-чапаевцев, возникшее в ноябре 1929 г., оказалось наиболее жизненным. В нем в настоящее время свыше 50 членов; оно имеет постоянное поме-

щение в Доме Красной армии, устраивает регулярные собрания, собирает материалы о Чапаеве и чапаевцах. Обществом уже выпущена брошюра «Воспоминания одного из чапаевцев о 22-й дивизии». Это общество без сомнения окажет существенную поддержку истпарту при написании истории гражданской войны в Средневолжском крае.

В. Троцкий.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	Стр.
Г. Бешкин. Борьба с ликвидаторством на международной арене в довоенные годы	3
П. Прагер. Легальный марксизм (окончание)	35
А. Дубнер. Бакинский пролетариат в борьбе за власть (1918—1920 гг.)	75

ВОСПОМИНАНИЯ

А. Авдеев. Из истории борьбы за Советы	94
--	----

МАТЕРИАЛЫ

Из переписки заграничного большевистского центра с М. М. Литвиновым (1904—1905 гг.). Подготовлено к печати М. Левиной.	128
--	-----

ПАМЯТИ ТОВАРИЩЕЙ

М. Эссен. Памяти т. А. М. Эссена (Бура)	144
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и заметки: А. Ангаров. Ленинский сборник XIV.—Э. Генкина. Тов. Теодорович в плену у народнической методологии. (По поводу книги т. Теодоровича «Историческое значение партии «Народной воли».)	148
По журналам: А. Бур. «Каторга и ссылка» №№ 8—9, 10, 11 и 12 за 1929 г. и №№ 1, 2, 3, 4 и 5 за 1930 г.	168
Рецензии: С. Такоев. Н. Н. Попов. Национальная политика советской власти.—Н. Нелидов. Макс Гельц. От белого креста к красному знамени.—М. Острогорский. И. А. Худяков. Записки каракозовца	173
Новые книги.	179

ХРОНИКА

Работа местных испартов и отделений единого партархива: А. Преображенский. Работа Нижегородского краевого испарта. В. Троцкий. О работе испарта Средне-волжского крайкома ВКП(б)	181
--	-----

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

в 27-ми
ТОМАХ

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

в 27-ми
ТОМАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. В. АДОРАТСКОГО, В. М. МОЛОТОВА, М. А. САВЕЛЬЕВА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- Том I. 1893—1896. Подготовлен к печати И. П. Товстухой, Л. 1926. Стр. XXXII + 535 + 9 (ненум.) + 11 вкл. листов.
- Том II. 1897—1899. Подготовлен к печати И. П. Товстухой, М.—Л. 1926. Стр. XLVIII + 668 + 8 (ненум.) + 2 вкл. листа.
- Том III. Развитие капитализма в России. Подготовлен к печати Н. Г. Петровым, М.—Л. 1926. Стр. VIII + 614 + 14 (ненум.) + 2 вкл. листа.
- Том IV. 1900—1902. Подготовлен к печати В. Г. Соринным, М.—Л. 1927. Стр. XXVIII + 662 + 8 (ненум.) + 1 вкл. лист.
- Том V. 1902—1903. Подготовлен к печати В. Г. Соринным, М.—Л. 1928. Стр. VIII + 444 + 8 (ненум.).
- Том VI. 1903—1904. Подготовлен к печати В. Г. Соринным, М.—Л. 1929. Стр. VIII + 496 + 8 (ненум.).
- Том VII. 1904—1905. Подготовлен к печати Г. И. Крамольниковым, М.—Л. 1928. Стр. VIII + 528 + 8 (ненум.).
- Том VIII. 1905. Подготовлен к печати Г. И. Крамольниковым, М.—Л. 1929. Стр. II + 567 + 9 (ненум.).
- Том IX. 1906. Подготовлен к печати Э. Я. Газгановым, М.—Л. 1930. Стр. VIII + 616 + 8 (ненум.).
- Том X. 1906—1907. Подготовлен к печати И. И. Минцем, М.—Л. 1928. Стр. VII + 562 + 8 (ненум.).
- Том XI. 1907. Подготовлен к печати И. И. Минцем, М.—Л. 1929. Стр. VIII + 655 + 9 (ненум.).
- Том XII. 1907—1908. Подготовлен к печати И. Л. Татаровым, М.—Л. 1929. Стр. VIII + 575 + 9 (ненум.).
- Том XIII. Материализм и эмпириокритицизм. Подготовлен к печати А. Я. Троицким и Н. А. Каревым, М.—Л. 1928. Стр. VIII + 367 + 8 (ненум.).

- Том XIV. 1909—1910. Подготовлен к печати Ф. Д. Кретоным, М.—Л. 1929. Стр. VIII + 631 + 9 (ненум.).
- Том XV. 1910—1912. Подготовлен к печати И. В. Волковичер, М.—Л. 1929. Стр. VIII + 736 + 8 (ненум.).
- Том XVI. 1912—1913. Подготовлен к печати Арк. Ломакиным, М.—Л. 1930. Стр. VIII + 814 + 8 (ненум.).
- Том XVII. 1913—1914. Подготовлен к печати Д. Я. Кином, М.—Л. 1929. Стр. VIII + 822 + 8 (ненум.).
- Том XVIII. 1914—1915. Подготовлен к печати А. И. Угаровым, М.—Л. 1929. Стр. II + 490 + 10 (ненум.).
- Том XIX. 1916—1917. Подготовлен к печати Д. А. Баевским, М.—Л. 1929. Стр. II + 546 + 10 (ненум.).
- Том XX. 1917. Подготовлен к печати Н. Н. Овсянниковым, М.—Л. 1928. Стр. II + 720 + 12 (ненум.).
- Том XXI. 1917. Подготовлен к печати Н. Н. Овсянниковым, М.—Л. 1928. Стр. 585 + 10 (ненум.).
- Том XXII. 1917—1918. Подготовлен к печати В. Н. Рахметовым, М.—Л. 1929. Стр. VIII + 680 + 12 (ненум.).
- Том XXIII. 1918—1919. Подготовлен к печати С. П. Коршуновым, М.—Л. 1929. Стр. VI + 650 + 10 (ненум.).
- Том XXV. 1920. Подготовлен к печати К. П. Новичком, М.—Л. 1928. Стр. VIII + 710 + 10 (ненум.) + 2 вкл. листа.
- Том XXVI. 1920—1921. Подготовлен к печати К. П. Новичком, М.—Л. 1930. Стр. VIII + 747 + 10 (ненум.).

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

- Том XXIV. 1919. Подготовлен к печати Е. И. Коротким.
- Том XXVII. 1921—1923. Подготовлен к печати И. П. Товстухой.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ, УДЕШЕВЛЕННОЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Н. И. БУХАРИНА, В. М. МОЛОТОВА, М. А. САВЕЛЬЕВА.
ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ ТОМЫ I—VIII, X—XV, XVII—XXIII, XXV.

В это издание включен полностью без изменений весь материал, вошедший во второе издание.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ:

ЦЕНА по подписке 40 руб. При подписке вносится 4 рубля. При получении каждого тома уплачивается по 1 р. 50 к.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ:

ЦЕНА по подписке 20 руб. При подписке вносится 2 рубля. При получении каждого тома уплачивается по 75 к.

ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТ ПОДПИСЧИКА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: В МОСКВЕ в Главной конторе подписных и периодических изданий Госиздата, Москва, центр, Ильинка, 3, телеф. 4-87-19, 5-74-74 и 5-94-80; в ЛЕНИНГРАДЕ в Конторе подписных и периодических изданий Ленинградского отделения Госиздата, Ленинград, Проспект 25 Октября, 28, телеф. 5-48-05 и 1-08-98; во всех московских, ленинградских и провинциальных книжных магазинах Государственного Издательства, а также уполномоченными Главной Конторы Госиздата, снабженными соответствующими документами.

ГОСИЗДАТ РСФСР

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1930 ГОД

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ИНСТИТУТА ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б).

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: В. В. АДОРАТСКОГО, Д. А. БАЕВСКОГО
П. О. ГОРИНА (ЗАМ. ОТВ. РЕД.), М. С. ОЛЬМИНСКОГО
■ ■ ■ М. А. САВЕЛЬЕВА (ОТВ. РЕДАКТОРА) ■ ■ ■**9-й ГОД ИЗДАНИЯ**

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» посвящен изучению ленинизма, истории ВКП(б) и Октябрьской революции, истории революционного движения в России, гражданской войне и борьбе с контрреволюцией, а также истории Коминтерна, деятельности зарубежных коммунистических партий и международного рабочего движения. Все эти вопросы находят свое освещение в виде научно-исследовательских статей и воспоминаний. Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» публикует также архивные документы, относящиеся к деятельности В. И. Ленина и истории большевистских партий и организаций.

12 НОМЕРОВ В ГОД**ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:**1) СТАТЬИ, 2) ВОСПОМИНАНИЯ, 3) МАТЕРИАЛЫ, 4) ТРИБУНА, 5) ДОКЛАДЫ
В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА, 6) КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ, 7) ХРОНИКА.**К СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЖУРНАЛЕ ПРИВЛЕЧЕНЫ ЛУЧШИЕ ПАРТИЙНЫЕ И НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ**

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ», являясь органом научной, партийно-исторической мысли и изучая вопросы истории ВКП(б) в марксистско-ленинском понимании, кроме специалистов-историков, рассчитан также на широкие кадры партийных пропагандистов, научных работников и педагогов, слушат. вузов и комвузов и т. д.

ИЗ ОТЗЫВОВ ПРЕССЫ О ЖУРНАЛЕ «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ».

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» выполняет весьма полезную работу подготовки материалов по истории революционного движения в России, истории ВКП(б) и Октябрьской революции... Правильный курс на повышение уровня научной обработки даваемого материала, на более отрогий его подбор завоевывает «ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» видное место среди существующих научных марксистских журналов.

Журнал заслуживает большого распространения и использования, в частности в наших партийных учебных заведениях, для которых он является серьезным пособием при прохождении курсов истории партии и ленинизма. «Книжка и Революция» № 1, 1929 г., стр. 44—45.

... С тех пор наш «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» стала органом Института Ленина при ЦК ВКП(б), центр тяжести внимания редакции журнала все более и более переносится на материалы, связанные с деятельностью и именем В. И. Ленина. Это придает выдающийся интерес почти каждой странице журнала. «История-марксист», том 12, 1929 г., стр. 269.

Цена на год—12 р., на 6 мес.—6 р., на 3 мес.—3 р.
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА—1 руб. 50 коп.**АДРЕС РЕДАКЦИИ:** МОСКВА, Институт Ленина, Советская площадь. Телефоны: городской—1-42-60, коммутатор 18-93.**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:**

Периодсектором Госиздата РСФСР, Москва, центр, Ильинка, 9; Ленотгиз, Ленинград, пр. 25 Октября, 28; в отделениях, конторах и магазинах Госиздата РСФСР, у уполномоченных, снабженных удостоверениями; во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, во всех почтово-телеграф. конторах, а также у лисьмоносцев. По Москве и Московск. области подписку надлежит направлять в Мосотгиз «Моск. рабочий», Москва, Неглинный пр. 9.